КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1903 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.[1]

Вокругъ жилья.

Вблизи мѣстной крестьянской хаты тѣснятся въ прихотливомъ иногда живописномъ безпорядкѣ: цвѣты, кусты, плодовыя и дикія деревья, ульи, овощи, а поодаль разбросаны: коноплиникъ лугъ и поле,—какіе предметы и составятъ содержаніе настоящихъ хозяйственно-бытовыхъ очерковъ.

I. Цвѣтникъ.

Расположеніе и назначеніе цвѣтовъ; составъ цвѣтника.

Въ расположеніи народнаго цвѣтника нѣтъ никакого плана или системы. Сообразно условіямъ мѣстности и прихоти дивчатъ, дочерей хозяина, на которыхъ всецѣло лежатъ заботы о цвѣтникѣ, цвѣты располагаются возлѣ хаты, у «покутняго» окна, на особыхъ кружкахъ, или на огородныхъ грядахъ, или въ саду. Часть цвѣтовъ зимуетъ въ грунтѣ подъ легкимъ покровомъ изъ соломы и навоза; часть высѣваютъ сразу въ грунтъ съ раскры-

---

1) См. очеркъ «Жилье» въ Кіев. Стар. 1902 г., IV, 110—135.

тіемъ весны, когда снѣгъ стаетъ; иные пересаживаютъ въ гряды изъ горшковъ, поставниковъ, разсадниковъ. Тогда же вынимаютъ изъ погреба или изъ-подъ пола хаты и садятъ клубни георгины. Кусты бузины, калины, сирени и шиповника пересаживаютъ изъ садовъ и луговъ. «Шепшыну тры годы пересажують на весни: вона стане пышна и гарна; тоди іи звуть троянда». По народному наблюденію, нельзя сѣять и садить цвѣтовъ на третьей лунной четверти: «будуть шолудыви». Въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ украинскихъ мѣстностяхъ, [1]) разводятъ слѣдующіе цвѣты и кустарники, имѣющіе декоративное, символическое, приворотное, обрядовое, врачебное и пищевое значеніе.

Барвинокъ (vinca minor, L.), среднеевропейскій кустарникъ [2]), судя по названіямъ: галицкому барвинокъ и итальянскому pervinca могъ перейти въ Малороссію изъ Италіи чрезъ Галицію. По Костомарову [3]) и Чубинскому [4]) служитъ въ малорусской поэзіи символомъ дѣвичества и брака. Дѣвицы украшаютъ имъ голову. Для того, чтобы онъ былъ «хрещатымъ», побѣги его собираютъ вмѣстѣ и прикидаютъ землей.

Бозь, бузокъ (syringa vulgaris. L. польское bez) имѣетъ декоративное и лѣкарственное значеніе: настойку изъ сирени пьютъ отъ лихорадки [5]).

Бузину (Sambucus nigra. L.), разводимую изъ-за ягодъ, служащихъ для приготовленія пирожковъ и киселя (бузинника): также изъ-за однолѣтнихъ побѣговъ, прикладываемыхъ къ рожистому воспаленію [6]).

---

[1]) О народномъ цвѣтникѣ см.: 1) М. Левченко. Нѣск. дан. о жил. и пищѣ малор. Зап. Ю.-Зап. От. геогр. общ. II, 137, 2) Богдановичъ. Сб. свѣд. о Полт. губ. Полт. 1877 г., 162.

[2]) Григорьевъ. Руков. къ бот. Моск. 1864 г., 225.

[3]) Объ историч. значеніи народ. поэзіи. Харьковъ, 1843 г., 33.

[4]) Тр. экспед. т. I, в. I, 83.

[5]) Въ моей „Народ. медиц. въ луб. уѣздѣ“ въ Кіев. Стар. 1900 г. V, 165, VII и VIII, 55.

[6]) Ibid.

Васильки (ocimum basilicum. L.), принадлежащіе къ губоцвѣтнымъ; распространившіеся изъ южной Азіи, гдѣ по легендѣ они выросли на мѣстѣ закопаннаго креста Спасителя, по Европѣ, вѣроятно, чрезъ Грецію, такъ какъ у романскихъ, частью германскихъ и славянскихъ племенъ названіе ихъ одинаково съ греческимъ basilicon. Клались въ гробницы еще галлами [1]). У малоруссовъ, символизируя чистоту, привѣтливость, учтивость [2]), «сопровождаютъ всю жизнь малоросса отъ дѣтской купели до гроба» [3]). Въ лубенскомъ у. ихъ ставятъ за образа, кладутъ въ гробы и дѣлаютъ изъ нихъ кропило; также моютъ больную голову [4]).

Васильки семейства амарантовыхъ (Amarantus caudatus. L.), въ противоположность разнообразному значенію предыдущихъ, украшаютъ лишь гряды своими красными султанами.

Гайстры (Aster chinensis. L.), также декоративное растеніе.

Гвоздику (Tagetes erecta. L.), иначе шапки, цовнякъ, купчакъ у подолянъ [5]), служащую кромѣ головного дѣвичьяго украшенія, еще редствомъ отъ желтухи [6]).

Жоржыну, оржыну, соржыну (Dahlia variabilis. Desf.), по-французски georgine, бывающую разныхъ цвѣтовъ, «жовтогаряча, червона, бурякова»,—ею «затыкаются дивкы».

Зиркы (Lychnis chalcedonica. L.)—служатъ той же цѣли.

Калину, (Viburnum opulus. L.), по Костомарову [7]) и Сумцову [8]) символизирующую красоту и дѣвственность; любимый образъ свадебныхъ и другихъ украинскихъ пѣсенъ. Часто калина получаетъ эпитетъ «гирка», отъ горечи ягодъ, запекаемыхъ въ

---

[1]) Григорьевъ, 405.

[2]) Костомаровъ, 30.

[3]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Этног. зам. изъ Этногр. Обозр. Москва 1889. III, 12, 13.

[4]) Моя «Нар. мед.» II, 373.

[5]) Свидницкій. Велыкд. у подол. Осн. 1866. XI и XII, 29.

[6]) Моя «Нар. мед.», II. 373.

[7]) Объ ист. знач., 33.

[8]) Этногр. зам., 20.

хлѣбъ (калыняныкъ). Кромѣ того ее кладутъ въ купель въ предупрежденіе желтухи и головной боли [1]).

Кануперъ (Balsamita vulgaris L.), называемый калуферомъ у Левченка [2]), кануферомъ у Роговича [3]) и конупиромъ у Волкова [4]), душистое растеніе съ зубчастыми листьями, посыпаемое въ хатахъ въ «клечальную» субботу, признается полезнымъ отъ нарывовъ (выразивъ) на пальцахъ.

Клынъ—или край-дерево (Ricinus communis. L.) рицина, украшаетъ грядки.

Короливъ цвитъ (Phaseolus multiflores Wild).

Красоля или настурція (Tropaeolum majus. L.) съ оранжевыми (жовтогарячими) цвѣтами, и кручени ценычи (Ipomaea tricolor),—всѣ разводятся для украшенія.

Ласкавыцю (Bupleurum), растеніе съ бѣлыми цвѣтами, разводятъ какъ лѣкарственное.

Лилію жовту или чоловичій викъ (Hemerocallis fulva. L.)—какъ декоративное растеніе.

Любыстокъ (Levisticum officinale Koch), libitico, levistico въ Италіи. Вѣроятно заимствованный оттуда малороссами, онъ признанъ приворотнымъ зельемъ по созвучію съ любовью. Такъ дѣвушки поятъ имъ парней, добиваясь любви послѣднихъ [5]). Онъ-же признанъ оберегающимъ отъ русалокъ [6]). Его сѣмена и стебли, собранные на зеленые праздники, потомъ засушенные, ѣдятъ отъ различныхъ желудочныхъ страданій: «сояшныць, завинъ», рвотъ, глистовъ. Имъ смываютъ еще больную голову и примѣшиваютъ въ купель родильницы и дитяти [7]).

---

[1]) Моя «Нар. мед.», II, 373.

[2]) Зап. Ю.-З. отд. геогр. Общ. II, 137.

[3]) Ibid. I, 114 и 169.

[4]) Ibid.

[5]) Роговичъ, 126.

[6]) Маркевичъ. Обыч., пов., кух. малор. Кіевъ 1860 г., 80.

[7]) Моя «Нар. мед.», II, 373, VI, 329.

Майоры, майорики (Zinnia elegans. L.),—«имы затыкаются дивчата».

Макъ повный, махровый (Papaver somniferum. L.), по Костомарову онъ [1]) представляется символомъ убранства и пышности. Не менѣе калины любимъ малорусской народной поэзіей.

Мяту (Mentha piperita. L.), раздѣляющуюся на «холодну», болѣе душистую, употребляемую снаружи при головной и зубной боли и внутрь—при желудочной [2]), и на «кучеряву», которую кладуть въ хлѣбный квасъ.

Нагидки, у подолянъ найидки [3]), ноготки (Calendula officinalis. L.) —желтые цвѣты южноевропейскаго происхожденія [4]), которыми украшають голову дивчата, а по Волкову [5]) также моють ими голову.

Павонію [6]) (Paeonia corollina L.), служащую лучшимъ украшеніемъ головы. Цвѣты ея пьють при менопаузѣ.

Пивныкы (Iris bohemica. L.), Рожу (Malva. L.)—разводимыхъ для украшенія двора.

Розу (Rosa centifolia. L., Rosa gallica. L.),—по Костомарову [7]) символъ красоты, ласки и веселости, дѣвицы надѣвають на голову, а сухіе лепестки пьють отъ грудныхъ болѣзней. Руту (ruta graveolens. L.), извѣстную еще римлянамъ какъ прянное и лѣкарственное растеніе [8]), символизирующее у малороссовъ, по объясненію Костомарова [9]), вмѣстѣ съ мятой, дѣвственность и строгость нравовъ, пьють при менопаузѣ и желудочныхъ судорогахъ.

---

1) Объ истор. знач., 32.

2) Моя «Нар. мед.» II, 373, VI, 318, 323, 329.

3) Свидницкій, 29.

4) Григорьевъ. Рук. къ бот., 257:

5) Спис. раст. 172.

6) Pavonazzo по-итальянски—фіолетовый цвѣтъ.

7) Объ ист. знач. нар. поэзіи. 28.

8) Григорьвъ, 182.

9) Объ изуч. нар· поэз., 30.

Трояндy, названіе которой сближено покойнымъ Потебней [1]) съ греческимъ Τριαντάφυλλου, мѣстную розу, употребляютъ какъ и всякую другую. Чорнобрывци, бархатцы (Tagetes patula. L.), родомъ изъ Мексики [2]), служатъ украшеніемъ головы [3]). Царськy боридку (Mirabilis jalappa. L.) разводятъ какъ декоративное растеніе, а

Шепшыну, шиповникъ (Rosa canina. L.)—пьютъ отъ кашля; изъ плодовъ ея дѣвочки дѣлаютъ игрушечное намисто.

II. Садъ [4]).

Посадка дичковъ, прививка и окулировка; заботы о плодоношеніи.

Мѣстный садъ, какъ и цвѣтникъ, также садится безъ всякаго плана, соотвѣтствуя слѣдующему общему изображенію сада

---

[1]) Объясн. малор. и сродн. народ. пѣсенъ. Варшава. 1883 г., 109.

[2]) Григорьевъ. Рук. къ бот. 258.

[3]) Чубинскій. Тр. Эксп. I, в. I, 83.

[4]) О составѣ и доходности сада см. въ моей «Лѣсной Лубенщинѣ» (Кіевъ. 1900, 24, 52, 57, 58). Тамъ же приведены названія плодовыхъ деревъ; здѣсь умѣстно привесть нѣсколько народно-ботаническихъ названій, записанныхъ въ лубенскомъ у.: деревына—(особь); садовына, родюче дерево. Коринь, окоренокъ, осередокъ, верховына. Цивка, стебло (стволъ), батигъ (плеть, побѣгъ), гудына (плети). Лубокъ (кора), побилъ (камбіальное кольцо дуба), серце (серцевина), гилья, гилька, витка, водяна гилька (жировая, безплодная) лыстъ, лыстокъ, зубцёваный (зубчатый), жылкы (нервы листа), колючкы. Затѣмъ народъ не точно различаетъ растенія, размножающіяся цвѣтами отъ споровыхъ, какъ видно, между прочимъ изъ повѣрій о цвѣтеніи папоротника. Для нѣкоторыхъ двудомныхъ есть особыя названія: напр. шовкунъ (тычинковое), шовковыця—(плодниковое), плоскинь и матирка въ коноплѣ. Бубочка, брунька (почки), кашка (нѣжные волоски на поверхности сѣмени, содѣйствующіе разсѣеванію ихъ вѣтромъ). Квитка цвитъ, чашечка, краска (цвѣточная пыль: жыто красуется—цвѣтетъ). Плоды: ягода (вишня), макивка, головка, стручокъ, зерно (злаковъ), симья (конопли), насиння (подсолнечника). Водоросли вообще—зело, растенія сухопутныя—зилья.

полтавской губ., заключенному въ циркулярѣ Полтавскаго сельскохозяйственнаго Общества (12 декабря, 1895 г., № 1374) сельскимъ хозяевамъ. «Всѣмъ знакома печальная картина типичнаго сада въ нашей губерніи: садъ не огороженъ и не защищенъ отъ вѣтровъ; деревья размѣщены густо и посажены глубоко; штамбы и сучья поросли мохомъ и грибами, на которыхъ гнѣздятся зародыши и личинки всевозможныхъ вредныхъ насѣкомыхъ; на деревьяхъ масса невырѣзанной суши; деревья не обмазаны, не окопаны и безпомощно ведутъ борьбу съ гигантскимъ бурьяномъ, заполняющимъ садъ»...

Посадка дичковъ производится крестьянами какъ весной съ Благовѣщенья до половины апрѣля, такъ и осенью отъ Дмитра (26 октября), пока возможно. Причиною запозданія осеннихъ посадокъ являются частью затянувшіяся осеннія работы, препятствующія заняться садомъ, частью же народный предразсудокъ о выгодѣ позднихъ посадокъ, потому что дерево тогда спитъ. Такъ, напримѣръ, вѣрятъ, что на Спиридона (12 декабря) можно отрубить у глубоко уснувшаго дерева вѣтку, заткнуть ее въ землю, и она будетъ расти. Лучше садить деревья на 2-й и 4-й лунныхъ фазахъ въ небольшіе праздники, избѣгая дней, посвященныхъ памяти св. великомучениковъ и dies feralis (кыртычни, веретыческьи дни). На 1-й четверти плодовое дерево охотно принимается, но «довго молодіе», т. е. остается въ положеніи новобрачной, не принося плодовъ; на 3-й же четверти совсѣмъ нельзя садить деревьевъ. Посадки удаются тому изъ садящихъ, рука котораго никогда не касалась мертвеца [1]). Ямки для посадки дѣлаютъ круглыя, узкія и глубокія, дерево поворачиваютъ къ солнцу той стороной, которой оно росло на прежнемъ мѣстѣ [2]), и въ ямку присыпаютъ навозъ и немного зеренъ, приговаривая: «я тебе годую хлибомъ, а ты мене своею овощью шобъ накормыла». Года

---

[1]) Тоже замѣчаніе встрѣчается у Гринченка: Изъ устъ нар. Черниг. 1900 г., 36.

[2]) Этимъ пріемамъ и луннымъ фазамъ помологія не придаетъ значенія.

два, три спустя послѣ посадки, дичокъ облагораживаютъ прививкой черенковъ (ризокъ, ризочокъ) въ расколъ или за кору. Послѣдній способъ предпочитаютъ, потому что прививка въ расколъ рѣже удается. Онъ исключительно примѣнимъ въ томъ случаѣ, когда щепятъ на толстомъ пнѣ. Прежде щепили высоко на аршинъ и болѣе отъ земли, теперь щепятъ у корня. Самыя розги срѣзываютъ съ дерева въ слѣдующее время: на первой недѣлѣ великаго поста въ «жиловый» понедѣльникъ, на св. Евдокію, 1-го марта, на Благовѣщенье, 25-го марта, 1—3 апрѣля; срѣзанныя позже необходимо тотчасъ прививать. Лучшими сроками прививки признаются: 1, «Якъ тры дни молодыка марта, та прыщепыть, то черезъ тры годы буде родыть»; 2, «Якъ прыщепыть въ провидный понедилокъ до церквы, то щепы будуть росты, якъ диты». Окулировка (калировка) производится на общемъ основаніи съ 15 мая по 29 іюня.

Нащепивъ деревья, крестьяне мало обращаютъ на нихъ вниманія до наступленія плодоношенія, иногда окапывая ихъ только весною, уничтожая волчки, но не разрѣжаютъ кроны и вообще не заботятся объ ея образованіи. Съ появленіемъ плодовъ на щепахъ, начинаютъ примѣнять еще изрѣдка, кое-гдѣ слѣдующія древнія мѣры, пріемы и запрещенія для сохраненія и увеличенія плодовитости деревьевъ. Прежде всего строго запрещается женщинѣ въ періодъ менструацій, собирая плоды, лазить на дерево [1]), изъ опасенія, что по общечеловѣческому, весьма распространенному убѣжденію, такое древо должно усохнуть. Уже Плиній старшій утверждалъ, что отъ менструальныхъ кровей растенія опаляются, прививки и плоды сохнутъ [2]). И теперь повсемѣстно запрещено женщинѣ въ эти періоды лазить на дерево, рвать плоды, ходить возлѣ молодыхъ деревьевъ [3]). Въ Катаніи, напримѣръ, во время менструацій и дру-

---

[1]) Кромѣ того по Гринченку (Изъ устъ нар., 36) нельзя еще лазить на дерево въ чоботахъ.

[2]) Рѣдько. Нечист. сила въ судьб. женщ. мат. Этногр. Обозр. 1899 г. I и II, 122.

[3]) Бѣньковскій въ Док., Кіев. Стар. 1899 г. IV, 129, 131, со ссылкой на «Женщину» Плосса.

гихъ кровоизліяній нельзя дотрогиваться къ деревьямъ, вѣткамъ и листьямъ» [1]). Затѣмъ, на новый годъ, предъ церковной службой, «до схидъ сонця», хозяинъ зажигаетъ соръ въ саду, сметенный туда изъ хаты и окуриваетъ дерево, чтобъ садъ лучше родилъ. Такое же окуриваніе садовъ бываетъ у валлоновъ въ день св. Мартина [2]). Наканунѣ новаго года, «на Меланкы», хозяйка, вчинивъ дижу, надѣваетъ кожухъ и, захвативъ солому, оставшуюся послѣ осмаленнаго кабана, идетъ въ садъ, гдѣ обвязываетъ скрученной соломой—«перевесломъ» плодовыя деревья, приговаривая: «Оце я тебе пидперезала, шобъ ты знала нащо»! Иногда обвязка дерева производится хозяевами, причемъ: «Чоловикъ замиряется сокырою на грушу, або яблуню и каже: «я тебе зрубаю»! Жинка отвича: «не рубай, я іи пидвяжу, вона уродыть». Бываетъ и такъ: «Чоловикъ каже дереву: «я тебе зрубаю, якъ не будешъ родыть».—Не губы мене зъ билого свита, я зроблю шо тоби треба». Послѣ такихъ діалоговъ, жена обвязываетъ дерево. Въ другихъ мѣстахъ и одинъ хозяинъ ведетъ подобные разговоры съ деревомъ: «Здорова була, груша»! И самъ же отвѣчаетъ: «Здоровъ бувъ»!—А чому ты грушъ не родышъ? Я тебе изрубаю и порубаю»! Съ этими словами, онъ трижды ударяетъ топоромъ или колкомъ по дереву, приговаривая: «Не рубай мене, а одягны и перевесломъ сальнымъ [3]) пидпережы». Такія же обыкновенія извѣстны какъ въ другихъ украинскихъ областяхъ [4]), такъ и за границей; напр., чехи понуждаютъ деревья распускаться, крикомъ: «Распускайтесь, а то обдеремъ васъ»! Въ трактатѣ о земледѣліи Ибнъ-алъ-Авала пред-

---

[1]) Arturo Trombatore. Folk-lore catanese. Torino 1896, 45.

[2]) E. Monseur. Le Folkl. wallon. 133.

[3]) Т. е. тѣмъ, которымъ перевязывалось сало въ свинной брюшинѣ (здорѣ).—Иногда и въ самомъ дѣлѣ безплодное дерево сверлятъ до серцевины, «шобъ витеръ заходывъ».

[4]) Напримѣръ у подолянъ. Свидницкій. Велык. у Подол. Основа 1861 г. XI, XII, 66. См. также Н. Ѳ. Сумцовъ: Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889 г. VIII, 414.

лагается пугать деревья, не приносящія плодовъ, тихо ударяя ихъ, и угрожая срубить, если не будутъ родить [1]). Основаніе описанныхъ обращеній къ дереву заключается въ первоначальномъ общечеловѣческомъ взглядѣ на него, какъ на существо, имѣющее душу, подобную человѣческой [2]). Дикари даютъ пить дереву, женятъ его. На Молукскихъ островахъ, напр., когда гвоздичныя деревья въ цвѣту, то съ ними обращаются какъ съ беременными женщинами: стараются не пугать, не встревожить ихъ, не шумять около нихъ [3]).

III. Пасика [4]).

Народныя представленія о пчелѣ и о внутреннемъ порядкѣ улья. Устройство и укрѣпленіе пасики. Выставка пчелъ весной, прикармливаніе, вывозъ въ степь, взятокъ. Роеніе. Отборъ меда и воска. Сохраненіе пчелъ зимой Болѣзни пчелъ, заговоры.

Пользуясь произведеніями труда пчелы [5]), малороссіянинъ не остается къ ней неблагодарнымъ. Въ народныхъ представленіяхъ она признается почтеннымъ насѣкомымъ; ее грѣшно убивать, она достойна погребенія. «Бжола робоча муха, труждящася, свята. Іи треба якъ чоловика: выкопать ямку и святою землею накрыть».

---

[1]) Comte goblet d' Alvilla. L'idée de Dieu d'après l'anthropolog. et l'hist. Paris. 1892. 56.

[2]) A. Lang. Mythes, cultes et relig., trad. par. L. Marillier. Paris. 1896, 144.

[3]) L. Marillier. „M. Frazer et. la Diane de Nemi". Revue de lhist.. des relig. T. XXV. Paris. 1892, 77.

[4]) Матерьяломъ для настоящаго очерка, кромѣ народныхъ разсказовъ, послужила еще рукопись сороковыхъ годовъ XIX в. козака с. Біевецъ Ефима Ступки, любезно сообщенная лубенскимъ земскимъ гласнымъ Н. Е. Ступкой. Въ этой рукописи оказались пріемы, наставленія и заговоры, частью еще не встрѣчавшіеся въ печати. Въ дѣйствительности большая часть этихъ пріемовъ уже оставлена.

[5]) Apis mellifica, перепончатокрылое, жалоносное.

Въ старой Малороссіи кража меда и воска изъ пасики считалась важнымъ преступленіемъ, какъ бы святотатствомъ. Любя пчелу и издавна [1]) занимаясь пчеловодствомъ, малороссіянинъ дѣлалъ нѣкоторыя наблюденія надъ ея жизнью. Такъ онъ отмѣтилъ главенство матки. «Бжолы безъ маткы порядку не найдуть. Начне бжола мутыться, начне грать; гуде, свыщи становыть на труты. Потимъ ростратытся сыла и улыкъ спустіе». Поэтому обезматоченному улью тотчасъ даютъ постороннюю матку въ очеретяной дудкѣ. Врошенную безъ такой предосторожности матку пчелы могутъ убить (обсикты, заризать). Поэтому нѣкоторые опытные мѣстные пасичники совѣтуютъ въ обезматоченный улей прикидать не одну только матку, а небольшой, слабый рой. Народъ знаетъ также, что назначеніемъ матки является прокреація и, такимъ образомъ, сохраненіе вида. «Плодна одна матка. Вона жыве посередъ улья въ гнизди. Выходыть зъ своимы караульнымы [2]) на проигру, и труты на пролётъ летять. Гуляють воны, гуляють высоко; спаруются и падають якъ клубокъ изъ маткою Потимъ іи ведуть караульни. Матка заклада сылу, черву [3]), ажъ до августа. Маткы бувають: сирка, выдра, трутова, котра кладе тилькы трутнивъ. Вона найбильша, рудовата, родъ шмиля. Іи—унычтожать. Трутень у улыку для того, щобъ плидъ бувъ. На зиму ихъ выгонять сами бжолы. Робоча бжола (сыла, причкы) бува жовта, котора бере обножкы [4]) зъ вербы, бува й сира, найгирша чорна—злодіи и розбойныкы».

Заводя пасику, крестьянинъ выбираетъ удобное мѣсто для нея среди вишневаго сада или рощи для того, чтобы рои могли садиться, обращенное склономъ къ югу, вблизи облоговъ. Мѣсто ограждается низкимъ хворостовымъ или чаще очеретянымъ ты-

---

[1]) Пчеловодство было любимымъ занятіемъ древнихъ славянъ. А. Н. Пыпинъ. Древ. пер. рус. литер. въ Вѣст. Евр. 1875 г., 11-я, 118.

[2]) Ликторы по Плинію. (М. Метерлинкъ. Жиз. пчелъ въ Вѣст. Иностр. Лит. 1901 г., IX, 258).

[3]) Личинки.

[4]) Хлѣбина.

номъ съ форткой для входа, но пороги не вездѣ есть. Ульи, выдолбленные изъ дерева (дзуплянки), также новые, шелевочные разставляютъ на разстояніи 2—3 аршинъ одинъ отъ другого, обращая ихъ очками (вичкамы) къ солнцу. Если подъ ульемъ заведутся муравьи, то землю изъ-подъ него выбираютъ, и насыпаютъ песокъ. Въ пасикѣ долженъ быть крестъ, особенно изъ дерева, разбитаго молніей, для предохраненія отъ порчи (урокивъ) съ молитвой на немъ. «Господи Исусе Христе! сыне Божій! ты разрѣшилъ еси вся дѣла вражія и разогналъ еси всѣ потребы ихъ непріязненныи, такожды ты, Господи, и мнѣ помощникъ и защититель буди рабу Твоему и пасики сей, въ ней же хочу пчелы держать» [1]). Кромѣ креста въ пасикѣ непремѣнно должна быть икона св. Зосима и Савватія, покровителей пчелъ. «Воны пасишныкы, зъ корзыною и намалёвани. Изосымъ завидувавъ нею спрежду и до вику буде завидувать. Винъ и теперъ иде помижъ бжолою и несе казаночокъ у рукахъ и кормыть усю бжолу; винъ варыть ій сыту». Къ утвержденію пасики служили еще въ старину слѣдующіе пріемы съ землей, камнемъ, челюстью, очеретиной, водой и оливой, основанные на уподобленіи.

1.

Пріобрѣтая пчелы, нужно взять земли тремя пальцами и говорить: Святая земля не тебе я беру, но единственно сіи пчелы съ пасѣки сей съ медомъ, съ воскомъ и роями. Ибо я купилъ [2]) за помощью Божію и молитвами Пр. владычицы Богородицы и приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ и небесныхъ силъ и безплотныхъ и дѣйствіемъ святого и преподобнаго отца нашего Зосима. Якъ тая земля [3]) святая родна и плодна есть и никто не можетъ уректи ей, то никто же не могъ бы помысломъ своимъ

---

[1]) Изъ рукописи Ступки.

[2]) Или мнѣ подарованы.

[3]) Произнося эти слова, слѣдуетъ стиснуть землю трижды. Какъ настоящее наставленіе, такъ и всѣ послѣдующія—изъ рукописи Ступки. Обращеніе ко пр. Дѣвѣ и св. Зосиму—въ каждомъ заговорѣ въ концѣ.

злимъ зашкодыты, такъ бы и сіи мои пчолы родны и плодни были и никто не могъ бы ихъ уректы.

2.

Выставляя пчелъ или открывая пасику, неси въ зубахъ въ нее камушокъ, и обойди трижды пасику, потомъ закопай посреди и говори такъ. Якъ каминь сей твердый и студеній, такъ затвердилы и зазяблилы уста тому человѣку и женѣ кто бы злую мысль имѣлъ гадаты на мою пасику и на мои пчелы, нехай той самъ такъ стане.—Потомъ—закопать камень подъ пасичнымъ порогомъ [1]).

3.

Возьми челюсть и говори: Такъ якъ побѣдилъ Гедеонъ войско мадіанитское, якъ побѣдилъ Самсонъ сильный щекою осліею войско филистимлянское, якъ побидывъ Давыдъ гордого Голіафа не самъ собою, но Божіею помощью, такъ бы моя пчела раба Божого [2]) и матки ихъ свидка и свидра побѣдили тій пчели, которіе бы имѣли прійти до моей пасики и имѣли побрати у моей пчелы медъ.—Челюсть закопать подъ порогомъ пасики.

4.

Обходя трижды вокругъ пасики съ мѣрой изъ очеретины, которою измѣряли мертвеца, дѣлая ему гробъ, слѣдуетъ помянуть того мертвеца и затѣмъ говорить: Помяни Господи душу раба своего, преставившагося отъ насъ, которому встать на судъ Божій, на послѣдній трудъ вострубиву архангелу Божію. И я беру сію мѣру для своей пасики и для моихъ пчелъ, чтобъ отъ мене раба Божого не втикалы и чтобы приносили со всѣхъ сторонъ меда Господу Богу, мыру хрыстіянському на хвалу и мнѣ господаревѣ вашому на пожитокъ.

---

[1]) Вар. у Чубинскаго. Тр. эксп. I, в. I, 72, 73.

[2]) Слѣдуетъ имя хозяина.

5.

Набравъ въ ротъ воды на молодыку, и придя въ пасику, порскай на очка, приговаривая: Якъ я не могъ никакого слова вымолвить, такъ бы зліи люды не могли на пасѣку и на мене, раба Божія, ничего злого мыслите, говорыты и моихъ пчилъ урекаты[1]).

6.

Обойдя съ освященной оливой три раза вокругъ пасѣки, говорить: Якъ мыръ хрыстіянській не можетъ обойтись безъ оливы, такъ бы рои за десять миль не моглы обойтысь безъ моеи пасики.

Устроивъ и укрѣпивъ такимъ образомъ пасику, хозяинъ ежегодно наканунѣ Крещенія, кропя дворъ, строенія, загоны, долженъ также окропить пчелиный погребъ и мѣсто пасики[2]). Затѣмъ выставляютъ пчелъ на «теплого Олексія» (17 марта), а если тогда холодно, то пасичникъ обязанъ всё-же предварить пчелъ о веснѣ[3]). На Благовѣщенье (25 марта) пасичникъ, открывая крышку (ляду) или дверь погреба трижды привѣтствуетъ пчелъ: «Христосъ воскресъ»! На слѣдующій день[4]) вынимаются пчелы изъ погреба и каждый улей окуривается освященными васильками и троицкимъ (клечальнымъ) листомъ въ предупрежденіе гнильца[5]). Ими же хозяинъ натираетъ ульи, чтобы послѣдніе нравились пчеламъ, и себя, чтобы пчелы не кусали. По Манжурѣ[6]) пчелъ, выставляя изъ погреба, переносятъ чрезъ острую

---

1) Вар. Чуб. I, 73.

2) Тотъ же пріемъ указанъ Ястребовымъ. Кіев. Стар. 1897 г., V. Док., изв. и зам. 65—66.

3) По Чубинскому. Тр. Эксп. III, 9.

4) Выставка пчелъ вездѣ въ Россіи бываетъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля. (Бутлеровъ. Какъ водить пчелъ. С.-Петерб. 1898 г. 17. Потѣхинъ. Перех. къ рамоч. ульямъ. С.-Пет. 1897 г., 34).

5) Рукопись Ступки и Чубинск. Тр, Эксп. I, в. I, 71.

6) Нар. сказ. въ Сб. Хар. Ист., Филол. Общ. II, 155.

косу для того, чтобы онѣ не давались чужой пчелѣ. Поставивъ ульи въ пасику на разостланную солому, пасичникъ, покуривъ ладаномъ, вновь кропитъ пасику и ульи освященной водой и говоритъ: «Христосъ воскресъ»! Выставленную пчелу подкармливаютъ (годують) изъ корыта патокой, разведенной водою, которую слѣдуетъ черпать по теченію, а не противъ него (за водою), приговаривая: «Якъ ся прыбува зъ гиръ, зъ джерилъ, изъ усихъ яривъ, такъ бы прыбуло сылы въ моій пасици». Для очистки и подкрѣпленія пчелъ въ патоку прибавляютъ: благовѣщенскую просфору, дарникъ, водку, а для того, чтобы пчела была сердитая и не давалась чужой, еще и перецъ[1]). На Тройцу, въ началѣ іюня, пчелъ вывозятъ въ степь на расцвѣтающія травы, «на тую ныву, на тую сылу, по густый медъ, по солодку патоку»,— какъ выражается заговоръ. Въ іюнѣ же, въ ночь на Ивана Купала пасичникъ закармливаетъ (загодовуе) пчелъ, давая имъ медъ съ примѣсью горыцвита (Adonis vernalis. L.), костей изъ головы щуки и процѣженнаго отвара муравьевъ (комашни), взятыхъ съ кучей (съ усимъ гамузомъ) и умерщвленныхъ кипяткомъ. Муравьи прибавляются въ медъ для того, чтобы пчела была злѣе и не поддавалась бы чужой. Кормя въ эту ночь пчелъ, пасичникъ приговариваетъ: Годую тебе до Ивана, а писля Ивана зробы мене якъ пана[2]). Далѣе пчелы не получаютъ корма и довольствуются взяткомъ, который по народнымъ наблюденіямъ берутъ изъ слѣдующихъ растеній [3]): Акаціи бѣлой (Robinia Pseudoacacia. L.) и желтой (Caragana arborescers. L.), береста (Ulmus campestris. L.), блекоты (Hyoscyamus niger. L.), будяка (carduus nutans. L.,) буркуна, донника (Melilotus alba и officinalis. L.), вербы (Salix), вяза (Ulmus effusa. Wilb.), горыцвита (стародубки. adonis vernalis. L.) гречки[4]) (Fagopyrum esculentum. Moench.),

---

[1]) О прибавкѣ перца въ сыту для той же цѣли у Гринченка. Изъ устъ нар. 75.

[2]) О закармливаніи пчелъ у Маркевича. Пов. кух. 14.

[3]) О медоносныхъ растеніяхъ сравн. 1, Потѣхина: Пчелы. С.-Пет. 1897 г., 7; 2, его же: Перех. къ рам. ульямъ. 19—22.

[4]) У гречихи на днѣ около цвѣтника 8 медовыхъ железокъ. Главный взятокъ съ нея 24 іюня—20 іюля.

дуба (Quercus.), жывокиста (Simphytum officinale. L.), калины (viburnum opulus. L.) крушины (Rhamnus Frangula. L.), лозы (Salix cinerea. L.); лыпы (Tilia parvifolia. Ehrh.), осыкы (Populus tremula. L.), перекотыполя (Gipsophila napus. L.), пpoсеренкивъ (crocus reticulatus. MB.), рапсу (brassica oleifera. DC.), рожкивъ, «зъ рога въ жыти» (Secale cornutum)[1], рыжію (camelina sativa. L.), свирипы (сурѣпы, brassica Napus. L.), и со всѣхъ цвѣтущихъ садовъ. Главный взятокъ бываетъ съ поздней гречихи и такъ великъ, что медъ не вмѣщается въ одномъ ульѣ, а приходится или поставить еще одинъ улей сверху или выкопать подъ нимъ ямку, которую пчелы и заносятъ. Этотъ послѣдній способъ называютъ: «На пидкопу бжолы поставыть».

Періодъ роенія, начавшись около Вознесенія, продолжается за жнива[2]). По народнымъ разсказамъ пчелы роятся слѣдующимъ образомъ: «Сыла поробыть матошныкы, а матка понакладае. На первого роя (первака) бува стара матка, а на другака и третяка уже 10—15 матокъ. Якъ пидійты до улыка, такъ воны кахотять якъ утята. Бжола, сыла, потимъ ихъ выгубля, а одну зоставляють. Вылетыть рій, крутытся-крутытся, грайе-грайе, потимъ сяде на дерево кимьяхомъ (комомъ)». Тогда его стряхиваютъ въ поставленный на землю, или если рой сидѣлъ высоко, то въ подставленный на жерди или привязанный къ вѣтви улей съ приклеенными внутри (нажывленными[3]), навощанными) ячейками (сцильныками), окропленными освященной водой или разведеннымъ медомъ. «Абы матка впала, а други прійдуть. Тоди перевернуть улыкъ и готово, або кладуть ёго на землю и завьязують. Новый рій берется за сцильныкъ, носыть медъ, воскъ[4]) и сылу лу-

---

[1]) Въ рожкахъ этихъ содержится между прочимъ и сахаръ.

[2]) По Маркевичу (Об., пов. 15) вылетѣвшіе послѣ Ильи рои не надежны.

[3]) Приклеиваютъ канифолью (жывыцею).

[4]) Воскъ находится внутри клѣточекъ растенія съ хлорофиломъ или въ видѣ выдѣленій, напр. сизаго налета на сливахъ. (Григ. Рук. къ бот. 380).

пыть. Якъ же свій рій надума тикать, то осажують водою, и якъ чужый летыть, мандруе,—то якъ судытся, то ёго можно осадыть водою, а якъ не судытся, то полетыть ще выще и знықне». Излишекъ роенія пасичники останавливаютъ, загоняя пчелу внизъ улья, какъ при отборѣ меда, и вырѣзывая маточники.

Медъ вынимаютъ обыкновенно дважды: въ августѣ къ 1-му, 6-му, 15-му числамъ и въ сентябрѣ къ 8-му, «на Маковія, Спаса и мижъ пречыстыми», выгоняя пчелъ на дно улья дымомъ сѣры, табака или «мурухою» порхавкой (Lycoperdon Bovista. L.), губкою (Poliporus igniarius. Fr.) или отборомъ, т. е. ставя сверхъ улья другой и выгоняя туда пчелъ стукомъ. Отогнавъ такимъ образомъ пчелъ, хозяинъ вырѣзываетъ рѣзцомъ нѣсколько сотовъ [1]), оставляя необходимое для зимняго питанія пчелъ количество меда, отъ $1/2$ пуда до 1-го, обыкновенно помѣщающагося по очко. Мѣстные пчеловоды говорятъ, что нужно оставлять на зимній кормъ пчелъ столько меда, сколько вѣситъ ржаной хлѣбъ. Въ концѣ октября, часто «на Параски» (28 числа) или межъ поминальными субботами, хозяинъ окропляетъ свои пчелы «вечирнею и іорданскою» освященными водами и, накуривъ погребъ ладаномъ, складываетъ въ него ульи на зимовлю, уничтоживъ предварительно старыя, слабыя семьи дымомъ. Таковъ по народнымъ разсказамъ и преданіямъ ходъ крестьянской пасики въ здоровомъ состояніи, но у пчелъ бываютъ еще свои невзгоды и болѣзни. Къ первымъ принадлежитъ налетъ на пасѣку посторонней пчелы. Въ такомъ случаѣ подмазываютъ очка глиной, такъ чтобы только одно насѣкомое могло влѣзть въ улей заразъ. Съ такимъ отдѣльнымъ хищникомъ населеніе улья легко справляется. Затѣмъ принимаютъ еще ульи съ пчелами, замѣняя ихъ пустыми, въ которые собираютъ чужую налетѣвшую пчелу и присоединяютъ ее къ своему слабому улью. Наши пасичники замѣтили, что пчелы погибаютъ иногда отъ тяжелаго пищеваренія: «Якъ оберется дуже меду, то въ улыкъ уже не попаде, такъ пропадае»;

[1]) Обыкновенно въ ма[redacted] 5—9 сотовъ.

кій. Изъ «Писемъ о пче[redacted]ствѣ». Основа [redacted] г. VI 40

отъ птицъ, пресмыкающихся, особыхъ паразитовъ (нужи), особенно отъ мотылыци [1]), метелыкивъ (ключня), которая будто бы захватывается съ гречки вмѣстѣ съ росою самими же пчелами, «потомъ метели вылупляться, а бжолы пропадуть». Мотилицы вырѣзаютъ рѣзцомъ и улей перечищаютъ. Еще опаснѣе извѣстный гнилецъ. Зараженную пчелу перегоняютъ въ пустой улей и вывозятъ, а темный, негодный воскъ уничтожаютъ. Отъ невзгодъ и болѣзней пчелу оберегаютъ слѣдующіе заговоры и молитвы.

1.

Господы святый, небесный! спасы, сохраны и помылуй оцю святу, благословенну бжолу одъ скорби, болизни, напасты, побижденія и усякого напажденія [2]).

2.

Якъ сёго вечора люде стари и молоди, багати и убоги радуются и веселятся за столомъ сыдячи, такъ бы мои пчелы веселылысь и радувалысь, въ поле идучы и до мене раба Божого медъ несучы. Якъ сёго святого вечора миръ христіянськый эбирается и радуется, идучы до святои трапезы багатый и убогый, малый и велыкый, сытый и пьяный смырни бувають, такъ бы мои пчелы повни и сыти и мырни булы Божіею сылою и всимы небесными сыламы и дѣйствіемъ святого Зосимы [3]).

---

[1]) Объ этихъ болѣзняхъ у M-me Achille Comte въ Hist. Nat. сказано. Les abeilles sont sujettes á des dyssenteries, des étouffements et elles éprouvent aussi des digestions laborieuses... Une espéce de papillon se repande dans e'habitation des abeilles. Le dégàt qu'ils (ces ennemis) y font et tel que les propriétaires abandonnent leur ruche et vont ailleurs, par un travail nonveau, réparer leyr ruine (p. 337).

[2]) Отъ коз. с. Волчка Е. Хомулки.

[3]) Этотъ и слѣдующіе заговоры взяты изъ рукописи Ступки.

3.

Якъ Господь мылосердый свитъ пропысавъ и святое сонечко на облака воздалъ и такъ-же святого мисяця, пчелиного пастыря. Зори зоряныци, Божіи помишныци! Мисяць Авраме, Божій громе!.. ставъ коло моей пасикы велыкый частокилъ, шобъ чужая пчола не перейшла и моей пасикы не знесла. Господы мылосердый! поможы мени своею сылою, Матеръ Божая, Зосимѣ святый—своимъ помышленіемъ. Хто вгадае небесну высоту, морськую глуботу, хто въ мори писокъ перелцытае, той мою пчолу возвышае.

4.

Вы, святи зори, зоряныци! Вы на неби жывете якъ ридни сестрыци. Прыйдить и поможить моій пчоли и матци и моій пасици! Якъ я губы и зубы исципляю, такъ бы моя пчола губы и зубы на чужу пчолу исципляла и крипко медъ свій держала.

5.

Святая Уляна весь узятокъ провидала, а теперъ иды на тую ныву, на тую сылу, по густый медъ, по солодку патоку. На вичка выбывайся, зубамы отсикайся, ведмежымы сыламы отпирайся. А ты, камене, роспадыся, а ты, святое небо, растворыся, а ты, чужа пчола, отступыся! Я Господа благаю и чужую пчелу и сылу отвертаю. Якъ сей каминь угрызне, тоди мою пасику укусне...

6.

Якъ побидывъ Господь Богъ и сыльный Самсонъ льва, а царь Давыдъ побидывъ Голіафа, не самъ собою, а святыми небесными сыламы, каменемъ,—такъ бы моя пчола чужихъ пчолъ побывала, соби медъ забирала сама собою и небесными сылами и дійствомъ святого Зосыма.

7.

Я тебе, святая пчело, загодовляю и на слова прымовляю и даю вамъ, симъ, всимъ крыламъ щучіи зубы, вовче горло, ведмежю сылу побывать чужой капостныци и на всей области огнемъ и мечемъ. Та нейды на худіи упадкы, та йды на хороши узяткы, по густи меды, по солодку патоку. Якъ рыба въ мори буяла и въ рикахъ гуляла, такъ-же и вы, мои пчолы, щобъ полны, радосни и весели були, гулялы и гралы Божіею помоцію и дійствомъ святого Зосима. Аминь.

8.

Якъ Господь благословывъ святому Юріеви звиромъ воюваты, такъ бы моя пчола чужихъ пасикъ воювала и медъ соби забирала, а свій крипко держала сама собою и святыми небесными сыламы и дійствомъ святого Зосыма. Ты, Зосыме! святый пасишныку! старый ты, убогый! ты пасишныкувавъ и пчоли и матци помогавъ, такъ поможы моій пчоли, моій матци.

9.

Прылетилы до раба Божого Ефима и до его пасикы тры сорокы и забралы отъ его пасикы уси урокы; и полетилы воны и силы на лозы, а тинь на воды. Якъ сорока изъ лозы, а тинь изъ воды, такъ бы изъ моеи пасикы уси урокы: мужыцьки, жиноцьки, парубоцьки, дивоцьки, хлопячи и дивчачи, прымовлени, прыговорени, сонцеви и витряни, наглядени и витромъ навіяни,— то я васъ одшиптую и одмовляю, одсылаю на болота и на очерета, на густи лозы де людській гласъ не заходыть и пивень не спивае.

10.

Ишла пречыстая, пресвятая дива Богородыця, Матиръ Божа изъ Зосымомъ святымъ, архыстратыгомъ Мыхаиломъ, зъ Мыколаемъ чудотворцемъ, помощныкомъ Божіимъ до пасикы пчолъ доглядаты и урокивъ одганяты одъ маткы-Улянкы, одъ пчолкы

землянкы, одъ крилець, отъ трыдесять суставець подуманихъ, погаданихъ, мужескихъ, женскихъ, парубочихъ, дивчачихъ, хлопьячихъ; одъ земляныхъ, одъ витряныхъ. И зустривъ самъ Исусъ Хрыстосъ:—куды ты пречыста Матеръ Божа йдешъ?—Я йду до пасикы пчолъ доглядаты и урокивъ одганяты.—Вернйтесь, Матиръ Божа, вернитесь, а вы, урокы, урочыща, идить соби на сухи лисы та на болота, де хрыстіянській мыръ не заходыть.

11.

Господы! подхны своимъ духомъ и очисты мою пчолу и матку въ моій пасици, раба Божого. Вы червы, червыци! Васъ Господь небесный клыче изъ десяты—девьять, изъ девьяты—висимъ, изъ восьмы—симъ, изъ симы—шисть, изъ шосты—пьять, изъ пьяты—чотыри, изъ чотырёхъ—тры, изъ трёхъ—два, изъ двохъ одного, изъ одного ни одного. Я одшиптую одъ сирои шерсты, одъ жовтои косты и одъ червонои кровы, розганяю ихъ, розгубляю ихъ по зеленій трави, по холодній води.

IV. Огородъ.

Общія замѣтки о сборѣ, храненіи и посѣвѣ огородныхъ сѣмянъ; воздѣлываніе отдѣльныхъ овощей.

Участіе женщины въ земледѣліи, вначалѣ, по словамъ историковъ культуры [1]), первостепенное, въ настоящее время сохранилось съ такимъ значеніемъ лишь въ обработкѣ огорода, лежащей всецѣло на хозяйкѣ. Съ открытія весны, какъ только земля размерзлась, хозяйка выбираетъ мягкое, хорошо разрыхленное (пухке) мѣстечко огорода и садитъ на немъ высадки всѣхъ огородныхъ растеній, тщательно ихъ поливаетъ, очищаетъ отъ сорныхъ растеній до сбора. Послѣдній производится различно: или снимая съ растенія зрѣлыя сѣмена, или срывая и подвѣшивая

[1]) Ю. Липпертъ. Ист. культ. С.-Пет., 1895 г., 82, Ш. Летурно-Социол., основ. на этногр. С.-Пет. 1895. 50—53.

подъ крышей противъ солнца для дозрѣванія въ мѣшечкѣ самое растеніе, съ котораго потомъ отрушиваются сѣмена. Собравъ сѣмена, хозяйка хранитъ ихъ на сволокѣ, коминѣ, вообще въ сухомъ мѣстѣ, унося изъ хаты предъ смертью семьянина, такъ какъ сѣмя, остающееся въ хатѣ во время чьей нибудь смерти теряетъ всхожесть [1]). Хозяйка же съ дочерьми копаетъ грядки предъ свѣтлымъ праздникомъ и послѣ него, дѣлая послѣднія узкими для того, чтобы удобнѣе было полоть, и возвышая ихъ нѣсколько надъ дорожками; и наблюдаетъ, чтобы посѣвъ производился своевременно. Такъ, по народнымъ замѣчаніямъ, нельзя ни сѣять, ни садить никакихъ овощей на третьей лунной четверти: все будетъ гнить, идти въ стебель (стовбурь), сохнуть, такъ что и сѣмена не возвратятся, а лучше дѣлать посѣвъ и посадку на второй четверти: «покы мисяць у крузи. Якъ мисяць наповняется, такъ и въ огороди наповняется. Якъ на неби повно, такъ и въ огороди повно». Ничего еще не нужно садить въ среду,—тяжелый, несчастный день, въ понедѣльникъ же можно только продолжать, а начинать нельзя [2]). Женщины въ менструаціяхъ должны воздержаться отъ посѣва и всѣхъ другихъ работъ на огородѣ по причинамъ, указаннымъ выше при изложеніи народнаго садоводства. Не должно и ѣсть на грядкахъ, не только сѣмянъ подсолнечника тыквы, предназначенныхъ къ посадкѣ, но и поспѣвшихъ сѣмянъ, овощей и вообще никакой пищи, напримѣръ хлѣба, потому что огородъ будетъ уничтоженъ червями, муравьями и птицей. Смѣшавъ мелкія сѣмена съ землей [3]), хозяйка сѣетъ ихъ въ разбросъ, приговаривая: «Господы поможы! Колы бъ Богъ родывъ шобъ було мени й людямъ. Роды, Боже, на всякого долю, а якъ піймаю,—зниму лёлю!»

---

1) Тоже замѣчаніе у Шейковскаго: «Бытъ подолянъ». II, 30.

2) По Гринченку (Изъ устъ народ. 36, 39): понедилокъ и середа—важки дни. Полоть огородъ запрещается въ «праздники и въ чистый четвергъ».

3) Мужчины сѣютъ бураки, участвуютъ въ посадкѣ картофеля и огурцовъ.

Кромѣ этихъ общихъ огородныхъ правилъ, хозяйка должна еще имѣть въ виду особыя о каждой отдѣльной овощи, начиная съ лука (цыбули, alium cepa. L.) и «часныку» (alium sativum. L.) южныхъ растеній [1]), зимующихъ однако въ грунтѣ: первый съ легкимъ прикрытіемъ, второй безъ него, лишь бы не было гололедицы (голоморозю). Но съ осени садятъ лукъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, главная же посадка его, какъ и посѣвъ производится ранней весной. Сажанку, иначе называемую зубкой, садятъ съ четвертой недѣли поста (средохрестья) если только снѣгъ стаялъ; для сѣянки-же (пичкурки) хозяйки, смѣшавъ сѣмена съ землей на Евдоху (1 марта), также выбираютъ самое раннее время, «покы ще жабъ не чуть, покы не крюкають: покы жаба не закуе» [2]). Сѣютъ въ разбросъ, иногда приговаривая: «вроды, Боже, цыбулю, якъ мою дулю». Не совѣтуютъ сѣять на третьей лунной четверти, потому что «цыбуля пиде въ цебуль, т. е. выростетъ только одинъ стебель (цибка) безъ головки. Нельзя еще сѣять: когда въ печи топится, и когда хозяйка сердита [3])—въ обоихъ случаяхъ «цыбуля буде гирка». Слѣдуетъ при посѣвѣ остерегаться сглаза; такъ, если завистливая сосѣдка, посматривая на засѣваемую грядку, скажетъ: «Не роды цыбуля на поздрятій земли», то можетъ случиться неурожай. Посѣявъ цыбулю, грядку утаптываютъ (плещуть) различными способами: дѣвушки катаются, толчутся или ѣздятъ по ней: часто уравниваютъ, прибиваютъ просто лопаткой. Когда лукъ поднялся, его стараются примять катаньемъ, для того, чтобы онъ шелъ больше въ головки, а не въ стебель. Сборъ лука производится къ концу лѣта, когда листья его (пирья) присыхаютъ. На Покрову сажанка должна переночевать на печи, для того, чтобы была сладкою. Отъ этого обыкновенія произошло и названіе ея—пичкурка.

---

1) Первый изъ Турціи или Персіи, второй—изъ южной Европы и Сициліи. П. В. Ростовцевъ. Лукъ: его сор. и спос. развед., 5, 29.

2) Маркевичъ (Обыч., пов. 7) приводитъ то-же замѣчаніе.

3) Послѣднее замѣчаніе встрѣчается у Гринченка. Изъ устъ нар., 76.

Въ народной культурѣ капусты (Brassica oleracea. L.), растенія, заимствованнаго славянами, вѣроятно, отъ романскихъ народовъ, судя по названію [1]), различаютъ два періода и сообразно тому два рода пріемовъ: посѣвъ и пересадку. Если весна ранняя, то капусту, какъ и лукъ, сѣютъ на четвертой недѣлѣ великаго поста. (средохрестній) [2]) или позже—на пятой (похвальній) [3]). Такимъ раннимъ посѣвомъ достигаютъ, по народнымъ наблюденіямъ, слѣдующихъ выгодъ: капуста будетъ большая (рахманна), бѣлая, твердая и не будетъ поѣдаться гусеницей. Если весна запоздаетъ, то хозяйка, минуя вербную недѣлю, производитъ посѣвъ въ послѣдніе дни страстной, особенно въ субботу, когда, посадивъ пасхи въ печь, беретъ горшокъ съ сѣменами, смѣшанными съ землей, и сѣетъ сквозь рѣшето въ круглый, оплетенный разсадникъ, снизу набитый навозомъ, а сверху землей, или въ грунтъ. Посѣвъ въ разсадникъ удобнѣе, потому что легче полить росаду и прикрыть ее отъ утренниковъ. Самый поздній посѣвъ бываетъ на Ѳоминой недѣлѣ въ понедѣльникъ (провидный). Посадку начинаютъ тогда, когда растеніе образовало четыре листка, обыкновенно послѣ Вознесенія, съ 25 мая (на Ивана головатого), предъ Тройцей и продолжаютъ всю Петровку, избѣгая третьей лунной четверти и постныхъ дней [4]),—«щобъ гусинь не пойила та не погнылы головкы». Пріемъ посадки такой: хозяйка, намочивъ разсадникъ водой, осторожно вынимаетъ изъ земли росаду, подщипывая кончики корней, и разсаживаетъ въ гряды, бросая промежутки лишь въ полторы четверти между растеніями; при этомъ хозяйка оборачиваетъ горшокъ или черепокъ, накрываетъ его бѣлымъ платкомъ, кладетъ сверху камень и говоритъ: «Дай же,

---

[1]) Cap, capo, capoccio, caput—голова. Въ дикомъ состояніи капуста растетъ по берегамъ морей въ Греціи, Франціи и Англіи, воздѣлывается издавна. (Григорьевъ. Руков. къ бот., 157).

[2]) Тоже у Чуб. Тр. III., 12 и Богдановича. Сбор. 189.

[3]) Также на Волыни. Кіев. Ст., 1895 г., V, Дек. 71.

[4]) Тотъ-же предразсудокъ замѣченъ на Дону. (Новое Время, 1902 г. № 9513, 13 авг., 3.

Господы, щобъ ся капуста така поросла, якъ я оцей горшокъ сюды унесла, щобъ була била, якимъ я билымъ платкомъ прысслала, щобъ була тугая, якъ я симъ каменемъ тугымъ прыклала», затѣмъ хозяйка перевязываетъ себѣ трижды платкомъ голову, «щобъ капуста вьязалась» [1]). Иныя хозяйки садятъ капусту безъ такихъ затѣй, приговаривая только: «Вроды, Господы, капусту таку, якъ у мене голова». Первую недѣлю послѣ посадки капусту поливаютъ, пока пріймется, потомъ мотыжатъ (сапуютъ), а наканунѣ Ивана купала кладутъ на грядки капусты купальскіе вѣнки для предохраненія растенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ: гусени (бѣлянки, pontia brassicae и ночницы, noctua brassicae), попельнухи (тли, aphis brassicae), блошки (haltica oleracea) и капустянки (медвѣдки, gryllotalpa vulgaris) [2]). Кромѣ вѣнковъ совѣтуютъ еще предохранять растеніе отъ порчи этими насѣкомыми взбрызгиваніемъ на разсвѣтѣ грядъ: «юрською росою, маковіевською водою», водой, настоянной три дня на рыбьихъ остаткахъ: чешуѣ, желчи или на куриномъ пометѣ (курякахъ). Для той же цѣли посыпаютъ растенія свинымъ пометомъ [3]) или золой, сохранившейся отъ рождественскихъ праздниковъ. Рубятъ капусту съ покровы, послѣ нѣсколькихъ морозовъ.

Вблизи Лубенъ воздѣлываютъ стручковатый турецкій перецъ (capsicum annum), родомъ изъ тропической Америки [4]), такимъ образомъ, какъ капусту, т. е. сѣютъ, когда снѣгъ сойдетъ съ земли, потомъ разсаживаютъ въ гряды, поливаютъ, покуда укоренится,

---

[1]) Варіанты пріемовъ посадки (женщина давитъ колѣномъ землю, берется за голову) приведены у Чубин. Тр. III, 185; варіанты, приказки у Номиса. Укр. Пр. 5; см. также Богдановичъ. Сбор. свѣд. 194.

[2]) О ней въ «Hist nat». M-me Achille Comte сказано: «Jl suffit de quelques-uns de courtilières répandus dans un potager pour y voir en peu de jours toutes les plantes se faner et mourir. (p. 310).

[3]) Совѣтуютъ для избавленія капусты отъ блошки посыпать всходы конскимъ или свиннымъ навозомъ, такъ какъ блошка не выноситъ амміака. (Новое Время. 1900 г., № 8709, 3).

[4]) Григор., 233.

а красные «стрючки» кладутъ въ борщъ и въ соленые огурцы,—«будуть огиркы якъ каминець». Въ каждомъ старомъ огородѣ можно видѣть безпорядочно разросшійся «крипъ» (укропъ, anetum graveolens. L.), восточнаго происхожденія [1]), также служащій приправой горячимъ и холоднымъ кушаньямъ и огурцамъ. Неприхотливость укропа создала повѣрье, что будто-бы онъ можетъ быть разведенъ безъ сѣмянъ. «Якъ летыть ластивка, та у-перве іи побачышъ, то кыдай жменю земли навхрестъ и прыговорюй: сію крипъ [2]), щобъ Богъ родывъ!—зародыть» [3]). Въ новыхъ огородахъ, однако, укропъ разсѣваютъ по луку или буракамъ. Другія зонтичныя: петрушка (Petroselinum sativum. Hoffm.) и «морква» (daucus carota. L.) разводятся рѣдко и въ ограниченномъ количествѣ; первую бросаютъ въ борщъ, вторую даютъ въ сыромъ видѣ дѣтямъ, какъ лакомство.

Изъ блѣдной зелени мѣстнаго огорода выдѣляются пунсовые и бѣлые цвѣты мака. Судя по глубокой древности употребленія этого растенія, найденнаго въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка [4]), можно предположить, что славянское его названіе, сходное съ нѣмецкимъ: Magsammen, дошло къ малороссамъ отъ арійскихъ предковъ. Малороссіяне различаютъ двѣ разновидности мака: зиркатый, зирчакъ, видюкъ, скакунъ, съ коробочкой, изъ которой выскакиваютъ сѣмена (текунъ, papaver Roeas. L.) съ закрытой сѣменной коробочкой [5]). Еще различаютъ обыкновенный (шолудывый) и махровый (повный). Макъ, какъ и предыдущія растенія, требуетъ возможно ранняго посѣва: «найрани-

---

[1]) Григор., 220.

[2]) Произнесть трижды.

[3]) Изъ такихъ разсказовъ и выраженій о вредныхъ насѣкомыхъ: «воны заводятся изъ земли»,—выходитъ, что народъ вѣритъ въ теорію самозарожденія въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

[4]) Хётчинсонъ. «Очер. доисторич. міра» въ Мір. Бож. 1897 г., IX, Прилож., 154. Извѣстенъ древней Греціи. Rejnier Ackerb. der Alten. 200.

[5]) М. Дикаревъ. Зам. по ист. народн. ботан. въ Этног. Обозр. 1899 г., I и II., 23. Роговичъ. Оп. слов. въ Зап. геогр. Общ. I, 130.

шый макъ найкращый, головатый, нечервывый [1]), ёго й мошка не посиче». Полагають даже возможнымъ, высѣявъ макъ по снѣгу, затѣмъ перекопать засѣянное мѣсто; во всякомъ случаѣ нужно сдѣлать посѣвъ на четвертой недѣлѣ поста (на хрести) [2]), такъ какъ макъ долго не всходить и не боится утренниковъ [3]). Макъ нужно сѣять утромъ, покуда еще вѣтеръ не разобрался, изъ рта сѣющей, рядами или въ разбросъ по буракамъ и картофлѣ, потомъ прикидать соромъ (багномъ, смиттямъ). Иногда его разсаживають «пидъ дощъ». Первыя расцвѣтшія растенія перевязываются гарусомъ (жычками) и маковки съ нихъ оставляютъ на сѣмена. Макъ даетъ, по народнымъ воззрѣніямъ, хорошій сборъ: 1) если въ окрестности умеръ священникъ, 2) въ сухіе годы, 3) при неурожаѣ на хлѣбъ или плоды. Вѣроятно, во вниманіе къ послѣднему условію неурожай мака неощутителенъ. «Макъ симъ годъ не родывъ, а голоду не було» [4]). По Маркевичу принято собирать макъ 1 августа (на Маковія) [5]). Въ Лубенскомъ уѣздѣ около того же времени.

Бураки (beta vulgaris. L.) можно сѣять и садить. Посѣвъ теперь заброшенъ, потому что народное мнѣніе объ этихъ способахъ воздѣлыванія бураковъ склонилось въ пользу посадки. Сѣянные бураки нужно прорывать и половина растеній напрасно погибаетъ; сѣянные неудобно полоть, кромѣ того они выходятъ удлиненными; саженные лучше разрастаются, выходятъ толще, короче, круглѣе. Какъ посѣвъ такъ и посадка бураковъ одинаково запрещаются на вербной недѣлѣ [6]): «буряки будуть гирьки, коростяви,

---

[1]) Макъ поѣдаетъ личинка жучка бѣлопятнистаго скрытно хоботника (ceutorhynchus macula alba), откладывающаго яички въ коробочкахъ, гдѣ личинки питаются насчетъ сѣмянъ, затѣмъ прогрызаютъ коробочку падаютъ на землю и окукляются. (Нов. Вр., № 9430, 3.)

[2]) Тоже у Чубин. Тр. III., 12.

[3]) Котельниковъ. О сѣмен. и посѣвѣ. С.-Пет. 1897 г., 37.

[4]) Чубин. Тр. 1, в. 1, 265.

[5]) Обыч. пов. 17.

[6]) Тоже запрещеніе держится въ Волынской губ. Кіев. Стар. 1895 г., V, дак. 71; оно же указано у Чуб. Тр. III, 13.

ростымуть якъ верба». По первой изъ указанныхъ причинъ нельзя также сѣять бураки по средамъ, по утрамъ и вечерамъ, когда дымъ выходитъ изъ трубы во время топки. Лучшее время посѣва и посадки бураковъ—средина дня четверга или пятницы; притомъ женщинамъ совсѣмъ нельзя сѣять бураковъ: «будуть гарягувати». И такъ, мужъ, вспахавъ часть огорода, назначенную для бураковъ, беретъ брусницу (кушку)—деревянную миску, употребляемую при косьбѣ, чаще большой кувшинъ, съ положенными туда сѣменами для того, чтобы бураки выросли больше, и сѣетъ рядами. Посадка бураковъ лежитъ на обязанности женщины, которая надѣваетъ въ это время красный поясъ и приговариваетъ: «Господы! дай, щобъ бурякы булы красни, якъ жаръ и велыки порослы на любымійшый жаль» или «Вроды, Боже, бурячкы, якъ у мене лыточкы». Садятъ бураки на разстояніи полуаршина межъ рядами и одной четверти между отдѣльными растеніями. Поверхъ нихъ садятъ иногда подсолнечники, бросающіе тѣнь и потому полезные въ сухое лѣто. Наблюдаютъ еще, чтобъ не полоть бураковъ по праздникамъ, небольшимъ даже, и на зеленой недѣлѣ, въ противномъ случаѣ въ бураковый квасъ упадетъ мышь или жаба. Сборъ бураковъ производится одновременно съ картофлей, послѣ Покровы [1]).

Введеніе картофеля [2]) (Solanum tuberosum. L.) въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно, по разсказамъ старожиловъ, не обошлось безъ нѣкоторыхъ «войнъ за просвѣщеніе». «Якъ вывезено картоплю, такъ вона була сыня у середыни и люды не

---

[1]) Изъ другихъ корнеплодовъ: рѣдька (raphauns sativus. L.) разводится мало, хрѣнъ же (cochlearia Armoracia) берется изъ старыхъ огородовъ.

[2]) Родина картофеля—Чили (Ш. Летурно. Эвол. Торг. въ Мірѣ Бож. 1898 г., VII, 63) и Перу, откуда появился въ Европѣ въ XVI вѣкѣ, въ Италіи подъ именемъ tartufi bianchi (въ отличіе отъ трюфлей—tartufo nero) или по Григорьеву (Рук. къ бот. 232) tartufolli; откуда, вѣроятно, происходитъ какъ нѣмецкое, такъ и малорусское: картопля и бараболя.

хотилы брать. Такъ прыневолювалы и сиклы и накыдалы по тры сотни. Купець закупывъ тай вывизъ. Паны посылалы своихъ садыть, а казна—казенцивъ. Якъ набралы тіи картопли, такъ выслано чоловика:—якъ іи садыть—зъ чужого краю. Казна выслала:—таке мовъ салдатъ. Ризалы картоплю на чотыри часты и садылы на пиваршына колесомъ. У нашій земли вона переминылась: садылы сыню,—стала жовта, смашна. Іи возылы въ казну на смотреніе (sic). Вона перевелась, стала дрибна и кажный годъ дрибнійша. Сплюндровалы ту, а завелы другу. Була и сыня и довга,—навезено. Давнійшъ не було сапъ, пололы рукамы, а обгорталы заступомъ» [1]). Разводили картофель и добровольно. «Мій прадидъ десь доставъ и прывизъ картоплю и давъ баби. Вона взяла у горшечокъ и сховала пидъ поломъ у закапелокъ и дывыться и пыта: «шо воно таке—мовъ яечка?» И дидъ не знае названія. Диждалы весны и посадылы, и выйшла картопля» [2]). Этотъ старый сортъ картофеля, по мнѣнію старожиловъ, былъ лучше послѣдующихъ: «Наська у пырогахъ мовъ яйця, вона «смачниша». Въ новѣйшихъ сортахъ находятъ слѣдующіе недостатки: скороспѣлка и «бугайка» водянисты, а американка—волокниста. Картофель разводятъ теперь исключительно клубнями, наблюдая тѣже правила, что и при посадкѣ бураковъ. Нельзя садить на вербной недѣлѣ—«буде, така, якъ верба»,—на третьей четверти, по средамъ и субботамъ, потому что будетъ портиться («буде коростява») [3]). Садятъ картофель съ промежутками въ аршинъ и болѣе между корнями; садящая приговариваетъ: «Дай же, Господы, шобъ було пидъ симъ коренемъ картопелёкъ, якъ на неби хмарокъ, шобъ така ся картопля була рясна, якъ на неби хмара густа»! Картофель сапуютъ и послѣ «Онопрія» (12 іюня) окучиваютъ (обгортають). Въ этотъ-же день

[1]) Отъ кр. с. Литвяковъ Н Кедовой.

[2]) Отъ коз. с. Волчка Л. Хомулиной. Разведеніе картофеля въ Малороссіи начато при императрицѣ Екатеринѣ II, съ 1765 г.

[3]) Мокрая гниль картофеля производится грибками botrytis и Fusisporium solani. (Григор. Рук. къ бот. 7).

окучиваютъ хоть 1—2 корня. Для затѣненія картофеля садятъ по ней изрѣдка подсолнечникъ. «Соняшныкъ (Helianthus anuus, L.) садятъ послѣ картофеля, въ апрѣлѣ, въ субботу или въ дни, въ которые были еврейскіе праздники («якъ жыды на кучкы сидалы») для предохраненія отъ воробьевъ. Зависимость времени посадки отъ еврейскихъ праздниковъ объясняется старухами слѣдующимъ образомъ. «Затимъ горобци не будутъ пыть соняшныка, шо жыдъ у суботу ничого не робыть. Горобець ось якъ до жыда доходыть. Якъ Спасытеля сховала Маты Божа у ясля, то горобець казавъ: жывъ, жывъ! А жыды понялы и найшлы. Спасытель сказавъ: «Хай горобець буде, якъ жыдъ». Тымъ горобець проклятый и тымъ винъ у субботу ничого не займае». По другому варіанту:—«Якъ уродывся Спаситель, то Пылатъ хотивъ ёго стребыть, щобъ не було, а жыды шукалы ёго скризь по ясляхъ. То преославни кажуть, шо ёго вже нема на свити, а горобци литають та щебечуть: жывъ, жывъ!» И дальнѣйшіе пріемы воздѣлыванія подсолнечника указываютъ на ту же заботливость предохранить растеніе отъ жадности воробьевъ. Садить подсолнечники нужно или до восхода солнца или послѣ захода; особеннно хорошо послѣднее, когда птица сядетъ на ночлегъ. «Горобци вже не жырують тоди, не щебечуть, бо на шабашъ пишлы, якъ жыды». Накапывать для посадки сѣмянъ слѣдуетъ той палочкой, которой вычищаютъ колбасы, когда моютъ послѣднія. Сѣмена окропляютъ освященной водой и кладутъ въ большое рѣшето (пидсытокъ), куда прибавляютъ кусочекъ сала. Рѣшето избирается большое для того, чтобы и верхушка растенія вышла большою (головатою); сало же кладутъ для отвода воробьевъ. Съ той же цѣлью—«щобъ горобци одверталы», садящая надѣваетъ на себя очипокъ или кожухъ на выворотъ. При посадкѣ молчитъ и не «лущыть насиння», чтобы не привлечь вниманія птицъ. По Гринченку [1]) лица, желающія урожая подсолнечника, не должны ѣсть его сѣмянъ на свѣтлый праздникъ. Для предохраненія созрѣвающихъ сѣмянъ отъ воробьевъ, совѣтуютъ еще обсѣять гряду тѣмъ житомъ, которое

---

[1]) «Изъ устъ нар.» 37.

ставится въ кувшинѣ у мертваго тѣла. «Ниразъ не возьмуть горобци лущыть—мовъ що закаже». Или: «Якъ сояшныкы начнуть цвисты, треба взять гниздо зъ горобцямы и зварыть зъ птыцямы, потимъ кропыть соняшныкы, то не будуть горобци пыть». Подсолнечникъ, убирая въ августѣ, срѣзываютъ съ частью стебля (держака) и вѣшаютъ или кладутъ противъ солнца для того чтобы онъ привялъ, потомъ черезъ 2—7 дней выбиваютъ сѣмена.

Горохъ (pisum sativum. L.), одно изъ древнѣйшихъ пищевыхъ средствъ [1]), почти не сѣютъ въ огородахъ по недостатку мѣста. Посѣвъ его на полѣ также сокращенъ, потому что «стало людно». Если посѣять у дороги, «то пастухы стрючкы позрывають, самый гудъ зостанется»; если же скрыть горохъ среди хлѣба, то можетъ случиться такъ, какъ въ сказкѣ Артемовскаго-Гулака [2]) хозяину, который потерялъ горохъ,

«А за горохомъ въ гуртъ и жыто, и пшеныцю,
Бо тилькы зо всёго соломы взявъ копыцю».

По общемалорусскому замѣчанію [3]) лучше всего сѣять горохъ въ Лазареву субботу,—дастъ хорошій сборъ. На мѣстѣ сѣютъ горохъ въ разное время: въ страстной четвергъ и субботу, весь апрѣль и въ началѣ мая, лишь бы посѣять на разсвѣтѣ и снявъ съ себя кожухъ—«горохъ буде киплячый». Онъ будетъ «киплячый» и тогда, когда при посѣвѣ вѣетъ южный вѣтеръ, а если сѣверный—горохъ не будетъ хорошо укипать. Онъ всходитъ чрезъ три дня послѣ посѣва, улучшаетъ, удобряетъ землю, собирается и молотится одновременно съ хлѣбомъ.

Другое огородное мотыльковое растеніе «квасолю, пасолю» (phaseolus vulgaris. L.) разводятъ посадкой въ три зерна «соро-

---

[1]) Онъ найденъ въ свайныхъ постройкахъ (Хетчинсонъ. Очер. доистор. міра въ Мірѣ Бож. 1897 г., IX, 154). Былъ у грековъ. Rejnier. Ack der. Alten. 194.

[2]) Кобз. Арт.-Гулака. Кіевъ, 1878 г., 27—32.

[3]) Чубинск. Тр. III, 12. Арендар. Зап. о Полт. губ. II, 221, Богдановичъ. Сб. свѣд. 189.

чымы лапкамы» поздно съ 23 апрѣля и до Николая, «Вона найутлише зилля, боиться морозу». Убираютъ ее, какъ горохъ.

И американскій маисъ [1]), «пшинку, кукургузу» (Żea mays. L.) разводятъ поздно съ половины апрѣля. Зерна намачиваютъ въ водѣ, изрѣдка поливаютъ жидкимъ дегтемъ для того, чтобы птица не трогала, и обсаживаютъ ими гряды не сплошь, такъ какъ при густой посадкѣ будетъ безплодною (яловою), а въ перемежку съ другими растеніями (мишма)—по три зерна въ ямку, какъ фасоль. Выросшій маисъ «пасынкують», т. е. сбрасываютъ «кашку, куныци, волотъ», потомъ початки (качаны) обламываютъ и ѣдятъ отваренными.

Къ воздѣлываемымъ позже овощамъ принадлежатъ и баштанныя семейства тыквенныхъ (cucurbitaceae), которыя разводятъ частью на огородѣ, частью въ степи на баштанахъ въ соединеніи съ описанными выше огородными растеніями: картофелемъ, фасолью и маисомъ. Подъ огурцы (cucumis sativus. L.) подвозятъ въ огородъ нѣсколько возовъ земли съ выгона и перемѣшиваютъ ее съ навозомъ. Кромѣ общаго запрещенія для всѣхъ овощей посадки на третьей четверти не совѣтуютъ еще садить огурцовъ и на четвертой—«тилькы на кинчыкахъ буде вязъ». Лучшее время посадки первая четверть: «буде сама завязь, огиркы будуть незбирни, рясни». Если пасха поздно, то огурцы садятъ въ чистый четвергъ, также на преполовеніе (на праву середу)—«воны будуть прави»; весь апрѣль до св. Георгія [2]). Совѣтуютъ садить ихъ въ то время дня, когда скотъ лежитъ: «щобъ рясно лежалы якъ скотъ» [3]). Дивчата садятъ огурцы въ зеленыхъ лентахъ, въ такомъ же намистѣ и въ новыхъ черевикахъ, больше кружками (кýбахами), чѣмъ рядами, полагая въ ямку по 2—3 сѣмени. Посаженные огурцы ограждаютъ очеретомъ, чтобы куры не клевали. Найдя на дорогѣ лапоть (лычакъ), волочатъ его но-

---

[1]) Григорьевъ. 313.

[2]) По Чубинск. (Тр. Ш, 184) огурцы садятъ еще и въ маѣ, на Ивана.

[3]) То-же у Гринч. Изъ устъ нар. 37.

гой и кидають на баштанъ, приговаривая: «Якый я втягъ лычакъ, таки шобъ я зрывавъ огиркы»[1]). Для лучшей вязи поливають плети (гудъ, гудыну) «до схидъ сонця» отваромъ пустоцвѣта[2]) или огирошныка (trifolium alpestre. L.), который разбрасывають также пучками по баштану «шобъ огиркы рясно вьязалысь»[3]). Для успѣха баштана не слѣдуеть ходить по нему мужчинамъ въ сапогахъ, женщинамъ—въ періодическихъ очищеніяхъ.

Воздѣлываніе арбузовъ (кавунивъ, cucurbita citrulus L.) и дынь (cucumis melo. L.) сходно съ воздѣлываніемъ огурцовъ, съ тѣмъ различіемъ, что первые садятся позже, промежутки между кубахами и рядами дѣлаются шире, сѣмена предъ посадкой намачиваются: арбузовъ въ водѣ, дынь—иногда въ молокѣ, «шобъ булы солодки». Садя арбузы, дивчата надѣвають красныя ленты и сподницы, въ карманы кладуть конфекты. Разсказывають еще о слѣдующихъ устарѣлыхъ суевѣріяхъ. Баштанникъ, набравъ сѣмянъ арбузовъ, идеть на свѣтлыхъ праздникахъ въ церковь къ заутрени и когда священникъ провозгласить: Христосъ Воскресъ!—отвѣчаеть: «Я баштанныкъ увесь, у мене насиння есть». Затѣмъ баштанникъ нагимъ бѣжить вокругъ мѣста, назначеннаго для баштана. Выполненіе этихъ пріемовъ обѣщаеть урожай.

Суевѣріе такого же рода наблюдають воздѣлывая тыквы (гарбузы, cucurbita meloреро или реро. L.)[4]). «Якъ иты на страсть, то завьязують ныточку стилько разъ, скилько разъ дзвонють и якъ садыть, то треба обвязать тіею ныточкою руку и такъ садыть. Скилькы задзвонылы, стилькы буде вьязу». Гарбузы лучше садить въ базарный день, на Ѳоминой (проводной) недѣлѣ въ по-

---

[1]) То-же у Номиса (укр. прик. 5) и Чуб. (Тр. Ш, 185).

[2]) По Чубинск. (Тр. I, 84) пустоцвѣтъ бросають предъ стадомъ, чтобъ потоптало.

[3]) Привлекаемые огирошникомъ шмели переносять цвѣтень изъ мужского цвѣтка огурцовъ въ женскіе. Словари раст. А. Роговича и Ѳ. Волкова въ зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I, 139 и 172.

[4]) Гарбузы вывезены изъ Остъ-Индіи. Григорьевъ. Рук. къ бот. 211.

недѣльникъ: «шобъ вязалысь на первому цвиту», и во вторникъ: «Якъ посадыть гарбузы у вивторокъ, то на кажній гудени—гарбузивъ по сорокъ». Лучше садить гарбузы дѣвкамъ или молодицамъ, «шо ще дитей водять»; «а якъ стара посадыть, то гарбузы не вяжуться,—одынъ гудъ». Сѣмена сохраняютъ въ самомъ гарбузѣ и садятъ или изъ «ручки» отъ плети у основанія плода или изъ рѣшета, какъ подсолнечникъ, кýбахами по 4—5 зеречъ, «стромляють носкамы вгору» въ ямки, заготовленныя заранѣе, въ страстную субботу. При посадкѣ смотрятъ на небо: если есть тучки, то будетъ завязь и урожай. Еще одно случайное обстоятельство вліяетъ на урожай. «Якъ пипъ умре поблызу, то вродять гарбузы». Для усиленія вязи существуетъ еще такой пріемъ: «На купального Йвана треба перевязувать жычкамы, або ныткамы гудыну, шобъ вязъ бувъ». Гарбузы «валашать», т. е. рѣжутъ удлиненные побѣги (батоги).

V. Пидметъ.

Посѣвъ, уборка, мочка конопли, лёнъ, рыжей.

Конопляникъ (пидметъ) занимаетъ по возможности низкую, черноземную полоску огорода, левады или поля у дороги, среди ржи (въ жытахъ). Съ осени онъ только удобряется, весной пашется и конопля[1]) сѣется въ только что отвернутую плугомъ и забороненную землю. Посѣвъ конопли сообразно положенію конопляника бываетъ двоякій. На болѣе высокихъ мѣстахъ коноплю сѣютъ одновременно съ огородомъ: на 5-й и 7-й недѣляхъ великаго поста (минуя вербную) и въ апрѣлѣ. Замѣчаютъ, что такія раннія (огородни) конопли даютъ лучшій урожай волокна (пряжи), а позднія—сѣмени, но первыя часто подгораютъ. Затѣмъ по обычаю на шестой недѣлѣ послѣ свѣтлаго праздника, предъ вознесеніемъ, совсѣмъ не сѣютъ конопель. «На вшести не можна сіять

---

[1]) Cannabis sativa. L., родомъ изъ южной Азіи, издавна воздѣлывается въ Европѣ (Григорьевъ. Руков. къ бот. изд. III, 270).

конопель—будуть жорстки». Позднія конопли (гречкови) сѣются въ одно время съ гречой въ маѣ и іюнѣ до 8 іюля (Прокипья), но лучшимъ временемъ поздняго посѣва признается средина іюня, около «Оноприя» (Св. Онуфрія—12-го). Лучшій день для посѣва—среда «на молодыци» [1]), и ненастье. «Якъ посіять конопли пидъ дощъ, то будуть рясни, а якъ у годыну—обридни». Предъ посѣвомъ сѣятель съѣдаетъ нѣсколько яицъ, а скорлупу раскидываетъ по нивѣ [2])—«конопли будуть мняки, жовти якъ воскъ»; затѣмъ скинувъ шапку и проговоривъ: «Роды, Боже, шобъ була плоскониша», засѣваетъ густо, по мѣркѣ на каждыя сто саженъ, проходя вдоль удобреннаго (жырного) пидмета трижды, а вдоль тощаго—дважды. Послѣ посѣва заборониваетъ конопли и яичную скорлупу. Взошедшія конопли охраняютъ отъ голубей и воробьевъ, вытягивающихъ ростки вмѣстѣ съ сѣменами, оградой изъ кольевъ, основанныхъ валомъ съ привязанными къ нему въ нѣсколькихъ мѣстахъ соломенными пугалами (дидами). Дѣйствительнѣе, однако, личная охрана юнаго или престарѣлаго семьянина, и часто можно видѣть настоящаго, а не изображеннаго только изъ соломы, дѣда, кричащаго и машущаго палкой на голубей. Когда конопли вырастутъ, ихъ полютъ, выбрасывая сорныя травы, особенно сурѣпу (свирипу, brassica napus. L.). Затѣмъ, такъ какъ конопля двудомное растеніе, то и уборка ее разновременна. Мужское недѣлимое посконь (плоскинь) выбираютъ чрезъ двѣнадцать недѣль послѣ посѣва, при чемъ часть растеній неизбѣжно вытаптывается и погибаетъ. Женское недѣлимое (матирку) собираютъ позже, когда зерно нальется и отвердѣетъ, къ Спасу и между пречистыми (15 августа—8 сентября). Собранныя до Спаса конопли признаются лучшими для пряжи. Выбравъ конопли, ихъ просушиваютъ въ горстяхъ до двухъ недѣль на мѣстѣ или въ усадьбѣ, потомъ матирку обмолачиваютъ и вѣютъ. При вѣяніи легкое, плоское сѣмя, производящее посконь (пужына) отлетаетъ, а круглое, тя-

---

[1]) То-же у Гринченка (Изъ устъ нар. 35).

[2]) Такое же обыкновеніе въ Великороссіи и Чехіи (Н. Ѳ. Сумцовъ. Писанки. Кіевъ, 1891 г., 23).

желое, производящее матирку (вороне), остается и даетъ олею. Плоскинь и часть матирки намачиваютъ съ осени для отдѣленія древесины (кострыци) отъ волокна (прядева) путемъ растворенія водою клееватаго камедисто-смоляного вещества, а другую часть матирки оставляютъ для весенней мочки, если осень сухая и негдѣ мочить. Запрещается обычаемъ мочить конопли съ весны до св. Николая (9 мая), а по другимъ, до Вознесенья, съ осени—«проты пречыстои (8 сентября) и здвыження» (14 сентября), «бо буде утопленныкъ изъ того роду [1]); а якъ хто хоче мочыть, хай упустыть зализнякy пидъ помистъ. Начиная мочить конопли, приговариваютъ: «У воду якъ вовкъ, а зъ воды якъ шовкъ», и вбиваютъ двѣ небольшія сваи (килкы), кладутъ межъ ними конопли въ средину верхами, а корешками (гузырямы) наружу. Сверху на такой «помокъ» накладываютъ земли, которая своей тяжестью не даетъ разойтись коноплямъ. Такой помокъ называется «довгый», а если конопли укрѣплены крестообразно вокругъ одного только колка, то образуется круглый помокъ. Моченія по росамъ, принятаго въ великорусcскихъ губерніяхъ [2]), въ Лубенщинѣ нѣтъ. Плоскинь оставляютъ въ водѣ на 4—7 дней, рѣдко на 10, материнку же на 12—14. Излишне мокнувшія (перемочени) конопли даютъ: клокъ, валъ, дергу, изъ которыхъ дѣлаютъ рядна обыкновенныя и толстыя (кодри, ковдри [3]), служащія одѣялами, скатерти, рушники. Изъ перемоченныхъ конопель тонкихъ нитокъ не будетъ; недомоченныя и совсѣмъ жесткія. «Найкраще прядево изъ дрибнои, тонкои плоскони, шобъ не лыкуватои». Послѣ мочки конопли сушатъ въ горсткахъ 1—1½ недѣли, потомъ мнутъ на мялицѣ (терныци) для удаленія «кострыци» и пыли, далѣе разминаютъ еще ногами или особой мялкой, мычутъ мычки и прядуть. «Ни коло чого нема заботливише, якъ коло сорочокъ».

Воздѣлываніе льна [4]) человѣчествомъ древнѣе воздѣлыванія конопли. Онъ найденъ въ свайныхъ постройкахъ, въ которыхъ

[1]) То-же у Чубинск. Тр. III, 184.

[2]) О воздѣлыв. конопли. С.-Петерб. 1865 г., 10.

[3]) Польск. coldra, итальянск. coltra—одѣяло.

[4]) Zinum usitatissimum. L.

конопли не найдено. Его воздѣлывали, египтяне, евреи, греки [1]) и римляне; отъ послѣднихъ растеніе, вмѣстѣ съ своимъ названіемъ дошло, по мнѣнію Липперта [2]), чрезъ Испанію, Галлію, Нидерланды къ нѣмцамъ и славянамъ. Въ Малороссіи различаютъ: ленъ скакунъ или скачокъ (l. crepitans. Schubl. et Mart) [3]), съ осыпающимися сѣменами, и слипець. Землю подъ лёнъ, обыкновенно твердый облогъ, распахиваютъ съ осени не глубоко, на три вершка, а весною разбиваютъ (скородятъ) въ шесть боронъ Сѣютъ [4]) рано съ Благовѣщенья, полагая по $1^1/_2$ пуда сѣмянъ на десятину, не разбрасывая его широко на всю руку, а пропуская на три пальца; при чемъ иногда приговариваютъ: «Не роды лёнъ, а роды выхилёнъ» [5]). Засѣявъ поле, его волочатъ опять въ шесть боронъ. Поднявшійся лёнъ полютъ, выбрасывая сурѣпу и лободу (chenopodium album. L.). Выбираютъ его одновременно съ плосконью, иногда на условіи представленія хозяину сѣмени, а рабочимъ стеблей. Смолотивъ ленъ мочатъ, сушатъ, разминаютъ какъ коноплю, и прядутъ изъ него нитки, а къ югу отъ Лубенъ и холстъ. Воздѣлыванье льна все болѣе и болѣе сокращается.

Изъ другихъ масляничныхъ растеній разводятъ только рыжей (camelina sativa. L.) узкими полосками на сбойной землѣ вдоль дорогъ. Землю подъ рыжей не удобряютъ, а только пашутъ осенью или весной; сѣютъ разомъ съ яринами по $2^1/_2$ пуда сѣмянъ на лучшей спасовской «рылли» и по два пуда на худшей; косятъ въ одно время съ житомъ, молотятъ и забиваютъ олею.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Хётчинсонъ. Очер. доистор. міра въ Мір. Бож. 1897 г., XI, 154. Rejnier. Ackerb. der alten. 201—203.

[2]) Ист. Культ. 102, 103.

[3]) Роговичъ. Опытъ слов. 127.

[4]) Въ Харьковской губ. предъ посѣвомъ льна, какъ у насъ предъ посѣвомъ конопли, ѣдятъ яйца. Харьк. Сбор. 1890 г. IV, 54.

[5]) Болѣе рослый.

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.[1]

Письмо В. Бѣлозерскаго[2]).

Возвращаю Вамъ это письмо въ цѣлости, не видя причины уничтожать его. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, какія получалъ я послѣ *8 марта* (да будетъ оно проклято!) вслѣдствіе самыхъ дикихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ подозрѣній и обвиненій, взведенныхъ на меня *по временамъ* мною любимымъ и многоуважаемымъ Николаемъ Ив. Ему не слѣдовало писать подобнаго страннаго и оскорбительнаго письма изъ одного опасенія, что я (по обстоятельствамъ, не совсѣмъ для меня выгоднымъ) буду не въ состояніи уплатить и 35 р., но какъ къ этому оскорбленію присоединилась и забота объ Украйнѣ, то я отъ всей души прощалъ и прощаю и готовъ еще простить вѣчно милому и дорогому для каждаго украинца Никол. Ив. Устранить возникающія по временамъ не между нами, а съ его стороны недоразумѣнія и неудовольствія не въ моей власти. Я дѣлалъ и дѣлаю все, чтобы успокоить и умирить эту взволнованную до глубины горячую душу, но убѣдился, что одно время и перемѣна обстоятельствъ могутъ помочь моему горю. Я думаю, что лучше всего оставить его въ покоѣ и не раздражать напоминаніемъ того, что уже и такъ слишкомъ сильно его измучило. Что же касается до пользы для дѣла, то я думаю, оно выше и крѣпче всяческихъ личныхъ отношеній и даже самыхъ личностей. Сила его опи-

---

1) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 1.

2) Вас. Мих. Бѣлозерскій—редакторъ «Основы».

рается на правду, чувствуемую и сознаваемую цѣлой толпой простыхъ и не простыхъ людей. Новый годъ встрѣтили у меня очень весело: много пѣли и танцовали по-украински и по-сербски. А. П. Стороженко просидѣлъ до 3-хъ часовъ, а многіе до 6-ти утра. Зъ Новымъ годомъ и новымъ счастьемъ; бувайте здорови! Сегодня мы собираемся у Алексѣя Петровича. [1]) Сердечно благодарю за доброе слово обо мнѣ и за добрыя желанія.

Вашъ В. Бѣлозерскій.

Шиманова, если Вы его знали, отправляютъ въ Пермь или Вятку—административнымъ приговоромъ.

Письмо Д. Бѣлозерскаго.

Вотъ Вы и ошиблись, добрѣйшій Григорій Петровичъ: первую то часть «Бѣглыхъ» я давно ужъ прочелъ, а до второй—не даютъ добраться: казна работы много наваливаетъ. О первой части поговоримъ при свиданіи; теперь не утерплю, чтобъ не сказать: есть за что похвалить, но не мало и такого, за что пожурить стоитъ. Личности выбраны отлично; намѣчены, очерчены тоже, по моему, хорошо (за исключеніемъ личностей изъ народа), но *выполненія*—почти никакого; даже досадно на Васъ за такое нехудожественное пренебреженіе къ превосходному матеріалу. Мнѣ кажется, Вы слишкомъ поспѣшили печатать свой романъ; ему слѣдовало вылежаться, быть прочитану и провѣрену еще не одинъ разъ: тогда бы вышла вещь дѣйствительно хорошая,—памятная въ литературѣ. Мнѣ кажется также, что Вамъ слѣдовало бы заняться «Бѣглыми» для второго изданія, а не торопиться вновь печатать въ прежнемъ видѣ и навязываться на строгую критику, которой Вашъ трудъ заслуживаетъ (это, вѣдь, большая похвала). Но не въ этомъ дѣло, а вотъ въ чемъ: сегодня я непремѣнно хотѣлъ быть, да не успѣлъ (у Александра Ѳедоровича былъ однакожъ), быть затѣмъ, чтобъ просить Васъ къ себѣ сегодня вечеромъ: надѣюсь, будутъ и Александръ Ѳ. и

[1]) Стороженка.

Петръ Петровичъ, хоть поздно. Будутъ земляки. У Васъ былъ А. Ѳ. Кистяковскій. Извините, что мало оттисковъ. За желаніе имѣть мою карточку весьма благодаренъ. Будетъ.

Вашъ Л. Бѣлозерскій.

Пишу изъ госуд. канцеляріи. Простите, если не литературно. Канцелярія возьметъ свое.

1862 г.

Письма М. А. Максимовича [1].

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

По послѣдней почтѣ получилъ я любезное письмо Ваше и поэтическое къ нему приложеніе. Благодарю Васъ сердечно за этотъ подарокъ и за Ваше доброе ко мнѣ слово! Степными сказками Вашими, отчасти мнѣ уже знакомыми, полюбуюсь теперь вновь и вполнѣ,—и если найдется что сказать объ нихъ, кромѣ голословной похвалы, то я съ удовольствіемъ это сдѣлаю современемъ... Теперь же скажу только еще разъ *спасибо*, и *помогай Богъ!* Доброе дѣло Вы вздумали и біографію нашего незабвеннаго, достопамятнаго *Основьяненка*. Съ нимъ, къ сожалѣнію, я не былъ знакомъ лично; и моя переписка съ нимъ была рѣдка. Посылаю Вамъ два письма его ко мнѣ, отъ 2-й половины 1840 года: они, кажется, будутъ Вамъ пригодны и интересны для біографіи. Въ нихъ рѣчь объ его *Добромъ Панѣ*, написанномъ для моего Кіевлянина, и объ малороссійскомъ правописаніи. Этотъ неважный предметъ чрезвычайно занималъ его; «столько раскольниковъ у насъ по этому предмету, что нужно бы составить вселенскій соборъ изъ разныхъ сектъ и рѣшить дѣло»—писалъ онъ ко мнѣ; и по его желанію и вызову неоднократному,

---

[1]) Извѣстный ученый, профессоръ и первый ректоръ Кіевскаго университета.

началъ было я писать къ нему обстоятельное письмо о правописаніи малороссійскомъ, во 2-й книгѣ Кіевлянина... но не кончилъ я, зане тогда пришелъ было конецъ всяческому начинанію моему и я былъ уже на исходѣ въ безконечность! Попрошу Васъ возвратить эти два письма мнѣ и прислать мнѣ біографію, когда она отпечатается; я между тѣмъ отыщу для Васъ автографъ «Добраго Пана». Не странно ли, что я такъ охотно послалъ двѣ дюжины писемъ ко мнѣ моего возлюбленнаго Гоголя, для его біографіи, предпринятой въ Современникѣ,—и знаю, что она уже напечатана давно, и не вижу ее доселѣ. Хоть бы изъ дефектнаго экземпляра вырвали тѣ листки, гдѣ біографія, и прислали мнѣ!

М. Максимовичъ.

1854 г. 20 апр. Михайлова Гора.

2.

20 февр. 1856 г. Мих. Гора.

Премного благодаренъ Вамъ, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, за вашего *Основьяненка*, котораго я прочелъ давно съ истиннымъ удовольствіемъ,—и обнимаю Васъ отъ всего сердца за милое письмо ваше ко мнѣ... Какъ живо оно напомнило мнѣ меня самого—за четверть вѣка, и какъ будто самъ я рвусь изъ Сѣвера на просторъ Украинскихъ степей, на приволье Днѣпровское! Но, когда Вы сказали мнѣ, что Вы свой въ кабинетѣ Вяземскаго, въ его архивѣ литературномъ—о, какъ охотно я помѣнялся бы теперь съ Вами мѣстопребываніемъ!.. Знаете ли что? Да Вы рѣдкій счастливецъ, просто баловень доброй доли вашей, лелѣющей Васъ, якъ маты кохану дытыну... Вы можете проводить ежегодно треть года на Украинѣ, а потомъ возвращаться въ просвѣщенный міръ Сѣвера... да это *идеалъ*, котораго не достигну я доселѣ, при моемъ постоянномъ къ нему стремленіи! Да бѣжитъ же отъ Васъ мысль перемѣнять такую долю и мѣнять ее на постоянное пребываніе въ глуши степной: одичаете, и тоска по родинѣ обратится въ гораздо худшую тоску на родинѣ. Пріѣзжайте ежегодно освѣжиться украинскимъ воздухомъ,

нахвататься степной травы, а потомъ съ нею на Сѣверъ претворять и переработывать—какъ Вы впрочемъ и дѣлаете. Повторяю: ваша жизнь устроилась наилучшимъ порядкомъ, и не рушьте его! Будучи слишкомъ вдвое старѣе Васъ, позволяю себѣ давать Вамъ это *опытное* наставленіе въ жизни—извините, или скажите спасибо--а я дѣлаю свое, и говорю Вамъ сердечную и житейскую правду. *Весна*—иное дѣло; и Вы правы, въ стремленіи своемъ отдохнуть весною на Украинѣ! Московская или точнѣе сказать въ *Москвѣ* весна, равно какъ и въ Питерѣ, въ сравненіи съ весною на Украинѣ, дѣйствительно почти тоже... да почему же не сказать, почти тоже, что загорода или комора передъ цвѣтникомъ... меркотиньемъ пахне!.. Апрѣль и май—эти два мѣсяца на Украинѣ точно рай, и какъ жаль, что Вы не въ прошлую весну направились къ намъ на Днѣпръ; а въ эту весну я не буду на Горѣ; уже рѣшено, что я по первой просухѣ ѣду въ Кіевъ, а оттуда въ черниговскую губернію къ своимъ роднымъ, куда меня зовутъ на это время свои родственныя отношенія... Но если Богъ поможетъ мнѣ, какъ я уже и подготовился, перезимовать эту зиму въ Москвѣ,—мы съ Вами—вонъ въ *ту весну* устроимъ поѣздку сюда на Днѣпръ, котораго 60 верстъ можно увидѣть съ Михайловой-Горы. Я въ 1850 году, протомясь и нанюхавшись гнойной весны въ Москвѣ, рѣшилъ, чтобы ни одной весны, сколько Богъ пошлетъ ихъ мнѣ на долю, не проводить въ Москвѣ, а на Украинѣ—во что бы ни стало!—Итакъ, мы нынѣшнею весною не сойдемся на берегу Днѣпра... Между тѣмъ, возвращаясь къ прежнему, видя ваши историческія стремленія, по Основьяненку и Сковородѣ, скажу вотъ еще что: весна на Украинѣ все будетъ та же и черезъ годъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ и не уйдетъ отъ Васъ; а князь Вяземскій, хоть и зеленѣетъ неувядающимъ лавромъ и кипарисомъ, но уйдетъ отъ Васъ... Онъ для насъ стоитъ Украинской весны: не отрывайтесь отъ него, пока онъ въ Питерѣ, заслушивайтесь его—какъ соловья стараго времени, это Вамъ кладъ далъ Богъ для историко-литературныхъ работъ вашихъ,—родникъ живой воды... упивайтесь свѣтлымъ ея кристалломъ.—Напишите мнѣ что-нибудь о немъ

подробнѣе. Будь на вашемъ мѣстѣ я, я занялся бы уже полнымъ собраніемъ его стихотвореній, разсѣялъ бы ихъ по всѣмъ литературнымъ украинамъ, и уже написалъ бы сотню, другую примѣчаній по его изустнымъ сказаніямъ: то-то былъ бы коментарій!.. Объ украинскомъ Діогенѣ у меня нѣтъ ничего особеннаго. Есть одно письмо его, да не стоитъ вниманія и прісканія въ бумажномъ хламу, отъ котораго я отчужденъ на сію зиму; ибо онъ лежитъ въ нетопленномъ флигелькѣ моемъ. Вы напомнили мнѣ о Соколовѣ... Что его Купалова ночь? Написана ли?—Что «Дельвигъ» Гаевскаго, которому прошу передать мой поклонъ, и если напечатанъ «Дельвигъ» его, то—не ужъ-ли не увижу его, какъ онъ посулилъ мнѣ! Еще разъ благодарю Васъ за *Основьяненка.*—Вы прекрасною *квѣткою* въ немъ подарили всѣхъ малороссіянъ.—Автографъ его «Добрый Панъ» дожидаетъ Васъ, чтобы отдаться Вамъ въ руки.—Сказки—чтобы Вамъ попробовать передать ихъ нашею Украинскою мовою! Знаете ли, что и я на старости—перевелъ украинскимъ стихомъ Пѣснь о полку Игоревѣ.

Но, конецъ листу... Богъ да поможетъ Вамъ въ работахъ Вашихъ. Передайте мой низенькій поклонъ князю.

Письмо діакона-поэта Кореницкаго [1]).

Діаконъ *Кореницкій* съ удовольствіемъ исполнилъ бы просьбу *Г. Данилевскаго,* но винъ теперь вертытся, якъ муха въ окропи. Благочинный писаньемъ не дае отдыху и притомъ завтра ожидаетъ архіерея (а можетъ быть будетъ и сегодня вечеромъ въ Куны). Нема времени ни на грошъ!.. Рада-бъ душа въ рай, та грихи не пускають! Надѣюсь, что Г. Данилевскій оставитъ свой адресъ,—Кореницкій думаетъ писать къ нему въ Петербургъ и прислать кое-что, теперь же, сожалѣя о неисполненіи просьбы, желаетъ счастливаго пути—и здравія и долгоденствія.

---

1) Малорусскій писатель.

Письма П. П. Артемовскаго Гулака [1].

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Какъ ни лестно для меня желаніе Ваше получить мою—извѣстную хохлацкую бездѣлку, я, съ сердечнымъ сожалѣніемъ, нахожу себя вынужденнымъ въ исполненіи такого желанія—до возвращенія моей жены, которая, кажется мнѣ, взяла съ собой «Упадокъ Вѣка» въ Петербургъ. Судя по ея письмамъ, она должна возвратиться дней черезъ 12; а до того, примите свидѣтельство моего искренняго къ Вамъ уваженія и преданности.

П. Артемовскій-Гулакъ.

24-го сентября 1860 г.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Подавленный бременемъ старости, а и того болѣе гнетомъ величайшаго изъ несчастій, оставившимъ неизгладимые слѣды въ моемъ сердцѣ и во всемъ моемъ организмѣ, я оглохъ душой ко всему, кромѣ голоса участія и вниманія ко мнѣ людей, подобныхъ Вамъ, и потому умѣю еще оцѣнить доказательства добрыхъ Вашихъ ко мнѣ отношеній, такъ любезно, такъ обязательно выраженныхъ во вчерашней Вашей ко мнѣ запискѣ, и спѣшу изъявить Вамъ за то мою искреннюю признательность. Будучи не въ силахъ на этотъ разъ отыскать въ хаосѣ моей письменной экономіи желаемый Вами «Упадокъ Вѣка», я замѣняю его приложеніемъ у сего «Посланія» моего къ Вашей достопочтенной родительницѣ, попавшагося мнѣ первымъ подъ руку, при разборѣ моихъ разсѣянныхъ *шпаргаловъ*, въ надеждѣ, что оно прочтется

---

[1]) Извѣстный малорусскій писатель, профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета.

Вами не безъ сочувствія. Примите увѣреніе въ чувствахъ душевнаго моего къ Вамъ и милостивой Государынѣ, милой супругѣ Вашей, уваженія и преданности.

П. Артемовскій-Гулакъ

11-го сентября 1861 года.

P. S. Жена моя въ Петербургѣ. Я передалъ ей Вашу о ней память; и будьте увѣрены, что она не менѣе моего будетъ къ ней чувствительна.

Письмо В. Ярославскаго [1].

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Штатный смотритель Сумскаго уѣзднаго училища П. Г. Андреевъ, помня мои разсказы о великой предпріимчивости необыкновеннаго человѣка В. Н. Каразина, давалъ мнѣ читать книгу, составленную подъ Вашею редакціей, Украинская Старина, гдѣ и его дѣянія отчасти описаны, но, признаюсь я Вамъ, не въ точномъ видѣ, какъ вообще его знакомцы тогда разсказывали. Въ концѣ предисловія изданной Вами книги было сказано: смотря по успѣху этого сборника, въ слѣдующихъ выпускахъ мы помѣстимъ біографіи другихъ украинскихъ дѣятелей и пр. А на стр. 110 и 129 сдѣланы выгодные отзывы объ А. А. Палицынѣ. Все это подало мнѣ надежду, что Вы, милостивый государь, въ слѣдующихъ выпускахъ о другихъ украинскихъ дѣятеляхъ признаете и П. достойнымъ помѣстить въ числѣ прочихъ людей отличнаго ума и познаній Вашей отчизны, хотя онъ и не въ ней родился, равно какъ и Сковорода. Бывъ обязанъ своимъ образованіемъ и всегда добрымъ расположеніемъ ко мнѣ А. А. П., я почелъ себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ составить крупную записку объ образѣ его жизни, о его правилахъ и объ удовольствіи, какое находилъ онъ, чтобъ приласкать молодыхъ людей, передать имъ свои познанія,

---

[1]) Архитекторъ, другъ А. А. Палицына, харьковскаго литератора начала XIX вѣка.

свой вкусъ и никогда никому не отказывать въ нужныхъ имъ совѣтахъ или въ планахъ для построекъ, безъ всякаго съ ихъ стороны возмездія, кромѣ ихъ пріязни. Въ эту записку я внесъ все, что слышалъ о немъ отъ его короткихъ знакомыхъ, что самъ я видѣлъ и слышалъ отъ него въ продолженіе пяти лѣтъ. Въ концѣ записки я разсудилъ присоединить и копіи изъ его писемъ, писанныхъ ко мнѣ въ продолженіе семи лѣтъ. Эти письма я сохранилъ въ цѣлости, какъ нѣкую святыню; иногда, прочитывая ихъ, я находилъ не малую отраду и утѣшеніе, что этотъ мужъ, отличныхъ дарованій, вкуса и познаній, удостоилъ меня своею дружбою и привязанностью, безкорыстно и безъ всякой моей заслуги, давая всегда знать, что онъ дорожитъ моею памятью о немъ. Въ нынѣшнія времена видѣть такіе примѣры доброжелательства есть большая рѣдкость. Изъ числа лично знавшихъ его, которые могли бы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, едва ли и одинъ остался въ живыхъ; я также весьма скоро долженъ отправиться въ тотъ путь, изъ котораго на сей свѣтъ нѣтъ возврата. Прочія свѣдѣнія о военной службѣ Пал. при фельдмаршалѣ Румянцовѣ адъютантомъ и о первоначальномъ его житьѣ въ Украинѣ, конечно, Вы читали въ сочиненіяхъ нашихъ писателей, помѣщенныхъ въ Новосельѣ Смирдина (кажетсявъ 2-мъ томѣ), гдѣ подробно и вѣрно онѣ описаны такимъ его знакомцемъ, который, живя недалеко отъ его деревни Поповки, у генеральши Рахмановой въ селѣ Большомъ Бобрикѣ, часто посѣщалъ его и, какъ сочинитель, часто проводилъ съ нимъ время въ дружескихъ откровенныхъ бесѣдахъ. Для полной біографіи недостаетъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ жизни А. А. П. Ихъ могъ бы описать ученикъ его и наслѣдникъ кол. ас. Н. Я. Алферовъ, но онъ не сохранилъ его бумагъ и переводовъ, которыя не были еще напечатаны, какъ онъ самъ мнѣ признался; можетъ быть, нѣкоторыя изъ бумагъ П. найдутся между его книгами у Дим. Н. Алферова. Если Вы, милостивый государь, признаете, что маіоръ А. А. Палицынъ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ людей, которые въ прежнее время способствовали къ просвѣщенію Украйны, то я могу прислать Вамъ составленную мною о его жизни за-

писку черезъ вѣрныхъ людей, которыхъ Вы изберете. Поручая себя Вашему знакомству, весьма лестному для меня, и ожидая отъ Васъ на это письмо отвѣта, имѣю честь быть Вамъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Василіемъ Ярославскимъ.

10 янв. 1867 г. Г. Сумы.

Письма П. А. Кулиша.

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Исполняя Ваше желаніе, увѣдомляю васъ, что Москвитянинъ находится еще въ рукахъ Погодина. Онъ готовъ былъ уступить его новымъ издателямъ на условіи, чтобы отдѣлъ историческій находился въ его распоряженіи, но они на это не согласились. Итакъ, Вы можете посылать Ваши статьи прежнимъ порядкомъ. О Москвѣ и москвичахъ не могу сообщить Вамъ ничего любопытнаго. Я почти ни съ кѣмъ не видѣлся и остаюсь здѣсь только простуды ради, которую схватилъ на желѣзной дорогѣ. Еще разъ прошу у Васъ извиненія, что не былъ у Васъ ни одинъ разъ. Этого я не дѣлаю ни съ кѣмъ, а тѣмъ болѣе съ человѣкомъ, имѣющимъ столько достоинствъ, какъ Вы. Но, въ послѣднее пребываніе мое въ Петербургѣ, я потерялъ правильность жизни и разучился владѣть своимъ временемъ. Вотъ единственная причина моего невѣжества по отношенію къ Вамъ. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга П. Кулишъ.

Москва, 1854, 2 февр.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Я исполнилъ Ваше желаніе касательно просмотра «Степныхъ сказокъ». Посылаю Вамъ экземпляръ съ моими отмѣтками, кото-

рыя прошу принять безъ всякой авторской гордости и—что найдете возможнымъ—исправить по нимъ для второго изданія. Въ Вашихъ сказкахъ есть вещи превосходныя, и потому я сильно желаю, чтобы вы потрудились надъ отдѣлкою, или по крайней мѣрѣ обрѣзкою этой книжки. Мнѣ кажется, что Вы недовольно серьезно смотрите на эти вещи и что у Васъ въ виду—не внутреннее удовлетвореніе трудомъ своимъ, а желаніе обратить на себя вниманіе публики. Отъ этого Вашъ талантъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не сдѣлалъ ни шагу впередъ, и имя Ваше, съ которымъ были связаны пріятныя надежды, повторяется въ кругу писателей съ серьезнымъ направленіемъ все небрежнѣе и небрежнѣе. Пріостановитесь же немножко на бѣгу своемъ, соберите себя всего на нѣсколько болѣе совершенныхъ піесъ и доставьте Вашимъ приверженцамъ возможность отстаивать убѣжденіе, что Вы имѣете истино поэтическое призваніе. Если Вы отдѣлаете только сказки со всѣмъ стараніемъ художника, влюбленнаго въ свою работу, то уже сдѣлаете много. Отъ всей души желаю видѣть ихъ въ художественной доконченности, и увѣренъ что она тотчасъ почувствуется читателями. Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою П. К.

1854, февр. 24. Борзна.

3.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

По типографіи все будетъ исполнено своимъ порядкомъ. Къ Ник. Д. Бѣлоз. пишу еще разъ и если письмо мое не выведетъ его изъ апатіи, то остается одна надежда—на архангельскую трубу, т. е. на трубу архангела. Очень обяжете Вашимъ посѣщеніемъ. Я дома до 12 часовъ по утрамъ, а вечеромъ—навѣрное—по четвергамъ и воскресеньямъ. Съ истинымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою П. Кулишъ.

1859 г. дек. 14.

4.

10 дек. 1866.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за добрую память обо мнѣ и за присылку новаго Вашего изданія. Къ сожалѣнію, мнѣ нечѣмъ отдарить Васъ на этотъ разъ, но со временемъ будетъ. Съ Балясным я не имѣлъ еще времени познакомиться поближе: ѣздилъ за границу, откуда только что возвратился. Извините Бога ради, что я не могъ отвѣчать Вамъ тотчасъ же на Ваше письмо: некогда было дохнуть. Искренно уважающій Васъ и преданный Вамъ П. Кулишъ.

Варшава.

5.

Виноватъ я передъ Вами, почтеннѣйшій Григорій Петровичъ: до сихъ поръ не собрался снять съ себя фотографическій портретъ. Наконецъ посылаю, хоть поздно. Литературный долгъ также надѣюсь выплатить, бо вже мовлявъ, зибравсь, мовъ той убогій на кисиль. Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1867 г. марта 28. Варшава.

6.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Узнавъ о Вашемъ пребываніи въ Петербургѣ, рѣшаюсь обезпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ нужно имѣть по экземпляру всего, что напечатано по-украински, за исключеніемъ Шевченка и моихъ собственныхъ сочиненій—слѣдовательно, повѣсти: Квитки, Марко-Вовчка и Стороженка, да сборники народныхъ пѣсенъ Максимовича 1834 и 1850, Метлинскаго и Лукашевича (червоно-русскія думы и пѣсни безъ имени издателя). (Были во время оно у Юнгмейстра). Хотѣлось бы еще имѣть Абетку Гатцука (а Вжинка его не нужно) да еще мою Хату.

Есть въ Петербургѣ чиновникъ государственнаго контроля Данило Семеновичъ Каменецкій. Онъ могъ бы, еслибъ хотѣлъ, снабдить Васъ всѣми этими книгами. Потрудитесь повидаться съ нимъ и передать ему мою просьбу, но пересылку книгъ благоволите взять на себя. Очень Вы меня одолжили бы, узнавъ отъ него, почему онъ не отвѣчаетъ мнѣ на мои письма, и будетъ ли когда-нибудь отвѣчать. Это—человѣкъ непостоянный. Я ему долженъ нѣсколько десятковъ рублей, но не помню, сколько именно, и на этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ вовсе некраснорѣчивымъ молчаніемъ. Итакъ, сдѣлайте одолженіе—возьмите у него, какія онъ вамъ дастъ книги и вышлите на мое имя въ чешскую Прагу, poste restante. Которыхъ книгъ онъ Вамъ не дастъ, тѣ потрудитесь купить; деньги за покупку и пересылку возвращу съ благодарностію. Какъ Вы поживаете? Что дѣлаете? И что хорошаго дѣлается у васъ вообще?—Я за-границей съ января и проживу здѣсь еще долго. Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1869 г. апр. 19 ст. стил. Венеція.

7.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Извините, ради Бога, что я послалъ Вамъ нефранкированное письмо: это случилось второпяхъ, я получилъ книги, о которыхъ просилъ Васъ. Отъ души Вамъ благодаренъ. Но желательно было бы получить и Ваше рукописаніе. Начертите хоть нѣсколько словъ о себѣ и о томъ, что дѣлается въ Россійской имперіи. Еще разъ благодарю Васъ. Что же Каменецкій? Истинно Вамъ преданный П. Кулишъ.

Адресъ: Praga, Lipova ulice № 474.

8.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Пишу къ Вамъ, чтобы предупредить Ваши хлопоты. Въ Прагѣ я нашелъ все, что было издаваемо по-украински и даже

такія изданія, которыя составляютъ величайшую рѣдкость, напр. «Думы князя Цертелева». Теперь меня занимаете только Вы сами. Напишите о себѣ, что Вы подѣлываете и какъ Вамъ живется на свѣтѣ. Извините, что для скорости отправки, не франкирую письма. Благоволите отвѣчать мнѣ также не франкируя. Адресъ: Въ Прагу на мое имя: Gasthaus zum Goldenen Engel, beim Portier. Искренно Вамъ преданный П. Кулишъ.

1869 г. мая $^{9}/_{21}$. Прага.

Письма Н. С. Соханской (Кохановской) [1].

Апрѣля 29. 1854 года. Макаровка.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Я къ Вамъ съ цѣлымъ грузомъ извиненій. Не говоря уже о тѣхъ, которыя я должна приносить Вамъ за продержаніе вашихъ тетрадей почти годъ; но вотъ еще что въ добавленіе.—Я получаю письма отъ Петра Александровича въ отвѣтъ на посланную ему повѣсть и вижу изъ нихъ, что онъ приглашаетъ васъ и хочетъ возложить на васъ хлопоты съ редакціей Библіотеки для Чтенія въ напечатаніи моей статьи. Что это не было ни малѣйшимъ желаніемъ или поводомъ съ моей стороны, пожалуйста, вѣрьте моему слову—иначе, судите сами, я вѣроятно бы отнеслась къ вамъ. Но заботить кого-нибудь своими дѣлами, я избѣгаю этого всячески и тѣмъ болѣе заботить васъ, молодого человѣка, занятаго и служебными, и литературными, и, безъ сомнѣнія, многими другими дѣлами. Это вина Петра Александровича, въ которой я не участвовала ни моимъ помышленіемъ. Такъ вы, пожалуйста, простите меня, безвинную, за тѣ безпокойства, которыя я, не думая—не гадая, нанесла вамъ.

---

[1]) Харьковская писательница, писавшая подъ псевдонимомъ Кохановской.

Я здѣсь могла бы и окончить мое письмо (потому что послѣ испрашиванія прощенія всегда слѣдуетъ большое или маленькое молчаніе, въ ожиданіи получить его); но мнѣ не хочется остаться при однихъ будто бы оффиціальныхъ извиненіяхъ, не найдя еще чего-нибудь другого сказать вамъ. Напр.: Хотя не будетъ-ли это обращеніе ко временамъ давнопрошедшимъ и исчезнувшимъ изъ вашей памяти; но припомните и угадайте, чѣмъ окончились поэтически-монастырскія стремленія извѣстной вамъ особы? Дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Слышно, она выходитъ замужъ. И далѣе еще вамъ напоминаніе: а чѣмъ окончилось поприще дьякона Кореницкаго; за которымъ—помните? вы посылали отъ насъ?—Тѣмъ, чѣмъ окончимъ и всѣ мы: смертію; замерзъ бѣднякъ. «Въ жизни и въ смерти Богъ воленъ», говоритъ нашъ русскій человѣкъ, и потому не будемъ разбирать, насколько участвовала здѣсь добрая или не добрая воля самого дьякона Кореницкаго... А событія, которыя насъ ждутъ у дверей? а наша Одесса, которую пощипали... «Что это намъ такое»? интересно послушать, какъ розсуждаютъ ваши земляки. «Хотя бы и совсѣмъ смели Одессу, Россіи это все равно, что вотъ эту рюмку разбить»... Примѣръ, разумѣется, находится подъ рукою. Сколько у насъ ходило малороссійскихъ стиховъ вслѣдствіе осеннихъ воинскихъ событій! Отъ многихъ уже только по нѣсколько строкъ осталось:

Сыдыть Абдулъ,
Губы надулъ,
Тай думку гадае...

Тамъ какъ то: что его войско турецкое поробляе: сколько оно москаливъ побыло и човнивъ ихъ потопыло...

На папъ-отця,
На Воронця,
Арканъ съ шовку суче.
Сучи арканъ,
Дурный султанъ,
Та скручуй тугенько;

Бо Туркамъ всимъ
Высить на нимъ
Прійдется довгенько.

Однако *довгенько* заняла васъ своимъ письмомъ—простите и прощайте, Григорій Петровичъ. Пожалуйста, вѣрьте искренности моихъ извиненій и добрыхъ желаній, которыя я посылаю вамъ—и посылаю ваши тетради. Готовая къ вашимъ услугамъ Над. Соханская. Но вѣдь и вы крѣпко должны сидѣть въ готовящейся вамъ осадѣ—что вы подѣлываете? Уже Кокошкина вы отъ насъ берете.

2.

Макаровка, октября 28, 1554 г.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Съ недѣлю, какъ я воротилась домой изъ своей поѣздки въ Россію и вотъ подумываю писать къ Вамъ... Право, не совершенно ли оно лишнее, что вы такъ настоятельно хотѣли этого письма. Слобожане ваши—вы знаете ихъ лучше, нежели можетъ знать кто-либо другой. Я воспользовалась первымъ краснымъ днемъ, по своемъ возвратѣ, и прочитала ихъ за половину, не выходя изъ своего садика—такова у насъ славная погода. Въ вечеру я прочла Тургенева нашего прекраснаго, его Затишье. Вы, рузумѣется, не поскучали-бы, если-бы я затѣмъ въ письмѣ къ вамъ выразила нѣсколько задушевно выговоренныхъ похвалъ и свѣтлыхъ, открытыхъ благодареній, какъ бы маленькихъ благословеній таланту г. Тургенева; но лучшее при этомъ талантѣ именно есть то, что о немъ можно говорить не съ однѣми только похвалами, а съ дѣльнымъ, мыслящимъ разсужденіемъ—на то или на другое въ немъ можно указать, какъ на примѣръ, достаточно видный... О чемъ это такомъ я хочу говорить вамъ?—думаете вы, Григорій Петровичъ. И припомните: какъ стороною и всегда издалека начинаютъ говорить наши малороссіяне... Я не хочу безусловно хвалить Затишья г. Тургенева; не знаю, какъ *тамъ*, въ вашемъ литературномъ мірѣ, взглянули на него, но, вѣдь, это *нашъ*

міръ—деревенское затишье и мы въ немъ настоящіе господа. Необходимое условіе, безъ котораго нельзя ступить вѣрнаго шага—задача нашихъ родныхъ писателей и должна быть въ томъ, чтобы прежде нежели писать о нихъ, *знать* условія и живые оттѣнки разнородныхъ степеней нашего общества и родного быта, стараться зазирать не въ одни только верхніе и нижніе слои, а именно не забывать золотой, той огромной середины, которая въ русскомъ обществѣ значится именемъ: помѣщики. Оно и точно, сюда устремляются всѣ, но, по счастливому сходству, дѣйствуютъ вполнѣ такъ, какъ знаменитый герой, исторгавшій свой мечъ противъ вѣтряныхъ мельницъ... Такъ и хочется всегда спросить:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?

Даже самый нашъ прекраснѣйшій, высокоталантливый портретистъ г. Тургеневъ и тотъ дѣлаетъ такіе промахи, ни съ чѣмъ не сообразные, что явно выказывается его совершенное незнаніе общихъ, основныхъ, положеній круга выводимыхъ имъ лицъ, хотя онъ и захватилъ тамъ увлекательныя частности... Михаилъ Николаевичъ Ипатовъ—старикъ, за которымъ числилось всего не *болѣе девятисотъ* душъ, является за двадцать верстъ, ночью. является съ первымъ визитомъ въ какой то нововыбѣленный, покривившійся флигелечекъ и, въ передней стоя, пискливо спрашиваетъ: «Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ дома? Можно *ихъ* видѣть»? Здѣсь все невозможное, начиная съ самаго начала: что въ деревнѣ день великъ и никогда никто не ѣздитъ знакомиться ночью—имѣетъ сельская свобода свои точно такія же узаконенныя права, какъ и надменная Москва. И чего поѣхалъ бы Ипатовъ, счастливый и крайне довольный въ своемъ затишьи добиваться этого новаго знакомства? Но онъ ни въ какомъ случаѣ и не могъ ѣхать: потому что, по коренному, въ основу взятому правилу деревенской жизни, новопріѣзжій долженъ сдѣлать первые визиты, иначе будь онъ чѣмъ ему угодно, а мало мальски значительные сосѣди не поѣдутъ къ нему на поклонъ, а здѣсь же еще, берите во вниманіе, у Ипатова было девятьсотъ душъ,

а у Астахова только шестьсотъ. Размѣщая такъ щедро по деревнямъ глупость, какъ это упускать изъ вида ея близкую родню *гордость*? И какое странное незнаніе для писателя, не имѣть понятія о самыхъ простыхъ положеніяхъ, опредѣляющихъ здѣсь и мѣсто лица въ нашемъ обществѣ! *Всего не болѣе девятисотъ душъ*... Да развѣ это таки мало? Можетъ быть, точно, въ столицѣ, куда стекаются богачи изо всѣхъ краевъ Россіи, оно и не много значитъ, или, Божіею милостью, нашъ дорогой г. Тургеневъ самъ такъ богатъ, что можетъ девятьсотъ душъ считать за малость; по крайней мѣрѣ, въ провинціи это большое, прекрасное состояніе, дающее въ обществѣ не малый вѣсъ и силу—наконецъ, потому, что неужели же мы, въ самомъ дѣлѣ, такіе «сѣверные варвары», чтобы девятьсотъ душъ мужскихъ—не включая въ это число женскихъ—чтобы эти девятьсотъ душъ, надъ которыми мы только что не имѣемъ права жизни и смерти, не давали, по крайней мѣрѣ, нагляднаго высокаго почета человѣку, обладающему ими?.. И какъ же выведенъ, какъ говоритъ этотъ человѣкъ? Сосѣдъ ихъ, Ипатовъ, желаетъ Владиміра Сергѣевича—*ихъ* видѣть, буде не обезпокоитъ. Здѣсь у насъ, *осмѣлюсь такъ выразиться*, не то, чтобы захолустье, а затишье, право затишье, уединенный уголокъ—вотъ что. Мы даже на имянины во фракахъ не ѣздимъ... Вотъ-съ, рекомендую—мои дочки-съ. Эту вотъ Катей зовутъ-съ, а эту Настей... Прошу любить, да жаловать»... Такъ и лакей у девятьсотъ-душнаго барина не станетъ говорить вамъ, да, впрочемъ, правда, у Михаила Николаевича Ипатова и лакея не было. «Вошла ключница, худая старуха, повязанная темнымъ платкомъ и объявила, что обѣдъ готовъ»... Слыхано ли, чтобы у почти тысячедушнаго русскаго барина не было лакея доложить, что кушать готово? Такъ что же послѣ этого наше барство? Что такое наши дворни, когда русскій писатель не знаетъ или забываетъ о нихъ и своего девятьсотдушнаго барича, какъ нѣмца какого заставляетъ проживать вѣкъ при одной старой ключницѣ? Стыдно дѣлать такіе промахи въ отношеніи условій своего родного, исторически созданнаго быта! И вотъ невѣрность общаго, основного положенія, естественно привела къ той же невѣрности, наличной

невозможности, а частности нѣкоторыя—сами по себѣ превосходныя. Напр., этотъ портретъ Марьи Павловны. Рѣзкій, прекрасно очерченный, онъ былъ бы чудо, еслибъ была въ немъ какая-нибудь возможность истины при принятомъ положеніи. Но судите; въ чертахъ выражалась не то, что-бы гордость, а суровость, почти грубость; постоянно опущенные глаза, презрительно хмурились прямыя брови, молодое, непривѣтное лицо, казалось, говорило: что вы всѣ на меня смотрите,—ну, смотрите, надоѣли! и въ глазахъ было что-то дикое, тупое—и чтобы все это вмѣстѣ—эта Бобелина, какъ назвалъ ее зять, и вдобавокъ еще съ красными руками безъ перчатокъ, была дѣвушка, родственница, занимающая мѣсто хозяйки въ барскомъ девятьсотдушномъ домѣ, выросшая въ немъ и которой еще ввѣрено попеченіе и даже, какъ видно, воспитаніе двухъ молоденькихъ племянницъ, потому что гувернантки при нихъ не было. Статочное-ли это дѣло? Вотъ таково то незнаніе основныхъ *чиселъ* нашего общественнаго положенія. Но поставь только г. Тургеневъ пятьдесятъ душъ вмѣсто девятисотъ Ипатова—и все мгновенно бы преобразилось, вошло въ свои естественныя, настоящія границы: и визитъ, положимъ, и вечеркомъ случился бы, естественно отсутствіе фраковъ и присутствіе ключницы.. Марья Павловна явилась бы въ полномъ блескѣ прямо русской, нѣсколько дикой, степной красоты... И Бобелина бы чудесно шла къ ней... Все въ портретѣ было бы истинно: и хмурилась бы она, и держала свои большіе, темные глаза опущенными, и этотъ досадный вопросъ на непривѣтномъ молодомъ лицѣ: чего смотрятъ на нее? надоѣли! Въ блескѣ своей свѣжей, мощной красоты, еще ярче выступавшей подъ вліяніемъ чувства Марьи Павловны къ Петру Алексѣевичу, она именно такъ должна была повстрѣчаться съ мосьё Астаховымъ, очень рѣдкимъ явленіемъ въ ея степной глуши. Едва наклонивъ ему голову, дикая и слишкомъ гордая, чтобы конфузиться, она платила ему суровостью и почти грубостью за визитъ, которымъ никакимъ образомъ не интересовалась, и который развѣ только еще надоѣдалъ ей... Чудо, что за славный портретъ въ этомъ видѣ! Я не помню, чтобы какое описаніе красоты такъ живо оставалось въ моей

памяти и представало полно, во весь ростъ, хоть осяжи его—правда и черты крупны, русской породы.—Далѣе, какъ кому угодно, а я смотрю на Затишье, вовсе не видя, чтобы это была повѣсть. Для меня это разсказъ изъ золотыхъ записокъ охотника, который гораздо покороче и оканчивается именно тамъ, гдѣ Петръ Алексѣевичъ, погнавъ лошадь, поетъ: «хлопецъ сіе жито, жинка каже макъ». Остальная половина точно можетъ быть повѣстью и даже всѣмъ, чѣмъ кому угодно,—только не затишьемъ. За то въ маленькомъ разсказѣ Затишья, что за прелесть эти подробности! Эта складная душа Бодряковъ, появленіе въ колясочкѣ старушки, разговоръ ея въ короткихъ вопросахъ, это требованіе старосты: да что, Миша, я никакъ старосты не добьюсь? Егоръ Капитоновичъ со своей проповѣдью: держи свѣчку передъ грудью—это чудо! Душа радуется. Я совершенно вѣрю, иначе и быть не можетъ, что на мѣстѣ Астахова, самъ г. Тургеневъ прослушалъ это черезъ перегородку держа свѣчу передъ грудью!» Только что касается до самого г. Астахова, положительно моднаго человѣка, то онъ куда какъ плохъ. Въ немъ положительности и тѣни нѣтъ. По тону его, по пріемамъ, по этому чутью, которымъ слышишь человѣка, является онъ жиденькимъ такимъ, а уже въ одномъ словѣ *положительность* слышна какая то пустота. Le style c'est l'homme, а говоритъ то онъ какъ? Его просятъ: Ахъ, прочтите, пожалуйста, стихи. «Извольте-съ». Вы надолго пріѣхали сюда? *Никакъ нѣтъ*, я располагаю завтра же выѣхать отсюда... *Я никогда не испытывалъ силъ своихъ на этомъ поприщѣ*, т. е. это значитъ, что онъ никогда не игралъ въ маленькомъ домашнемъ театрѣ. Неужели петербургскіе модные, положительные люди ведутъ разговоръ такъ? Если бы только сказать: «на *семъ поприщѣ*, то это былъ бы мудрый языкъ поповича, ходившаго до Риторики... Но когда же я заговорю о Вашихъ Слобожанахъ, можетъ быть, вы ждете, Григорій Петровичъ. Пожалуйста, по-сосѣдски говоря, не ждите. Вы сами мнѣ сказали, что вы ихъ вновь и окончательно передѣлали: когда получится мое письмо, у васъ уже готово будетъ свѣжее изданіе, стало—къ чему же мои замѣтки? Я буду указывать на то, что измѣнено и чего нѣтъ, или

же мое указаніе придетъ поздно, а согласитесь: во многихъ вещахъ лучше никогда, чѣмъ поздно! Одно, что вы позвольте мнѣ сказать, оставляя за собой полное право и не слышать моихъ скромныхъ словъ, это—я возстаю противъ общей идеи вашей прекрасно изданной книжки. Что это за полусонное, полупьяное царство? Будто въ немъ наша Малороссія? Не въ немъ, Григорій Петровичъ. Позвольте вамъ разсказать маленькое путевое впечатлѣніе... Вотъ это, возвращаясь изъ Россіи, припоздали мы и должны были остановиться на постояломъ дворѣ и еще одна хата съ хозяевами и со всякимъ, кто другой можетъ заѣхать. Мы съ сестрой ночевали въ экипажѣ. На утро, когда стали готовить лошадей, я вошла въ хату. Это было воскресенье. Хозяйка зажгла передъ образомъ три ровныхъ, большихъ изъ желтаго воска свѣчи, накурила сильно ладаномъ по всей хатѣ и самую *курильничку*, чистенькую, крестясь, подвѣсила подъ образа; затѣмъ выступилъ на середину хаты хозяинъ и началъ молиться. Не осмѣливаясь оставаться прямо передъ его лицомъ, обращеннымъ къ Богу, я подвинулась на самый конецъ стола. Помолился онъ, разглаживая усы и оправляя обѣими руками сѣдоватую голову, сталъ на его мѣсто чеботарь, пріѣхавшій послѣ насъ; за нимъ прямо низкимъ земнымъ поклономъ выступили въ этотъ кругъ благодатнаго отъ свѣчей озаренья, хозяйка, среднихъ лѣтъ женщина, и всѣ они прекрасно молились. Этотъ широкій, благоговѣйный крестъ по плечамъ, всеблагословенное, святѣйшее чувство простоты вѣры, не усомняющееся возносить себя, пусть и паны сидять здѣсь и смотрять любопытными глазами... Григорій Петровичъ, сила подобной молитвы слишкомъ живительна, чтобы она не сказывалась благотворно въ жизни, и Слобожане, которые отъ своихъ дѣдовъ научились молиться такъ, не могутъ ли представить что-нибудь лучшее непросыпной лѣни и блажи...

Я слишкомъ заговорилась; но, пожалуйста, утѣшьтесь, Григорій Петровичъ—подобной длины другое письмо не угрожаетъ вамъ никакъ, а за это вы извините меня.

Надежда Соханская.

A propos! Кто обѣщаетъ, тотъ исполняетъ. Вы такъ много обѣщали мнѣ прочитать того и другого и не... Я не произношу окончательно слова, что вѣрно въ видѣ возмездія, не поставите себѣ въ большой трудъ переслать мнѣ послѣдніе стихи Хомякова къ Россіи по случаю нынѣшнихъ событій.

3.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

А! вотъ вы опять рѣшились написать ко мнѣ, какъ добрый землякъ, желаете немножко посодѣйствовать въ пользу интересовъ вашей землячки—благодарю васъ: О «Гайкѣ» мы говорить не будемъ, безталанная судьба ея такова, что лучше забыть о ней и я прямо обращаюсь къ предложенію г. Дружинина, которому вы служите посредникомъ. Что вамъ сказать? Гораздо прежде вашего письма, я получила письмо отъ г. Старчевскаго, самое предупредительное и любезное, какое я могла желать въ глуши своей Макаровки. Онъ даетъ мнѣ 60 руб. сер. за листъ, прислалъ мнѣ Сынъ Отечества—словомъ поступилъ со мною очень благородно, какъ не поступали другіе. Я передала ему заботу по новому напечатанію и право на одну драматическую піеску, тоже погибавшую въ редакціи Пантеона. Въ рукахъ у меня есть почти оконченная большая повѣсть—не совсѣмъ плохая, если могу судить. Объ ней я тоже писала г. Старчевскому; но я не скрою, что форматъ Сынъ Отечес. вовсе меня не удовлетворяетъ. Мои повѣсти довольно велики и видѣть ихъ порванными на части не совсѣмъ пріятно. Къ тому же я хотѣла бы имѣть постоянное мѣсто для довольно большихъ статей—хотя бы напр. о Пушкинѣ и объ *матеріяхъ важныхъ*. Полное изданіе сочиненій Пушкина хоть во всѣхъ нашихъ журналахъ сопровождалось должными статьями; но не въ укоръ будь сказано нашей голубушкѣ литературѣ, что намъ сказали эти статьи?—Ничего. Послѣ Бѣлинскаго мы ни одного слова не прибавили къ нашему разумѣнію поэзіи Пушкина, какъ будто одинъ человѣкъ и за одинъ разъ могъ высказать все, что можно сказать о вели-

комъ поэтѣ? А время, которое измѣняетъ, расширяетъ просвѣтляетъ взглядъ на вещи?.. Грустно—чтобы не сказать: стыдно намъ, милостивые государи!.. Такъ вотъ, милостивый государь, дѣло мое выходитъ такого рода: что я не прочь бы была препроводить къ г. Дружинину и большую повѣсть, и очень не малую статью о Пушкинѣ; но *во перв.: я* отстраняю всякія посредничества, хотя преискренне и премного благодарна Вамъ, пане добродію, за вашу ласку; но я хочу имѣть свои непосредственныя сношенія съ г.г. литераторами, если уже я возымѣла дерзость рѣшиться пристать къ ихъ заповѣдному кругу. *Во вторыхъ*, я достаточно научена горькимъ опытомъ и должна быть немножко осторожна. Если г. Дружинину угодно имѣть въ своемъ журналѣ мои статьи, пусть онъ потрудится написать ко мнѣ и опредѣлить свои условія. Въ этомъ ничего не можетъ быть щекотливаго для извѣстнаго литератора, пишущаго къ его неизвѣстному собрату по искусству, или по ремеслу, потому что этотъ собратъ—женщина. Вотъ все, что я могу сказать Вамъ, но попросите г. Дружинина, если онъ согласенъ будетъ, увѣдомить меня поскорѣе. Начало моей повѣсти уже совершенно готово и я по этой почтѣ располагала было отослать его къ г. Старчевскому. Но вы что подѣлываете Григорій Петровичъ? Чѣмъ вы заняты? Что ваши «Чумаки»? Кто изъ насъ на кого сердился: вы ли на меня, или я на васъ? Виноватаго Богъ проститъ. Не знаете ли Вы чего о Плетневыхъ? гдѣ они? Будь у меня адресъ, я бы писала къ нимъ. Но пора кончать мое страшное маранье. Извините за такой ладъ и складъ моего письма. У меня обыкновенно письмо зависитъ отъ пера; хорошо перо и письмо что-нибудь порядочное можетъ сказать; а если перо такъ дурно, какъ теперь, мнѣ остается желать Вамъ скорѣе всѣхъ благъ въ мірѣ, въ томъ числѣ хорошаго пера, и подписываться

Над. Соханская.

4.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Вы спрашиваете меня: что я подѣлываю, какъ провожу время? Этотъ вопросъ молча надобно обратить къ Вамъ. Мое время идетъ

своимъ обычнымъ и привычнымъ чередомъ; но вы то? Послѣ столичной жизни и вдругъ очутиться одному въ деревнѣ, въ большомъ, пустомъ домѣ и когда еще такая неутѣшительная погода глядитъ въ окно! И потомъ еще... Какъ бы мягко въ иныхъ случаяхъ ни казалось слово, но оно жестоко проходитъ по душѣ. Я едва могу выговорить. Неужели тотъ непостижимый фактъ совершился? Вѣдь это, наконецъ, странно до того, что этой странности не находишь имени. Дать слово, писать къ архіерею—и потомъ вдругъ такая неожиданность. Чувство вашего справедливаго благороднаго негодованія должно облечить вамъ многое... Въ какой же она монастырь уѣхала? Въ тотъ же самый? Не было ли чьего сильнаго вліянія на нее въ промежутокъ того времени? Право, исходъ этого страннаго дѣла такъ тяжелъ, что, поговоря о немъ, не имѣешь духа начинать говорить о чемъ-либо другомъ. Что я скажу вамъ? Отъ Каткова я не имѣю никакого отвѣта; но отъ Дружинина получила письмо и уже послала ему начало своей повѣсти. А моя то несчастная Гайка! И еще судьба ея не пришла къ концу. Сегодня я получила письмо отъ Старчевскаго. Г-нъ Кони, несмотря на его требованіе, несмотря на мое письмо, не отдалъ ему рукописей Гайки, говоря: что она начата печататься въ «Пантеонѣ» и должна быть окончена въ немъ, а о книжкѣ Пантеона и помина нѣтъ. На все это приходится махнуть рукой и забыть думать о немъ. Пріѣзжайте къ намъ. Въ нашемъ Макаровскомъ домикѣ Вы, конечно, не найдете удовольствія; но Вы намъ разскажете о себѣ, а мы Васъ съ большимъ участіемъ послушаемъ—и все же лучше, чѣмъ Вамъ быть одному. Пріѣзжайте же, мы Васъ будемъ поджидать въ воскресенье. Мои всѣ усердно Вамъ кланяются; но увы! даже маменькина кошечка не въ состояніи порадовать Васъ обѣщаннымъ.

До свиданья! Ваша, готовая къ услугамъ, Над. Соханская.

Не забудьте привезти Вашъ альбомъ—любопытно очень просмотрѣть его.

5-го марта, 1857 г. Макаровка.

5.

27 марта, 1857 г. Макаровка.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Очень жалѣемъ, что непріятный случай съ лошадьми отнялъ у насъ удовольствіе повидать Васъ. Всякіе случаи бываютъ— говорю я себѣ и Вамъ въ утѣшеніе. А съ моею «Гайкой» вышелъ такой случай, что она на конецъ концовъ появилась на свѣтъ Божій. Я получила Пантеонъ, но что касается до полученія мнѣ какого-либо вознагражденія—о томъ, кажется, вовсе не думаетъ г. Кони. И ни Библіотеки, ни Вѣстника я не получаю, и никакого отвѣта ни отъ гг. Каткова, ни отъ Дружинина; «всякіе случаи бываютъ»—говорю я себѣ въ утѣшеніе. И даже бываютъ такія упрямыя, тугія перья, какъ то, которымъ я пишу Вамъ... До праздниковъ мы стало не увидимся. Вчера у насъ была сосѣдка и говорила, что на Торохтіевомъ мосту вытаскивали ея экипажъ двумя парами воловъ. А какая славная, вполнѣ интересная статья о Станкевичѣ въ № 3 Вѣстника. Вотъ побольше бы такихъ статей, и наша литература не казалась бы какимъ то приставкомъ къ нашему обществу и мы видѣли бы живо, что она, какъ яблочко принадлежитъ своей яблонѣ. А сколько уже весеннихъ цвѣтовъ, этихъ милыхъ синенькихъ пролѣсковъ? Значитъ, несмотря на сегодняшній холодъ и сѣверный вѣтеръ, весна уже граціозно улыбнулась намъ. Прощайте. Ахъ да! Скажите пожалуйста: какъ настояще фамилія того живописца нашего малорусскаго, что расписывалъ въ Полтавѣ, что ли? дворецъ Екатерины, *Боровицкій*, или Боровиковскій?.. Я бы пожелала Вамъ насладиться весною; но такой еще ранней весною нельзя насладиться, и я желаю Вамъ не простудиться, что случилось на дняхъ со мною. Маменька и тетенька кланяются Вамъ и братъ передаетъ поклонъ. Поздравляю Васъ съ наступающими праздниками и какъ то вы, съ непривычки, проведете ихъ въ деревнѣ?

Над. Соханская.

6.

13 апрѣля, 1857 г. Макаровка.

Христосъ воскресе!

Исполняя вашу просьбу и свое обѣщаніе доставить вамъ альбомъ вашъ къ завтрашнему дню, я посылаю его Вамъ, уважаемый Григорій Петровичъ. Съ этимъ вмѣстѣ примите мое поздравленіе со днемъ Вашего рожденія и, какъ даръ сему дню,—обѣщанный мною вамъ напошникъ?! Намъ праздники не вовсе были свѣтлыми: у насъ на первый день случился пожаръ и весь скотный дворъ, всѣ дворовыя избы погорѣли. Убытокъ очень ощутительный въ нашихъ безлѣсныхъ мѣстахъ. А ваша то исторія съ лошадьми! Не ѣздите по ночамъ—вотъ Вамъ и горькая наука. Дружининъ воротилъ мнѣ повѣсть за *розовый цвѣтъ*, предлагая передѣлать. Мои всѣ Вамъ кланяются и желаютъ Вамъ всего лучшаго, что я утверждаю за себя и за нихъ своею подписью

Над. Соханская.

7.

Зачиталась. Поймите это слово у человѣка самопишущаго: зачитаться чужого писанья, а это было именно со мною. Вы Вашими «Бѣглыми» ввели меня въ убытокъ, по крайней мѣрѣ, на рубль серебра. Нужно мнѣ отправлять лошадей домой, а я читаю, нужно писать къ своимъ, а я продолжала читать, и цѣлый день лошади провели въ Харьковѣ, пока я читала и не дочитала всего. Теперь Новороссійскія степи не пусты намъ, онѣ населены и какимъ своеобразнымъ и въ высшей степени замѣчательнымъ населеніемъ. Чувствуешь живую истину всего, а картины, а просвѣты природы,—да это прелестно! духъ радуется. Поздравляю Васъ такимъ искреннимъ привѣтомъ и поздравленіемъ, какимъ только можно поздравить себя и Васъ съ такой свѣжей, прекрасной вещью. Можетъ быть, тамъ есть кое-что, что не совсѣмъ

но мнѣ—но это самая малость, а затѣмъ какая степная свѣжесть—поэзія картинъ, истины образовъ и положеній. Будьте здоровы и давайте намъ еще что-нибудь подобное; а затѣмъ прощайте! Юліи Егоровнѣ мой усердный поклонъ и скажите ей: пусть она не сердится на меня: ей-ей, забыла. Она догадается, о чемъ говорю я. И еще таки скажу: А какая славная вещь! Дай Богъ здоровья Вамъ и генеральскій чинъ,—конечно, литературный. Прощайте!

Кохановская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДАРОЧКА.

(Оповидання).

Передъ велыкымъ, оправленымъ у чорне дерево, трюмо стояла высока русява панночка, рокивъ девьятнадцяты. Чаривне лыченько іи було незвычайно веселе; сири темни очи блестилы, на губахъ тремтила усмишка. Вона то становылася прямо проты дзеркала, то оберталася бокомъ, то, повернувшысь спыною, оглядала себе черезъ плече, и зъ кожнымъ рухомъ все бильше та бильше завдовольнялася своею новенькою билою, шытою сриблымъ сукнёю, все прыемнишъ усмихалася до двохъ бронзовыхъ амуривъ, що трымалы пообобичъ іи лампу и лукаво сварылыся на неи зъ трюмо.

Трохы осторонь стояла, спершысь рукамы на спынку фотеля, литня поважна пани. Вона здавалася тежъ безъ миры счаслывою, цилкомъ завдовольненою, але поглядъ іи хиба зридка, та й то не надовго, спынявся на роскишній сукни: пани не зводыла очей зъ веселого лыченька своеи одыначкы, своеи любои донькы, що у цей вечиръ сяяла справди незвычайною красою.

— Чудова, чудова сукня! Матусенько, може бъ ты що-небудь оправыла на мени?—мовыла нарешти писля довгои мовчанкы панночка и, ступывшы килька крокивъ по пухкому аксамытовому кылыму, окрутнулася передъ ненькою.

— Нема чого й оправляты—все дуже гарно, и ця сукня, Дарочко, незвычайно лычыть тоби!—видмовыла пани.

— Хиба лычыть?—весело запыталася панночка и, немовъ не ймучы виры неньчынимъ словамъ, падійшла знову до дзеркала, щобъ пересвидчытысь самій.

— Незвычайно лычыть!—мовыла вдруге пани, слидкуючы за донею,—навить далеко бильшъ, нижъ блакытне.

-- Невже? Це дуже прыемно, бо блакытне мени вже страшенно обрыдло. Матусенько! а на шыю що мени надиты?

— Надинешъ разокъ перливъ та й бильше ничого: до ціеи сукни самоцвиты не лычать. Волосся треба трохы напудрыты... Да пакъ ще жъ и сережки треба переминыты,—згадала пани и подала доньци скарбнычку.

Дарочка вытягла перлы, вдила у вуха по неньчыній поради найменьши сережкы, выривняла тоненьки бровенята, прыпудрыла волосся и нарешти, обитершы пахущою водою выдъ та рукы, повернулася до столыка, де лежалы квиткы. У ту саму хвылыну наполовыну опущена надъ дверыма важка портьера поколыхнулася.

— Хто тамъ?—запыталыся у одынъ голосъ здывовани панночка та пани.

— Це я,—видповивъ стыха чыйсь тоненькый голосокъ.

Дарочка пидняла портьеру. На порози стояла швачка Марьяна—та сама дивчына, що вышывала срибломъ сукню.

— А вы ще доси тутъ?—здывувалася панна.—Мамо! вы забулыся напевне подякуваты ій?—звернулася вона зъ докоромъ до матери.

— Ни, ни, спасыби имъ, воны щыро подякувалы,—поспишылася заспокоиты Дарочку швачка и, поступывшы трохы напередъ, росправыла долоню, де блестивъ срибный карбованець.—Я не за тымъ прыйшла: я хотила тилькы подывытыся.

— Такъ надійдить блыжче, колы такъ. Сукня, спасыби вамъ, чудова. Кращои й уявыты соби не можна,—мовыла Дарочка, прыступаючы блыжче до свиту.

— Охъ, ни, не кажить!—несподивано зитхнула дивчына.—Не такъ бы я іи пошыла, якъ бы моя воля. Воланъ треба було бъ попустыты шыршенькый и покласты на ёму не тры вузенькыхъ,

а одынъ однымъ шырокый шытокъ—щобъ немовъ виночкомъ оточыты спидныцю. На корсажъ треба було бъ покласты далеко бильшъ обляМивкы, а по всёму полю сукни я бъ покыдала манесеньки значкы, щобъ блестилы, якъ ти морозяни скалочкы по снигу.

— Правда, такъ було бъ краще,—зауважыла пани.

— О! я бъ сукню зробыла на славу, якъ бы моя воля!—додала смилывише дивчына, счаслыва тымъ, що пани зрозумила й ухвалыла іи думку. Це така сукня, биля якои варто було бъ попрацюваты. Я вже и раннимы ранкамы й пизнимы ничкамы надолужала и очи добре потрудыла, а все жъ такы не довела до ума.

— Мамо! набавте ій ще карбованця,—звернулась Дарочка до матери.

Пани полизла у кышеню.

— Ни, ни, не треба! Спасыби вамъ! Хиба я на те вела? Далеби, панночко, я видъ васъ не обидна. Я враждую на саму господарку: ій абы зъ рукъ швыдче...

— Осъ вамъ ще, спасыби за працю,—мовыла пани, простягаючы карбованця...

— Не визьму. Далебигъ, не визьму! Спасыби вамъ! Далеби, я не на те вела свою ричъ,—зачервонилася дивчына и заклала рукы за спыну.

— Якъ знаете,—мовыла незавдовольненымъ голосомъ пани и вкынула карбованця назадъ у гаманець.

Розмова раптомъ увирвалася. Дарочка насупылася: цей несподиваный выпадокъ зъ карбованцемъ образывъ іи.

— Теперъ пиду до титкы та пиджену іи, бо вамъ вже часъ йихаты!—мовыла пани й выйшла геть зъ хаты.

Въ будуари стало ще сумнише. Швачка стояла, якъ та статуя, середъ кимнаты;—насуплена Дарочка мовчкы выбирала соби хустку до мазуркы й тилькы покоянка Дуня ворушыла трохы тышу шелестомъ своихъ крахмальныхъ спидныць та рыпомъ новыхъ ботыкивъ.

— Панночко! Чы немае у васъ десяткы зо тры перлынъ невелычкыхъ, або жъ хочь крышталёвого намыста?—обизвалася несподивано и якось занадто голосно швачка.

— На вищо?—кынула Дарочка.

— Я бъ попрышывала ихъ побиля комирокъ, и це бъ незвычайно лычыло вамъ.

— Йе и перлы, йе й крышталь!—видмовыла зъ протягомъ панночка, але здается мени, то вже буде зайве цяцькування

— Охъ ни, побачыте сами... Его жъ можна буде зразу и скынуты, якъ що не погодытся. Дайте мени голку, нытку, перлы—я вамъ це у одну мыть зроблю,—мовыла дивчына и надійшла до столыка, де лежалы голкы та ныткы.

— Ось зразу зверху лежыть бунтыкъ перлывъ; тамъ у скарбныци йе и друге намысто, але я ни за що у свити не скыну корсажа.

— Ни, ни, скыдаты й не треба, на васъ прышываты ще краще: выднишъ буде, якъ вамъ найдужче лычытыме. Не бійтеся, я не забарю васъ!—мовыла дивчына и пидсунула до лампы стилець.

Дарочка сила.

— Згодомъ я, звычайно, туть скризь новышываю срибломъ... Це я тилькы на сёгодни. Завтра вы надишлете мени цю сукню, и я іи повагомъ перероблю. Ось перебудуть, дасть Бигъ, святкы, роботы поменьшае, господарка насъ держатыме не дали, якъ до пивночи...

— Не дали, якъ до пивночи?—перехопыла панночка.—Хиба вы ще й до пизнишого часу шыете?

— О! передъ святкамы мы иноди до трёхъ годынъ сыдымо!—видмовыла дивчына, проворно нанызуючы перлыну на голку.

— Краще бъ вы ранишъ прыходылы, бо шытво пры свитли нивечыть очи!—зауважыла Дарочка.

— Мы и такъ не засыпляемо: у симъ, а то й у шисть годынъ вже за голкою.

— То бъ то тилькы чотыри годыны видпочынку?

— Ще годына дается на обидъ.

— И тилькы пъять годынъ вильныхъ одъ праци? Скилькы жъ вамъ платять за це?—зацикавылася панночка.

— Якъ кому. Я, бачте, ще не навчылася кроиты и шыю не дуже гарно, але черезъ те, що вмію гаптуваты срибломъ та золотомъ, маю вже дванадцять карбованцивъ на мисяць,—видказала зъ погордистю дивчына.

— Дванадцять карбованцивъ на мисяць за девьятнадцять годынъ праци? Чы то жъ можлыво?—вжахнулася Дарочка.—Напевне я васъ не зрозумила, бо на таки грошi й прожыты не можна.

— Чому не можна? Адже мы торикъ зъ татомъ и на десять карбованцивъ жылы,—усмихнулася дивчына.

— Ще й батька годуете?

— Про батька мени малый клопитъ: шклянка чаю, мысочка борщу—ото ёму и все, а ось зъ сестрою мени справди горе: вдалася, на свое безталання, дуже розумною, ажъ трусытся до кныжокъ. Батько навчывъ іи трохы грамоты, вчывъ бы й дали, та доведется зъ недили вже весты іи до господаркы—хай прывчается шыты.

— Скилькы жъ ій рокивъ?

— Вже велыка: десять рокивъ мынуло.

— Тилькы десять рокивъ и вже пиде служыты! Вы бъ пошкодилы іи!—мовыла зъ докоромъ панночка.

— Хиба мени й самій не шкода іи? Дуже шкода, а до того знаю, що зъ неи николы й поряднои швачкы не буде,—такъ що жъ робыты, колы вже така іи доля!—зитхнула дивчына.—А гляньте теперъ у дзеркало: чы не моя правда?—раптомъ обирвала вона вкупи зъ ныткою сумни спогады.—Немовъ зовсимъ не та сукня стала!—додала вона радисно, одступывшы трохы дали одъ Дарочкы, щобъ подывытыся на свою нову облямивку ще здалекы.

— Далеко краще. Спасыби вамъ,—видмовыла не меньше за швачку завдовольнена панна.—Теперъ, Дуню, швыдче обуватыся,—

звернулася вона до покоянки, що вже стояла на поготови зъ билымы черевычкамы у рукахъ.

— Такъ я жъ завтра сподиватымусь сукни. Надишлить неодминно, бо я й не заспокоюсь, покы не перероблю іи по своёму!—мовыла швачка, кладучы голку та пыткы на мисце.

— Не знаю. Здается, не варто. Хай вже мабуть вона такъ зостанется!—видмовыла панночка.

— Ни, прохаю васъ, не боронить вже мени. Ще жадна сукня не була мени такъ до вподобы, якъ ця. Чы прызнатыся? Вона мени ажъ снылася, а якъ була я малою, то и уявлялася не разъ, бо я змалечку все було марю про якись незвычайни сукни, квиткы та намиткы, у яки вбираются чаривни короливны. А це, якъ ще побачыла васъ сёгодня у цій сукни, такъ и овсимъ позбудуся спокою, покы не перероблю іи, якъ сама знаю. Вдруге вы іи зразу не надинете, а потимъ я скинчу іи, прынесу, надину на васъ, подывлюся... и то мени буде найкраща нагорода—на увесь викъ постачыть згадуваты та радиты, що довелося хочъ одну ричъ зробыты додильну.

Панночци стыснулося у грудяхъ. Вона окынула быстрымъ поглядомъ дивчыну, іи убоге вбрання, іи прыпухли віи, за якымы блестилы чорни, велыки незвычайно гарни очи, зыркнула на срибни пыткы своеи сукни й замыслылася. Щось немовъ заскреботило на серци; не то докоромъ, не то пекучымъ жалёмъ видбылыся на души слова дивчыны и святечный настрій цёго вечора увирвавсь.

Безталанна робитныця, що радіючы одирвала бъ пивъ годыны одъ свого сну, абы выконаты ти мріи, що тишылы бъ и справжнёго эстетыка; бидна дивчына, що смакувала заздалегоды счастя побачыты иншу у тому вбранни, якому вона прысвятыла стилькы праци—незвычайно здывувала, а заразомъ и стурбовала панну.

— Добре—погодылася вона—я вамъ надишлю цю сукню, але зъ одніею умовою: вы зробыте рахунокъ, скилькы потратыте годынъ на цю працю, и я вамъ заплачу втрое бильше, нижъ платыть вамъ ваша господыня.

-- И до вику не визьму одъ васъ и шага! Це бъ походыло на те, що я набываюся, абы далы заробыты, а я одъ щырого серця, панночко, задля самои себе... Про гроши, прохаю васъ, не згадуйте и не ображайте мене. Хай може колысь за вищось инше перекынете, а за цю сукню не треба ничого. Якъ що ваша ласка, то хай я краще колысь прыйду вильнымъ часомъ до васъ, а вы дасте мени якыхъ-небудь кныжечокъ сестри почытаты.

Замисть усякои видповиди Дарочка схопылася зъ фотеля, вырвала свою ногу зъ рукъ Дуни, що застибала на ній черевыкы, й метнулася геть зъ будуара. Вона перебигла залю, витальню, побигла ажъ на другый кинець будынку и влетила, немовъ бигла навперейми зъ думкамы, у кимнату своеи титкы—дохожалои панны, що саме лютувала та у голосъ лаяла швачку.

— Дарочко!—накынулася вона на небогу,—подывыся, якою поторочою зробыла вона мене: тутъ высыть, у грудяхъ перетягла...

— Гарно, титочко! скризь гарно!—кынула панночка, ледве зыркнувшы на высокый та ривный станъ титчынъ, и метнулася до неньки, що вже втомылася заспокоюваты вередлыву сестру и сыдила теперъ мовчкы у фотели.

— Матусенько, голубонько! Зробы мени ласку, уволь мою волю!—кынулася вона до неньки.

— А що тамъ таке?—запыталася пани любо та прыязно всмихаючысь до своеи незвычайно зворушенои чымъ-сь дони.

— Виддай Марьяныну сестру до гимназіи.

— Що-бо тоби сталося; дытыно моя?—здывувалася пани.

— Чы ты пры своёму уми? Зъ якои це речы?—обизвалася й титка.

— Я не до васъ звертаюся, я прыйшла до неньки... Такъ ты погожуешся, матусенько? Ты повынна це зробыты!—мовыла Дарочка, прытыскуючы свое лыченько до чола пани.

— Навить «повынна»! Чы бачылы таку сваволю? Наказуе матери, немовъ тіи покоянци!—не стерпила й обизвалася вдруге титка.

— Я не до васъ,—мовчить краще. Я знаю, що ваши дукачи и струхнуть пры васъ!—спалахнула панночка.

— Дарочко, схаменыся! Що-бо ты верзешъ? Ты забула, до кого балакаешъ,—спыныла іи маты.

— Верзу правду. Хай титка не встряе до нашои розмовы, колы не до вподобы, а ты, матусенько, уволь такы мое прохання—попрохала панночка.

— Ни, не уволю.

— Черезъ вищо?

— Черезъ те, що це твоя дурна выгадка и черезъ якусь тамъ годыну ты й сама забудешъ про неи.

— Трычи окрутнешся у вальси й забудешъ, що якась тамъ Марьянына сестра йе на свити!—додала титка.

— Такъ за кого жъ вважаете вы мене?—скыпила Дарочка.—Колы я справди така дурна, колы справди нищо причъ вашыхъ вальсивъ мене не цикавыть, такъ за вищо жъ вы панькаетесь зо мною, кохаете, оберигаете мене? За те хиба тилькы, що я ваша дочка?

— Та Богъ зъ тобою! Чого ты збентежылася? Нема чого турбоватыся, и ты заспокойся!—усмихнулася пани.

— Ни, я не заспокоюся. Я не можу заспокоитыся,—тупнула панночка ногою.—Вы ображаете мене, вы зневажаете мене... Вы мене за не знать яку дурну маете... Разъ разочкомъ попрохала, и ось вы вже видмовляете...

— Бо такы недодильна твоя выгадка!—зауважыла пани.

— Недодильна? Черезъ вищо недодильна? Черезъ те, що я того хочу, що я сама попрохала?

— Черезъ те, що зъ якои речи виддаватыму я...—почала пани.

— Не знать кого, не знать на вищо, якусь тамъ Марьяныну сестру до гимназіи? Чы може, гадаешъ, маты твоя сама гроши куе?—скинчыла за сестру и додала свого титка.

— Якъ бы вы кувалы сами гроши, то може бъ я й не прохала, а то навить вамъ и того не треба робыты: готови берете!—одризала Дарочка.—Я знаю наши достаткы. Я знаю, що намъ можна выкынуть сто карбованцивъ на рикъ и колы вы тилькы видмовыте мени, не уволыте мого прохання, то не спо-

дивайтеся и видъ мене ласкы. Вамъ все едыно, вамъ до усёго байдуже, а я не можу терпиты такои неправды, не можу.

— Та якои тамъ неправды?—здывувалася пани.

— Такои неправды, що дивчына повынна за 12 карбованцивъ на мисяць и себе, и батька, и сестру годуваты...

— И постачае-жъ, бо по шматкы, бачъ, твоя Марьяна не ходыть!— не стерпила вкынуты свое слово титка.

— Я не до васъ! Замовчите, на Бога!—Радійте соби нышкомъ, що Марьяна, працюючы по девьятнадцять годынъ на день, не прохае хлиба, а зъ мене досыть и того, що така незвычайна, така талановыца дивчына, якъ вона, гыне за чужымы шыткамы, нивечыть соби очи, губыть здоровья, и я не допущу, щобъ и сестру іи чекала така-жъ доля. Вона хоче вчытыся, и це іи право.

— Почекай трохы, Дарочко!—обизвалася пани.—Подумай сама: у гимназіи треба не рикъ и не два просыдиты.

— Вже порахувалы? Злякалыся велыкои втраты? Колы такъ, не хочу-жъ и я вашого ничого. Вы бавытеся мною, якъ лялькою, выкыдаете на прымхы, скилькы забажаю, потуряете усимъ дурныцямъ, але жъ я не хочу жыты вамъ на забавку. Я пиду геть, колы такъ, зъ цёго проклятого будынку... Я не хочу вашыхъ грошей, вашого ничого... Я здобуватыму своею працею... я...—обирвала и залылася слёзамы Дарочка.

— Богъ зъ тобою, дытыно моя! Що бо це тоби сталося?—кынулася пани заспокоюваты доню.—Хай я подумаю, то може прырозумію, якъ тій Марьяни пособыты.

— Мылостыну подасте? Ни, не насмилытеся вже. Досыть и того карбованця, що вона вамъ мало не кынула у вичи. Вона бидна дивчына, але, якъ бачыте, не жадибна до подарункивъ. Вона мае гоноръ, дійсный гоноръ. Вона гонорыстиша у-десятеро бильше за васъ... за всихъ тыхъ... Та я и сама того не хочу. Я хочу, щобъ вы виддалы іи сестру до гимназіи, а ни—то я продамъ уси свои перлы, самоцвиты, оцю саму сукню и заплачу сама.

— Насамперёдъ, заспокойсь, донечко. Хай мы завтра гуляючы помиркуемо!—попрохала пани.

— Не завтра, а сёгодни, зразу.

— Зразу треба йихаты на баль, бо й такъ спизнылыся!—нагадала титка.

— Я не пойиду никуды, я не рушу зъ мисця, покы не довидаюся, яка въ мене маты!—мовыла уперто Дарочка.

— Ахъ, Господы! Отъ не знала клопоту!—ажъ ухопылася пани за голову.

— Ще вамъ клопить! Соромылыся бъ казаты,—кынула кризь слёзы зъ докирлывымъ глумомъ Дарочка.

— Та ты мени хочъ розскажы до дила, зъ якои це речи спалася тоби на думку така дурныця?—запытала трохы зъ пересердямъ пани.

— Дурныця?—крыкнула несамовыто Дарочка.—Дурныця? Вы изнову своеи? Колы жъ такъ, то я бильше й балакаты зъ вамы не стану. На баль вашъ, звычайно, я не пойиду!—додала вона и вже звела була рукы, щобъ роспустыты волосся.

— Дарочко, що бо ты робышъ?—спынила іи, ухопывшы за руку, пани,—ты пидняла гвалтъ та сварку, немовъ то й справди я щось незвычайне зробыла, але жъ подумай сама: якъ що усихъ Галынъ по свиту збираты та ихъ до гимназіи виддаваты, то й соби на хлибъ не постачыть...

— Не хочу я балакаты, не хочу ничого слухаты. Я хочу тилькы, щобъ Марьянына сестра була у гимназіи, я прохала васъ...

— Та я вже й не сперечаюся!—поспишылася пани заспокоиты доню.—Хай вже буде по твоему, а тилькы...

Панночка не дала неньци домовыты. Вона обвыла іи рукамы и счаслыво радисна безъ миры кынулася цилуваты іи уста, щокы та рукы.

— Тилькы,—довела трохы перегодомъ пани, важко переводячы духъ писля доньчыныхъ пестощивъ,—панькатыся зъ дивчыною я не буду. Виддаватыму Марьяни сто карбованцивъ на рикъ, а тамъ вже хай вона порядкуе.

— Матусенько! не пошкодійте ще двадцять карбованцивъ— хай буде по сто двадцять на рикъ!—попрохала Дарочка.

— Хай и сто двадцять, а щобъ ты овсимъ заспокоилася, ось ій зразу пьятдесятъ карбованцивъ доручы.—За хвылыну панночка була вже у своёму будуари. Марьяна була ще тамъ и спокійно, не думаючы, не гадаючы про свое несподиване счастя, базикала зъ Дунею.

— Ваша сестра буде у гимназіи: ненька згожуется платыть за неи. Ось вамъ зразу пьятдесятъ карбованцивъ!—выпалыла у одынъ духъ Дарочка и покы дивчына опамьяталась після несподиванкы, вона вже сыдила на фотели и Дуня поралася биля іи черевычкивъ.

— Панночко, маты моя ридна! Якъ же мени виддячыты вамъ, якъ молытыся за васъ Богу!—опамьяталася нарешти швачка...

— Нема за вищо, нема за вищо!—зачервонилася панночка.—Дивчына хоче вчытыся, и то іи право!—додала вона, прыгадавшы свои власни слова, що незвычайно подобалыся ій ще у титчыній хати.

— Панночко! пани прохалы, щобъ вы поспишылыся та й Васыль переказуе, що кони померзлы!—мовыла Устя—покоянка самои пани, спишно наготовляючы пухову намитку та соболеву ротонду.

— Ты хочешъ сказать: Гордій переказуе,—поправыла іи Дарочка.

— Ни такы, Васыль. Гордій не пойиде.

— Це ще що за выгадкы? Колы я йиздыла зъ Васылемъ?— розсердылася панна.

— Гордій, лыбонь, заслабъ на голову!—видмовыла Устя.

— Отъ ще несподиванка. Але жъ я зъ Васылемъ не пойиду. Пиды навидайся до Гордія, скажы, щобъ убирався йихать: до клуба—не далекый свитъ!—звелила панночка.

— Пойидешъ, Дарочко, зъ Васылемъ. Винъ тежъ добре правыть,—обизвалася, увиходячы у кимнату, пани.

— Зъ Васылемъ я до вику не пойиду: винъ неодминно заплутается, не зуміе пидйихаты до ганку, и я тилькы сорому наберуся зъ нымъ.

— Але жъ. серце, Гордій нездужае!—нагадала пани.

— Такъ я сама пиду до ёго, попрохаю ёго!—мовыла рипуче Дарочка и, накынувшы платокъ, побигла на нызъ.

Гордій лежавъ. У ногахъ ёго сыдила жинка ёго, Катерына, и держала на колинахъ хлопчыка рокивъ пьяты. Тилькы Дарочка увійшла, вона спустыла дытыну до долу, звелася и пишла на зустричъ несподиваній гости.

— Я до Гордія,—мовыла панночка.

— Занедужавъ винъ,—зитхнула Катерына.—Лежыть, якъ колода; тилькы и полегкосты, якъ прыкладу холодной воды до головы.

— Гордію! Вы нездужаете?—запыталася Дарочка, надиходячы до лижка.

— Нездужаю, панночко,—видмовывъ стыха Гордій.

— Що жъ мени теперъ робыть? Якъ-же я пойиду безъ васъ на баль?

— Васыль довезе васъ благополучно. Я вже наказувавъ ёму, щобъ вижокъ не попускавъ та щобъ розглядався.

— Я знаю, що винъ не перекыне насъ,—перехопыла нетерпляче Дарочка ричъ Гордія.—Але-жъ винъ осоромыть мене... Гордію, може-бъ вы, якъ небудь...—несмилыво попрохала вона трохы перегодомъ.

— И раднишый-бы, та не зведу ніякъ головы. Самъ-бы соби не знаю що заподіявъ зъ досады... Я и коней вычыстывъ, и новый убиръ выйнявъ, карету самъ выготовывъ... Я-жъ знаю, що сёгодни до клубу и губернаторська родына прыбуде, то вже пыльнувавъ про те, щобъ наши кони булы не останни. Хотилося-бъ дуже самому повезты васъ, та що-жъ ты зробышъ, якъ таке лыхо прычепылося.

— А може то вы прямо учадилы?—запыталася Дарочка.

— Э, ни, панночко: сёгодни увесь день верхъ и не зачынявся. Це винъ застудывся десь,—обизвалася Катерына.

— А може-бъ вамъ полегшало на свижому повитри?—закынула Дарочка.

— Де тамъ полегшае? Выткнувся бувъ на хвылынку зъ хаты, то такъ змерзъ, що ледве оце одигрився,—видмовыла Катерына.

— Я прышлю ще вамъ, Гордію, тіеи воды, що прикладають до головы. Я сама иноди слабую на голову, и ця вода мени дуже пособляе.

— Прыкладалы пани вже й уксусу, и воды тіеи, ставылы и горшняныкы на потылыцю—не пособляе ничого,—зитхнула Катерына.

— Господы! Що-жъ ёго робыты?—стыснула зъ одчаю рукы Дарочка и обвела безъ миры сумнымъ поглядомъ усю убогу хатыну.

— Колы-бъ хочъ знаття, що ёму за горенько,—прошепотила сама до себе Катерына.

— Гордію! А може-бъ вы такы якъ-небудь...—несмилыво звернулася изнову Дарочка до хворого, не зважуючысь одначе вымовыты свого прохання до кинця.

— Панночко, и не прохайте, и не гайте даремно часу. Подывиться на ёго, винъ—уже непрытомный. Куды-жъ ёму йихаты та ще пидъ такый морозъ?—обизвалася Катерына.

— Я не васъ пытаю!—одризала Дарочка.

— И то правда: ты, Катерыно, не встрявай... панночка до мене балакають—протягъ черезъ сылу Гордій.

— Такъ якъ-же буде, Гордію? Я можу ще пивъ годыны переждаты. Теперь 10, хай мы прыйидемо у 1/2 до 11-ои, а за тымъ може вы якъ-небудь... А не можна, то я зовсимъ не пойиду,—обирвала свою ричъ Дарочка.

— Якъ то можна не йихаты? Такый баль,—уси паны ёго цилый рикъ сподиваются—губернаторська родына буде... Ни, вамъ не можна не йихаты, вамъ треба неодминно йихаты,—схопывся Гордій и зирвавъ мокрый рушныкъ зъ головы.

— Куды ты, божевильный! Подывыся на свои очи! Подывысь, якый ты самъ на выду!—спыныла ёго Катерына.

— Геть, одвяжыся, не дратуй, гримнувъ Гордій,—подавай жупанъ, шукай рукавыци. Панночко, убирайтеся, я зразу выйду!—заспокоивъ винъ Дарочку.

И справди, поки панночка одяглася, винъ державъ вже вижкы у рукахъ.

— О, теперь я спокійна!—мовыла радисно Дарочка, выходячы на ганокъ.

— Дарочко, я забула тоби ще сказать,—зупыныла іи пани на схидцяхъ и прошепотила щось на вухо.

— Хиба я сама не знаю?—образылася панночка.

— Я тилькы нагадала тоби.

— Ни для чого було и нагадуваты,—видмовыла вона зъ досадою и вскочыла у карету, де іи давно вже сподивалася затушкована зъ нигъ до головы титка.

Гордій прычынывъ дверци, двыгнувъ злегенька вижкамы, и пара роскишныхъ вороныхъ коней понесла по снигу, якъ ту пирьину, блескучу карету до клубу.

II.

Дарочка прокынулась, солодко потяглася пидъ своимъ билою шовковою ковдрою и подзвоныла.

Дуня видчыныла виконныци. Снипъ ясного, ажъ пекучого, пивденного проминня раптомъ вирвався кризь шыбкы и прыпавъ до лыченька чудовои красуни панны. Вона зажмурыла очи и усмихнулася.

Молоде тило вже цилкомъ видпочыло писля танкивъ; недавнёи втомы немовъ и не було. Увесь чадъ вчорашнёи ночи розвіявся за довгый мицный сонъ и въ голови ще тилькы лунали той миніонъ та па-де-катръ, що военный капельмейстеръ выготовывъ зъ своимъ оркестромъ нарочыто за-для неи. «За-для неи»! Гмъ. Якъ чудно було ій слухаты ту несмилыву ричъ, зъ якою молодый капельмейстеръ звернувся до неи и якъ пріемно прочуты, що па-де-катръ прысвячено ій и новый миніонъ грается выключно за-для неи. И винъ не брехавъ. Не брехавъ, якъ не брехалы й уси ти, що назвалы ій царыцею бала и навперейми запрохували до танкивъ. Вона не прысидала ни на хвылыну,

не стыхала балакаты, сміятыся, и здавалося, нибы то увесь той бучный бенькетъ склався за-рады неи едыпои, нибы уси ти люде прыйихалы царочыто до клуба, абы запобигты іи ласки; іи погляду, абы хочъ здалеку прывитаты іи. Ни, не зайва то ричъ—вродлыве лыченько. Велыкый то таланъ—ривный носыкъ, высоке чоло, ти велыки сири очи та гинкый станъ, и яке то счастя опынытыся у гурти тыхъ пестунчыкивъ, про якыхъ дбае прырода! Никому и ничому не уклоняются такъ люде, якъ тій вроди, та й не даремно-бо. Врода—то не выпадокъ, не несподиваный подарунокъ, якимъ надиляе прырода абы-кого, абы-якъ. Ни, прырода, якъ той ювелиръ не стане шлифуваты шматочка каминця, або грудочку земли: вона знае, якій истоти варто даты чаривну облуду, яку душу оповыты статурнымъ тиломъ, чые лыченько надилыты красою, и той старенькый панокъ, що пиднисъ ій вчора троянду, не дурно сказавъ: «Колы хочете утаиты одъ людей свое серденько—опускайте віи, абы люде не бачылы вашыхъ очей»...

— Одягатыметеся, панночко, чы може звелыте податы до лижка снидапокъ?—перервала Дуня панночкыни спогады.

— Снидапокъ?—перепытала, гараздъ не зрозумившы що покоянка каже, Дарочка,—снидапокъ? Ахъ такъ, песы мени сюды чого-небудь,—додала вона, радпиша, що можна ще полежаты та пережыты насамоти увесь вчорашній день та бенькетъ.

Дуня внесла шклянку кофе. Панночка пидвелася, сила на лижку, обиперлася ликтемъ на столыкъ и почала мишать цукоръ; голивка іи ньзенько схылылася надъ шклянкою ароматычного трунку, рукава еркалыся-бъ объ тарилочку, повну рижныхъ пундыкивъ та сухарцивъ, але очи іи бачылы передъ собою тилькы залю клуба, а думкы лынулы до вчорашняго дня... Колы йе справди феральни дни, то йе й счаслыви, и вчорашній день 28 грудня напевне й бувъ одынъ зъ тыхъ счаслывыхъ днивъ, нисля якыхъ залышуется и на души, и на серци незвычайно гарне та лагидне почуття. Кожна годына, кожна хвылына вчорашнёго дня варта була того, щобъ ихъ хочъ изнову пережыты... Але-жъ, якъ по порядку? що вчора дійсне було? Зразу-жъ зранку лыстъ видъ Катруси—запрохуе на весилля ажъ на тры дни; потимъ сков-

залка на ричци— ще николы перше тамъ такъ весело не було; потимъ сукня... бенькетъ... А ще-жъ Марьяна, гимназія, Марьянына сестра!.. И якъ це вчора легко далося! Якъ легко взагали робыты добро!

— Натанцювалася?—запыталася пани, оправляючы на доньчыній голивци волоссся, що звисылося на чоло.

— Матусенько, якъ ты й увійшла, що я тебе не запрымитыла?.. Натанцювалася, уволю натанцювалася!—весело видмовыла Дарочка, цилуючы неньку.

— А голивка не болыть?

— Байдуже! Це я нарочыто не зодягаюся—хочется вчорашній вечиръ увесь прыгадаты.

— Весели згадкы?

— Дуже весели, але-жъ найдужче все-жъ такы ты звеселыла мене, моя ридна,—щыро поцилувала неньчыну руку Дарочка.

— Якъ? колы?

— За Марьянину сестру.

— Ахъ, такъ... я вже й забулася. Ну, хай вчытся на здоровля та дякуе тоби, бо безъ тебе я бъ того до вику не зробыла.

— Невже справди не зробыла бъ? Невже справди ты сама не пошкодила дивчыны?

— А ни крапли.

— Матусенько, яка-жъ бо ты недобра! Колы справди ты по щырости кажешъ, а не дратуешъ мене, то мы не поразуміемося зъ тобою николы,—мовыла сумно Дарочка и выслобоныла свою руку зъ рукъ матерыныхъ.

— Якось то порозуміемося!—зитхнула злегенька пани.— Иноди я на твое щыре серденько здамся, иноди ты мени, старій, выбачышъ—отъ у насъ и буде згода. Добро усякому прыемно робыты, одначе треба й стрымуваты себе. Я знаю й бачу, що ты болієшъ серденькомъ за усякымъ и раднша завжды подилытыся, але-жъ, дытыно моя, треба и межи знаты.

— Ніякыхъ межъ, причъ достаткивъ, мамо, и покы йе чымъ, подилятымусь!—спалахнула Дарочка.

— О! ты знову спалахнула! Якъ збентежылася, мое золотисенькe серденько! Годи-жъ, годи, я не хочу сердыты тебе—робы, якъ знаешъ... Допывай-но свое кофе, одягайся та пойидешъ до Маруси—я вже звелила Васылеви й коней выготовыты.

— А Гордій?—вперше згадала Дарочка.

— Гордіеви щось дуже погано,—видмовыла пани.

— А ликарь бувъ?

— Голтуцькый бувъ.

— Голтуцькый? Чому-жъ не Брянськый?

— Брянському, ты знаешъ, треба платыть 10 карбованцивъ за визитъ.

— Мамо! мамочко! И тоби не соромъ шкодиты грошей на ликаря? Якъ клыкаты Голтуцького, то краще кыньте Гордія у больныцю—хай ёго вже тамъ до вечора замучать!—схопылася зъ лижка и кынулася одягатысь панночка.—Людына помирае, а ты рахуешъ карбованци та клычешъ нездатныхъ ликаривъ.

— И хто тоби сказавъ, що у больныци замучують, або що Гордій помирае?—Голтуцькый ще не роспизнавъ ёго хворобы: «може», каже, «тифъ, може инфлюенца, а може и звычайна пропасныця».

— Може тифъ, може инфлюенца, може—може... все може, а певного нихто ничого не знае, и ты не поклыкала доси Брянського,—мовыла зъ докоромъ Дарочка, хапаючысь натягты на себе швыдче панчохы.

— Якъ що треба буде, Дарочко, то й поклычемо,—спробувала заспокоиты ій пани.

— Зразу жъ треба, мамо, поклыкаты, зразу. Ни Голтуцькому, ни якому иншому ликареви, причъ Брянського, не можна Гордія доручаты—зразу жъ пошлить. Ты не знаешъ, яка въ ёго хвороба, и кожна хвылына мае вагу. Пошлить, не то я сама зразу пойиду.

— Добре, добре. Годи жъ, не турбуйся—буде. Я пошлю зразу за Брянськымъ, и винъ не забарытся прыйихаты. А тилькы шкода, що ты не послухала мене та не одислала, якъ я тоби

казала, Гордія до-дому, а продержала ёго усю ничъ на витри та морози,—мовыла пани, зводячысь йты.

Немовъ хто холодною водою хлюпнувъ на Дарочку. Рожеве лыченько іи раптомъ зблидло, руки выпустылы самы собою поворозкы зъ спидныци. Такъ, ненька правду сказала. Вона велила ій одпустыты Гордія и навить двичи нагадувала, а Дарочка продержала ёго усю ничъ на витри та морози. Якъ же це сталося? Вона забула, овсимъ забула про Гордія, забула про ёго хворобу, про той пависный морозъ. Вона не звыкла думаты про це. Николы не було й нагоды подуматы. И це жъ такъ звычайно, що Гордій выстоювавъ по 5—6 годынъ биля театру. Иноди, правда, ненька одряжала ёго, але жъ иноди не можна навить и прызначыты часу, колы прыйиздыты, и Гордієви найчастише доводылося чекаты на вулыци. Та й не тилькы жъ самому Гордієви—майже жъ уси залышують своихъ коней биля ганку, бо хиба жъ не трапляется покыдаты театру або якого нудного балю зарани? Чы давно и вона, Дарочка, повернулася зъ машкараду майже у дванадцять годынъ? А до того, невже воно справди такъ важко простояты тыхъ пьять-шисть годынъ? Фурманы жъ простоюють кожнисеньку ничъ зъ вечора до ранку... Правда, воны не хвори... Але жъ чому самъ Гордій не запытався дозволу йихаты до-дому? Винъ же добре знае, що титка, немовъ та колодка, що ій до усёго байдуже, а я ще молода... «Такъ, Гордій повыненъ бувъ самъ нагадаты; винъ мусивъ видпрохатыся, и колы я вынна, то винъ самъ выненъ ще дужче за мене»,—розплуталася нарешти панночка зъ того павутыння думокъ, якымъ засновавъ іи заклопотану голову непрыемный выпадокъ зъ Гордіемъ, и побигла одвидуваты недужого.

Гордій лежавъ самъ у хати. Дарочка наблызылася й зазырнула ёму увичи. Хворый дывывся и мымрывъ щосъ про себе стыха, але выдко було, що винъ не пры своій памьяти й не розумивъ ничого.

— Гордію, вамъ погиршало?—обизвалася панночка.

Червони очи Гордієви, уставлени на цвяшокъ, не повелыся.

— Господы! винъ не пры своій памьяти, й никого немае въ хати. Самитній лежыть, никому и воды податы. Де іи носыть—ту

Катерыну!—заклопоталася Дарочка и подалася до другои хатыны черезъ сины, де звычайно пралыся сорочкы.

Катерына стояла биля ночовъ и оджымала щось; дали до покутя сыдивъ на помости сынъ и стругавъ ломачку.

— Катерыно, Бога бійтеся! Чы то жъ не грихъ вамъ кыдаты недужого? Залыште ти сорочкы та йдить до чоловика...—звелила панночка.

— Не покыну я сорочокъ, та й пема мени чого сыдиты биля чоловика!—видмовыла зъ прытыскомъ Катерына.

— Нема чого сыдиты? Чоловикъ помирае, а вамъ нема чого биля ёго сыдиты?—вжахнулася Дарочка.

— И нема чого сыдиты!—буркнула Катерына.

— Вы повынни буты биля хворого чоловика—це вашъ обовязокъ. Покыньте зразу сорочкы та йдить до ёго!—покрыкнула зъ пересердямъ Дарочка.

Але гнивъ іи пеначе тилькы додавъ Катерыни охоты до праци, и вона ще дужче налягла на сорочкы.

— Покыньте, кажу вамъ!—гримнула знову панночка и наблызылася до ночовъ.

Катерына выкрутыла настильныкъ, роскрутыла ёго, кынула до купкы сорочокъ, що лежалы на лави, и вытерла рукы.

Дарочка заспокоилася.

— Гордій справди зле занедужавъ, але Брянськый незабаромъ прыйиде и напевне пособыть ёму. Звычайно, краще було бъ, якъ бы винъ бувъ прыйихавъ ранишъ, про те и теперъ ще не пизно. Глядить же, Катерыно, якъ Гордіеви треба буде чого—може забажае чого-небудь, то прышлить Васыля або Устю, а сами вже не кыдайте ёго!—мовыла вона певна, що Катерына выконае все.

Але Катерына вытерла рукы, абы тилькы пидкласты дровъ пидъ таганъ, и якъ тилькы воны занялыся, опустыла руку у шаплыкъ.

— Идить же,—нагадала Дарочка.

Катерына вытягла зъ шаплыка рушныкъ, налыла мовчкы, не хапаючысь, окропу у ночвы и прыступыла знову праты.

Хвылыну-дви панночка не йняла виры власнымъ очамъ. Упертисть Катерыны переходыла вже усяки межи, поводження було черезъ край незвычайне.

— Вы оглухлы, Катерыно? Я вамъ велила покынуты. Я въ десяте кажу: покыньте!—мовыла, намагаючысь стрыматы свое обурення, панночка.

— Не покыну!—одризала Катерына.

— Я вамъ велю, и вы покынете!—гримнула на усю хату панночка.

— Не гримайте, бо однаково не покыну!—видмовыла поваго́мъ, пидкреслюючы кожне слово, Катерына.

— Ни, вы покынете, вы мусыте покынуты, колы я вамъ велю,—гримнула ще голоснише, вже не володіючы собою панночка и, вырвавшы зъ Катерыныныхъ рукъ рушныкъ, шпурнула ёго на помистъ.

Катерына нахылылася, щобъ пидняты.

— Не смійте! Не смійте доторкатыся! Вы—гадына... Вы—хыжа звирюка, у васъ серця нема... вы...

— Хиба то я ёго усю ничъ на морози продержала?—обернулася несподивано усимъ станомъ своимъ Катерына и зъ невымовною ненавыстю глянула Дарочци у вичи.

Жадного словечка не знайшлося въ панночкы у видповидь на ту страшну образу. Вона затремтила тилькы, зблидла, потимъ спалахнула и, якъ несамовыта, метнулася зъ хаты.

— Мамо! мамо! Де мама?—гукала вона зъ видчаемъ, бижучы корыдоромъ зъ кухонь до своеи кимнаты.

— На Бога! Що тамъ таке?—выхопылася пани.—Дарочко, що тоби? Чого ты плачешъ?—побигла вона услидъ за донею.

— Зъ якои речи? Зъ якого права? Якъ вона сміе?—залылася слёзамы и кынулася до подушокъ панночка.

— Хто «вона»? Що трапылося? Роскажы жъ, донечко, все до-дила,—прохала стурбована пани.

— Катерына... почала була панночка и зайшлася ще дужче.

Збентежена, переляканa пани побигла до Катерыны. Допытуватысь та роспытуватысь людыны, що прызвела доню до слизъ,

було бъ, звычайно, нетактовно и прыкро матерыному серцю. але пани, бижучы до кухни, певна була, що Катерына попередыть іи пытання, що вона сама поспишытся ій на допомогу, сама видъ себе роскаже про ту прыгоду, и колы може не вбереглася якого необачного слова, то вже доси одумалася и прохатыме выбачення.

Але Катерына не мала и въ думци того.

Вона навить не поворухнулася, якъ увійшла пани и все оджымала сорочкы, ажъ ночвы трищалы пидъ рукамы.

— Що ты соби тутъ дозволыла? Якъ ты насмилылася? Якъ ты зважылася?—накынулася навманя пани на неи.

Катерына мовчала.

— Що ты зробыла? Що ты сказала панночци?

— Не казала, не робыла я ій ничого,—буркнула Катерына, не пидводячы головы.

— А, такъ ты ось яка! Ось якъ ты вже балакаешъ изо мною! Геть же, геть, колы такъ зъ мого двору! Щобъ твоя нога не була у моій оселі,—гримнула уся червона зъ обурення пани.

Катерына вытерла ту жъ мыть рукы, взяла свого сына и. слова не мовывшы, подалася знаряжатыся у дорогу.

. . . .

Такъ якъ за годыну прыйихавъ добродій Брянськый. Той спихъ, зъ якымъ винъ увійшовъ у господу, досыть свидчывъ, що славетній ликарь звыкъ навищаты або дуже слабыхъ, або занадто нетерплячыхъ гоноровыхъ паціентивъ, що винъ не мае даремно гаяты часу, и пани та панночка поспишылыся ёму на зустричь, абы не загаяты ёго ни на одну мыть.

— А де жъ нашъ паціентъ?—запытавсь ликарь, витаючысь на швыдку до панночкы та пани.

— Нашъ визныця Гордій... почала була Дарочка.

— Гордія жъ, панночко, вже немае у насъ: Катерына повезла ёго на кватырю до бабы знахаркы—обизвалася Дуня.

Дарочка спалахнула и прыкусыла до крови губу.

— Якъ?—вжахнулася на викы перелякана пани.

— Повезла—мовыла Дупя.

— Ахъ, Боже мій! Уявить соби, ця божевильна жинка його, Катерына...—спробувала було выправдатысь пани.

Ликаръ здвыгнувъ нетерпляче плечыма.

— Выбачте, добродію! На Бога выбачте!—кынулася пани благаты ликаря.

Але ликарь поспишывсь попрощатыся и, ухопывшы зъ столу свою шапку, побигъ до дверей.

Пани не мала сылы навить провесты його:

— Господы! Що жъ це буде? Що жъ винъ подума теперъ про насъ?—сплеснула вона рукамы и опустылася, якъ пидкошена, на канапу.

— Це жъ Брянськый! Винъ скризь буває, винъ усимъ роскаже! О Боже, соромъ, соромъ якый!—стыснула въ безкраій журьби Дарочка обома рукамы свою роспалену голивоньку и прыпала чоломъ до холодноі шыбкы викна.

— Догодыла твоимъ прымхамъ, поклыкала Брянського—отъ теперъ и пропалы святкы.—обизвалася трохы перегодывшы пани до Дарочкы. Дарочка промовчала.

Червоно-гаряче сонце кынуло тежъ свій допытлывый поглядъ на тяжко засмучену красуню панночку, але й воно не диждалося видповиди и, здывоване, зныкло за крытою билою намиткою горою.

Л. Яновська.

Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка.

„Je n' excuse pas, j'expose“.

Просимъ извиненія у нашихъ читателей за то, что, прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію предмета нашей замѣтки, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько общихъ и повидимому извѣстныхъ истинъ, но мы не виноваты въ томъ, что наше время требуетъ иногда повторенія того, что извѣстно...

Для опредѣленія степени культурности націи существуетъ много показателей; но въ то же самое время нѣтъ въ мірѣ націи, къ которой всѣ эти показатели были бы приложимы сразу, по той простой причинѣ, что идеально-культурной націи мы пока не знаемъ, существующія же націи размѣщаемъ на ступенькахъ культурной лѣстницы на основаніи сравнительной оцѣнки, въ основѣ которой лежатъ относительныя понятія «болѣе» или «менѣе». Пользуясь этой мѣркой, мы признаемъ одну націю болѣе культурной, другую—менѣе культурной, третью—болѣе или менѣе культурной и т. д., по убывающимъ или возрастающимъ степенямъ. Что касается самого показателя, то выборъ его опредѣляется взглядомъ на культуру и характеръ ея. Между прочимъ,

извѣстенъ, напримѣръ, взглядъ, въ силу котораго показателемъ степени культурности той или иной націи признается отношеніе ея къ своимъ избранникамъ, къ своимъ геніямъ въ различныхъ сферахъ умственной, политической и общественной жизни. Указываемое обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, при наличности, впрочемъ, ряда иныхъ условій, можетъ быть принимаемо за мѣрило степени культурности націи. Нація, помнящая себя въ прошломъ, самосознающая себя въ настоящемъ и смотрящая съ надеждою на свое будущее, непремѣнно должна помнить и знать, и дѣйствительно помнитъ и знаетъ и умѣетъ чтить своихъ выдающихся людей. Эти люди, являющіеся цвѣтомъ націи, ея свѣточами, составляютъ предметъ справедливой гордости и почитанія для своихъ единоплеменниковъ. Имена всѣхъ не только геніальныхъ, а и просто выдающихся людей для всякаго члена такой культурной націи не пустые звуки, а полныя богатаго содержанія понятія или о цѣлыхъ эпохахъ, или знаменитыхъ открытіяхъ и могучихъ завоеваніяхъ ума, или о высоко-художественныхъ произведеніяхъ искусства и т. п.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, къ какимъ безотраднымъ результатамъ можно было бы прійти при опредѣленіи степени культурности, напримѣръ, русской націи съ помощью названнаго показателя культуры. Факты здѣсь излишни, такъ какъ всѣ прекрасно помнятъ и знаютъ, что недавнія юбилейныя торжества русской мысли (юбилеи Пушкина, Гоголя и др.) были въ то же самое время и днями глубокой скорби и печали... Обнаружилось, напримѣръ, что великій русскій поэтъ Пушкинъ для громадной массы русскаго народа ни больше ни меньше, какъ «храбрый енералъ». Весьма и весьма недавно русскую прессу обошло извѣстіе о томъ, мѣстомъ чего иногда служитъ гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ. Съ чувствомъ глубокой горечи и негодованія еще болѣе недавно отмѣчался фактъ отношенія публики къ памятникамъ русскихъ писателей на Волковомъ кладбищѣ: здѣсь надмогильныя плиты, кресты и ограда оказались испещренными «заборной литературой». Такимъ образомъ получается впечатлѣніе,

что грамота служитъ для русскаго народа средствомъ проявленія и выставки на публичный позоръ своей некультурности.

Нашъ народъ, наше общество, украинское, понимаемое въ широкомъ смыслѣ этого слова, раздѣляютъ въ этомъ отношеніи участь общую если не со всѣми, то съ большинствомъ народностей обширной Россіи. Вопроса о томъ, насколько оно является виновнымъ въ этомъ, мы не будемъ касаться, такъ какъ, во-первыхъ, это вопросъ особаго порядка, а во-вторыхъ—разрѣшеніе его завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ намѣченной нами цѣли. Мы имѣемъ въ виду лишь констатировать фактъ и считаться съ нимъ какъ съ таковымъ.

Въ сознаніи своихъ заслугъ передъ Россіею и русскимъ обществомъ Пушкинъ выразилъ надежду на то, что къ «созданному имъ себѣ нерукотворному памятнику не зарастетъ народная тропа». Что касается Т. Г. Шевченка, то можно съ увѣренностью сказать, что народная тропа никогда не зарастетъ и къ рукотворному памятнику его, устроенному его друзьями,—къ его могилѣ.

Болѣе сорока лѣтъ прошло со дня смерти нашего великаго поэта. Въ теченіе этого времени, изъ года въ годъ, съ наступленіемъ лѣтняго времени людьми разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ возрастовъ и націй совершаются паломничества на его могилу. Сорокъ лѣтъ—періодъ времени довольно почтенный. Ни на минуту никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что каждая изъ западно-европейскихъ націй за такой продолжительный періодъ времени успѣла бы сдѣлать все въ смыслѣ выраженія уваженія къ своему національному генію: воздвигла бы великолѣпный памятникъ, устроила бы музей, въ которомъ было бы собрано все, относящееся къ этому генію или связанное съ его именемъ; позаботилась бы, наконецъ, и о томъ, чтобы каждый членъ націи по возможности зналъ о предметѣ своей національной гордости какъ можно болѣе. Мало того,—все это непремѣнно дѣлалось бы еще и съ такимъ разсчетомъ, чтобы пред-

ставители другихъ націй, посѣщая памятникъ этого генія или героя, проникались уваженіемъ не только къ одному генію, но и къ той націи къ которой онъ принадлежитъ.

Мы далеки отъ такихъ широкихъ притязаній. Скажемъ даже больше: всякая роскошь, все, что отмѣчено характеромъ помпы, не должно, по нашему мнѣнію, имѣть мѣста въ составѣ и числѣ тѣхъ способовъ и средствъ, какими бы можно выразить наше уваженіе къ памяти великаго почившаго поэта,—это противорѣчило бы основамъ его міросозерцанія, его идеаламъ, наконецъ, если хотите, было бы даже несовмѣстимымъ съ его глубокимъ демократизмомъ. Тѣмъ не менѣе необходимо приложить всѣ старанія къ тому, чтобы могилу Т. Г. Шевченка обставить возможно лучше. Паломничество на его могилу должно имѣть глубоко-воспитательный характеръ. Въ виду этого, на могилѣ необходимо сосредоточить все, что можетъ дать штрихи къ обрисовкѣ облика великаго поэта для того, чтобы этотъ обликъ представить предъ глазами посѣтителя во весь свой мощный ростъ. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что по всякимъ зависящимъ и независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ въ этомъ отношеніи нами не сдѣлано почти ничего. Такъ, напримѣръ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, повидимому, долженъ бы былъ накопиться довольно обширный матеріалъ относительно посѣщенія могилы поклонниками поэта. Матеріалъ этотъ, несомнѣнно, представлялъ бы выдающійся интересъ въ отношеніи прежде всего статистики посѣщеній, равно какъ и для исторіи развитія общественной мысли, понятій и взглядовъ на счетъ значенія личности Шевченка и его могучей музы, вліянія его поэзіи на пробужденіе самосознанія и вообще идей гуманнаго характера и т. п. Къ сожалѣнію, мы такимъ матеріаломъ не располагаемъ. За прежніе годы книгъ для записи фамилій посѣтителей могилы и внесенія ими туда впечатлѣній отъ посѣщеній не сохранилось, да и не могло сохраниться, такъ какъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени по какимъ то причинамъ такой книги совсѣмъ и не было, и публика или совершенно не отмѣчала своихъ посѣще-

ній, или изливала свои мысли и чувства и дѣлилась впечатлѣніями то на стѣнахъ, то на дверныхъ и оконныхъ рамахъ «Тарасовой хаты», то на обширныхъ поляхъ «Кобзаря», лежавшаго на столикѣ въ хатѣ. И только въ началѣ іюня 1897 г. появляется книжка для записи фамилій посѣтителей.

Передъ нами лежитъ эта злополучная книга. Уже одинъ внѣшній видъ ея производитъ удручающее впечатлѣніе: истрепанная, испачканная, съ вырванными листками, она служитъ нагляднымъ доказательствомъ нашей малокультурности. Заглянувъ въ середину книги, вы послѣ бѣглаго просмотра записей въ ней еще болѣе убѣждаетесь въ томъ, что это наше corpus delicti, живой укоръ нашей дикости. Почти на 250 страницъ этой книги, испещренной вдоль и поперекъ записями посѣтителей могилы, едва ли найдется десятокъ страницъ, которыя судьба оберегла отъ пошлости людской, умѣющей выразиться во всемъ: не только въ живомъ словѣ, поступкѣ, жестѣ и фразѣ, но даже и въ характерѣ письма, въ почеркѣ и въ способѣ «расчеркиванья».

Лежащая передъ нами книга имѣетъ мѣстами характеръ тяжкаго обвинительнаго акта, написаннаго противъ себя рукою самого общества при соучастіи неумолимо-жестокихъ обвинителей: невѣжества, отсутствія самоуваженія и сознанія своего достоинства, доходящихъ до скоморошества и гаерства. Скрывать намъ этого обвинительнаго акта нечего: съ содержаніемъ его успѣли ознакомиться сотни посѣтителей могилы нашего великаго поэта и поклонниковъ его таланта разныхъ націй, живущихъ не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея, и пусть намъ самимъ будетъ принадлежать первый почйнъ въ указаніи больныхъ мѣстъ на нашемъ общественномъ организмѣ, чѣмъ людямъ со стороны.

При всей скудости матеріала, какимъ мы располагаемъ относительно посѣщеній могилы Т. Г. Шевченка, все же въ немъ есть данныя для нѣкоторыхъ обобщеній. Эти обобщенія необходимы намъ для характеристики посѣтителей могилы и для сведенія ихъ въ группы.

Тутъ естественно возникаетъ рядъ трудныхъ вопросовъ: что́ можетъ быть положено въ основу дѣленія посѣтителей на тѣ или иныя группы? насколько безошибочнымъ можетъ быть признано то или иное основаніе при такомъ распредѣленіи? При распредѣленіи посѣтителей на группы нами принимается во вниманіе все: и содержаніе записи, и характеръ ея, и фамилія, и почеркъ посѣтителя, и даже такая мелочь, какъ «росчерки». Правда, что данныя эти могутъ показаться плохимъ залогомъ объективности, въ выводахъ, но ошибки возможны вездѣ...

Всѣхъ посѣтителей могилы можно свести къ нѣсколькимъ группамъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особыя характерныя черты.

Первое мѣсто не по численности, конечно, мы отводимъ той группѣ посѣтителей, для которыхъ нѣтъ въ мірѣ ничего великаго, нѣтъ ничего святого. Это тотъ сортъ людей, для которыхъ, по весьма удачному выраженію одного французскаго писателя, «какъ для лакеевъ, нѣтъ великихъ людей». Все, къ чему только успѣетъ прикоснуться рука этого сорта людей, опошляется, такъ какъ они со всѣхъ сторонъ плотно окутаны атмосферой пошлости. Къ этой квалифицированной группѣ пошляковъ принадлежатъ люди всякихъ званій, соціальныхъ положеній и цензовъ. Разница между ними лишь та, что степень ихъ пошлости и цинизма находится въ порядкѣ обратно-пропорціональномъ къ степенямъ ихъ ценза и соціальнаго положенія: чѣмъ выше послѣдніе, тѣмъ ниже и гнуснѣе первые. Возникаетъ, естественно, вопросъ: что́ привлекаетъ сюда такихъ людей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ единственно правильный: жажда провести пошло нѣсколько часовъ въ новой, необычной обстановкѣ и не постѣсняться оставить слѣды своей пошлости даже тамъ, гдѣ витаетъ безсмертіе и неувядающая слава генія, возвышенной, самоотверженной любви, ума и таланта...

Вотъ, напримѣръ, на какого рода запись и оказался лишь способнымъ одинъ изъ посѣтителей могилы, подписавшійся—стыдно сказать «чиновникамъ особыхъ порученій»: «Коло твоеи хаты, мій коханый Тарасе, я бувъ довгенько, йивъ дычыну, пырижкы,

пывъ чай... Апетытъ бувъ добрый, та мало чого було, и илось добре. Заиду ще колысь»... Комментировать эту выдающуюся по своему цинизму запись достойнаго чиновника особыхъ порученій нечего: она и безъ того слишкомъ много и краснорѣчиво говоритъ объ умственномъ и нравственномъ багажѣ автора ея, тѣмъ болѣе, что въ этой книжкѣ черезъ нѣсколько страницъ находимъ достойную оцѣнку приведенной нами записи. Одинъ изъ посѣтителей могилы, глубоко возмущенный этой и подобными ей записями въ книгѣ, разразился горячей, свойственной молодой юности, филиппикой противъ посѣтителей могилы, оскорбляющихъ память великаго поэта; иронически выражая сочувствіе чиновнику особыхъ порученій въ томъ, что онъ не могъ удовлетворить своего богатаго аппетита, авторъ филиппики спрашиваетъ: «чому було травычкы не попойисты? Вона тутъ добра и ій на гори багато»!.. Впрочемъ,—одно маленькое замѣчаніе. Запись чиновника особыхъ порученій ясно говоритъ намъ о національности его. Это—хорошо всѣмъ извѣстный и не менѣе хорошо оцѣненный типъ «малороссіянъ», въ однихъ случаяхъ заявляющихъ о себѣ, что они «малороссы, говорящіе по-русски», а въ другихъ,—что они «тоже немного малороссы», характеристику которому далъ еще Гоголь. Лучшимъ выраженіемъ почтенія къ памяти поэта съ ихъ стороны было бы то, если бы они не только не давали обѣщаній еще посѣтить его могилу, а и совершенно туда не являлись.

На 27 стр. красуется новая запись: «1897 г., 7 сентября. булы на могыли Тараса, вспомыналы ёго и пылы горилку за ёго велыку душу». Или вотъ, напримѣръ, какая блестящая аристократическая компанія удостоила Тараса Григорьевича своимъ посѣщеніемъ: «19 августа 1897 г. посѣтили могилу: баронъ Фитинговъ-Шнель, княгиня Чертополохова, графъ Свинопасовъ и герцогъ Монте-Кристо»!

На стран. 46 какіе-то господа заявляютъ, что они «были, чай съ ромомъ пили, булку съ масломъ ѣли, о Тарасѣ сожалѣли, что онъ не былъ съ нами, а лежалъ подъ крестомъ и камнями». Слѣдующимъ посѣтителямъ могилы показалось недостаточнымъ

этого цинизма въ стихотворной формѣ, и кто-то изъ нихъ написалъ двустишіе:

«А мы, когда бываемъ,
О немъ совсѣмъ забываемъ».

Или вотъ краткое, но «картинное» изображеніе посѣщенія:

Были, пили, ѣли, пѣли
И обратно улетѣли.

А какъ вамъ, читатель, понравится такой лаконизмъ, достойный достойнѣйшаго изъ сыновъ древней Спарты: «Бувъ, бачывъ, любовався выдамы, набрався духу, напывся пыва тай пойіхавъ до дому».

«Почулы, що нашъ въ Каневи находытся любецъ (!) правдословъ Тарасъ,—пишетъ какая-то пьяная компанія,—поситылы тебе, прославылы твою славу и насылу у фиртку попалы. Прыблуды зъ чужыхъ странъ: Сашко Выпывайло, Аристархъ Грузій Непропало, третій—одказався (не нуждается)» и т. д.

Прыйихалы мы на гору
На Шевченкову могылу,
А теперъ сыдымъ у гóри,
Бо наилысь черезъ сылу.
А на двори щось не ладъ:
Дощъ, гримъ росходылысь...
Якъ пойидемъ мы назадъ?
Сыдымъ, зажурылысь...

Но не довольно ли выписокъ въ такомъ родѣ? Увѣрены, что вполнѣ довольно; довольно грязи, цинизма и пошлости! Если мы позволили себѣ такъ долго угнетать ими читателя, то только лишь потому, чтобы насъ не заподозрѣли въ голословности и тенденціи. Лично, впрочемъ, мы предпочитаемъ пріемъ безпощаднаго пригвожденія къ позорному столбу всякой гадости, кѣмъ бы она ни была сдѣлана, чѣмъ прикрыванія ея всякими способами.

И хотя мы, напримѣръ, вполнѣ понимаемъ и даже оправдываемъ побужденія тѣхъ изъ посѣтителей могилы поэта, которые мѣстами пытались позачеркивать позорящія насъ записи, а гдѣ это не удалось, то повырывать цѣлыя страницы или куски ихъ, но не вполнѣ раздѣляемъ: изъ книги-то подобную запись вырвать можно, но она отъ этого не явится вырванною изъ ума, сердца и совѣсти того, кто ее не постѣснялся сдѣлать, и онъ пріѣдетъ на могилу вновь и повторитъ ее, усиливъ еще пожалуй. Въ этихъ видахъ мы позволимъ себѣ еще привести нѣсколько выдержекъ, также пошлыхъ, но нѣсколько иного оттѣнка.

На одной изъ страницъ книги находимъ примитивный рисунокъ: нарисованъ крестъ, а у креста стоитъ женщина-украинка съ рукой, приподнятой къ головѣ; внизу подпись: «Волынянка». Надъ этимъ рисункомъ какому-то несомнѣнно «интеллигенту» (рукой его въ книгѣ много сдѣлано помѣтъ и записей) пришло на мысль написать: «Зачѣмъ волынянка чешетъ у себя въ головѣ»?

Или вотъ, какой-то также «интеллигентъ», судя по нѣкоторымъ признакамъ, пытается сдѣлать безсмертнаго поэта соучастникомъ своего романа, прося его содѣйствія: «Если бы она могла меня понять и не оттолкнуть,—пишетъ онъ въ книгѣ,—то я былъ бы безконечно счастливъ!.. Ты видишь, Тарасъ, мою искренность... Посодѣйствуй, если считаешь меня хоть немного достойнымъ». Другой заноситъ въ книгу свое посѣщеніе слѣдующимъ образомъ: «Посѣтилъ могилу Т. Г. и въ ожиданіи Д. Е. просидѣлъ часа три». А черезъ нѣсколько страницъ женскимъ почеркомъ записано: «Я посѣтила батьку-Тараса на мой торжественный день». На той же страницѣ одинъ изъ посѣтителей, какъ бы извиняясь предъ Тарасомъ Григорьевичемъ за непродолжительный визитъ, пишетъ, что «прибылъ изъ Полтавы, изъ имѣнія, пробылъ лишь $^1/_2$ часа и поѣхалъ обратно въ имѣніе».

Ровно двѣ страницы книги заняты слѣдующею небольшою записью какого-то «пессимиста», сдѣланною синимъ карандашомъ (такіе господа, отправляясь на могилу, очевидно, заранѣе предусмотрительно запасаются орудіемъ письма): «Якъ бы ты, Тарасе, вставъ та подывывсь на Днипро,—упывся бъ, здорово упывсь.

Нема тебе, нема вже и Днипра, и скоро насъ не буде. Днипро сёгодня неумытый и заспани хвыли. Жды, Тарасе, скоро будемъ вмисти, бо на цимъ свити тяжко жыты, тяжко нудыть свитомъ».

Бойкимъ женскимъ почеркомъ на одной изъ страницъ книги записано: «Были на горѣ Шевченка, хохотали до полнаго упадка силъ и, кажется, были довольны собой и всѣмъ окружающимъ».

Въ записяхъ послѣдняго рода отсутствуетъ лишь упоминаніе о горилкѣ, а затѣмъ—нѣтъ тенденціи, спеціально принадлежащей «малороссамъ особаго рода» и замѣтной въ записяхъ, отмѣченныхъ выше—тенденціи— «свалять дурака» съ цѣлью потѣшить почтеннѣйшую публику своею веселостью и прославленнымъ юморомъ «хохлацкимъ», открывавшимъ себѣ нѣкогда дорогу и въ роскошныя переднія и съ тѣхъ поръ, кажется, и сдѣлавшимся особенно любезнымъ извѣстной части земляковъ нашихъ.

Эти и имъ подобныя записи возбуждаютъ естественныя чувства стыда и глубокаго негодованія противъ цинизма, пошлости и глупости людской. Останавливаясь мысленно на этихъ глубоко печальныхъ фактахъ, затрудняешься рѣшить, какому изъ перечисленныхъ нами качествъ дать перевѣсъ. Правильнѣе всего, кажется, будетъ признать фактъ трогательнаго и гармоническаго сочетанія въ этомъ сортѣ людей всѣхъ поименованныхъ нами достоинствъ.

Подобныя записи вызываютъ нерѣдко горячіе протесты противъ себя со стороны той группы посѣтителей могилы, какую приводятъ сюда глубокое уваженіе къ памяти поэта, искренняя любовь къ нему и пониманіе великихъ его заслугъ передъ народомъ, изъ котораго онъ вышелъ. Характеръ этихъ протестовъ стоитъ въ зависимости отъ темперамента, лѣтъ и другихъ качествъ протестующаго: нѣкоторые изъ протестовъ написаны горячимъ, юношескимъ тономъ, не стѣсняющимся въ сильныхъ выраженіяхъ; такъ напримѣръ, одна изъ такихъ филиппикъ заканчивается слѣдующимъ четверостишіемъ.

«Чому ты, Тарасе, тоди не пиднявся?
Чому, якъ Хрыстосъ, за батигъ не узявся?

Зъ могылы святои прогнавъ бы собакъ,
Що памьять твою попыраютъ оттакъ»!

Другой посѣтитель, предпославшій своему протесту въ видѣ мотто извѣстный библейскій текстъ: «иззуй прежде сапогъ отъ ноги твоея, мѣсто на немъ же стоиши, свято есть», между прочимъ, пишетъ: «Бидни, убоги люде! Бидна Украина, котру оци лодари называютъ своею ненькою! Бидна й твоя слава, Тарасе батьку, оплеванная, стоптанная пьяпымы ногамы» и т. д....

На иныхъ записяхъ лежитъ отпечатокъ спокойной, но глубокой грусти по поводу безграничной человѣческой глупости и пошлости. Одинъ изъ посѣтителей могилы, по многимъ даннымъ,—«человѣкъ изъ народа» и, кажется, «недипломированный», вписавшій въ книгу цѣлое стихотвореніе, слабоватое правда, по формѣ, но не лишенное интереса по содержанію, искренности тона и глубинѣ пониманія музы Шевченка, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Тебе вшапуваты—навить на могылу не жалують нигъ.
Та тилькы й зуміють тебе помянуты чаркою горилкы,
На котру зодралы изъ своихъ братив
Послиднюю шкуру...

Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: каковъ національный составъ этой группы посѣтителей могилы великаго поэта, такъ безцеремонно-нагло издѣвающихся и надъ памятью поэта, и такъ глубоко оскорбляющихъ истинныхъ почитателей его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю націю? Такъ какъ господа эти часто не стѣсняются подписывать свои фамиліи подъ сдѣланными ими записями, а затѣмъ—такъ какъ значительное число грубо-циничныхъ записей написано по-украински, то съ большей или меньшей достовѣрностью, не боясь впасть въ ошибку, къ величайшему стыду нашему нужно признать, что пальма первенства въ циничныхъ выходкахъ принадлежитъ членамъ націи, давшей славянскому міру великаго поэта. И никто, если не ошибаемся, не позволяетъ себѣ больше и сильнѣе оскорблять поэта, какъ дѣти того народа, той Украины, во имя любви къ которымъ безсмертный и многострадальный поэтъ готовъ былъ, по его собственнымъ словамъ, положить душу свою.

По своей профессіи—это большею частью мелкіе чиновники, письмоводители или просто писаря, вышедшіе изъ народа, полуобразованные недоучки, оторвавшіеся отъ народа и не приставшіе къ интеллигентнымъ слоямъ общества, безпочвенные, деморализованные элементы его, превращающіе посѣщенія могилы поэта въ увеселительные лѣтніе пикники низшаго сорта.

Не боясь упрековъ за опасную экскурсію въ область сердцевѣдѣнія, не подлежащую оцѣнкѣ вслѣдствіе отсутствія наличности неоспоримыхъ объективныхъ данныхъ, мы попытаемся характеризовать вторую группу посѣтителей могилы поэта. Она можетъ быть характеризована ходячимъ, имѣющимъ весьма опредѣленное содержаніе понятіемъ «фильства». Если мы даемъ ей мѣсто тотчасъ послѣ группы, очерченной нами выше, то это еще не значитъ, что мы ее сближаемъ съ первой; напротивъ, эту вторую группу мы готовы помѣстить на почтительномъ разстояніи отъ первой.

Посѣщеніе могилы «поклонниками» первой группы является глубокимъ оскорбленіемъ памяти великаго поэта, позорнымъ и трудно смываемымъ пятномъ на физіономіи—sit venia verbo—нашего общества. Вторая группа посѣтителей могилы поэта не позволитъ себѣ *сознательно* оскорбить память его циничной выходкой; если же кто-либо въ пылу увлеченія и впадетъ въ этотъ грѣхъ, то естественное чувство стыдливости не позволитъ ему бравировать собой, своимъ поступкомъ и онъ сдѣлаетъ такъ, какъ сдѣлала одна, очевидно, молодая шалунья-барышня (кажется, гимназистка), которая, помѣстивъ какую-то банальную запись въ книгѣ, сей же часъ одумалась и, тщательно замазавъ ее карандашомъ, написала слѣдующія покаянныя строки: «Прости, Тарасъ Григоровичъ, что я написала здѣсь глупость. Но иногда находитъ затменіе». Это признаніе, дышущее наивностью непосредственной натуры, нисколько не оскорбительно; оно мило даже, если хотите... Но въ то же самое время эта группа имѣетъ кое въ чемъ точки соприкосновенія съ первой: нѣкоторые изъ членовъ ея способны что-нибудь такое «утнуть» на почвѣ своего неглубокаго «фильства», при видѣ чего можно только покраснѣть. Члены этой группы

именно и пополняютъ ряды «малороссіянъ», «малороссовъ, говорящихъ по-русски», «тоже немного малороссовъ», о которыхъ мы имѣли случай говорить выше. Эта группа посѣтителей старается всякими способами увѣрить и поэта, и посѣтителей его могилы въ своей «щырости», «щырой любви» къ «батьку-Тарасу», къ Украинѣ. Самыми излюбленными формулами записей этой группы посѣтителей могилы являются слѣдующія: «Бувъ на могыли ридного батька свого Тараса щырый украинець» (имя рекъ), или: «Посѣтилъ могилу батька Украины поклонникъ, истый украинецъ (имя рекъ; кстати—непремѣнно или почти всегда—полтавецъ какой-нибудь). При чемъ «щырые» или «истые» украинцы рѣдко ограничиваются простымъ заявленіемъ своей «щырости»; имъ всегда кажется этого недостаточнымъ, и они тщатся весьма часто сказать еще кое-что или по поводу своей «щырости» или по адресу «батька-Тараса», при чемъ обнаруживается нерѣдко, что въ «щырости щырихъ» или «истыхъ украинцевъ» весьма много лигатуры, и что для пріобрѣтенія ими пониманія значенія Шевченка и его идеаловъ имъ нужно знаній и общественнаго развитія не меньше, чѣмъ работы надъ рудой для пріобрѣтенія ею вида «чистаго злата».

Посѣтителей этой группы мы, конечно, не сливаемъ въ одну общую массу; напротивъ, между ними есть различіе, подчасъ весьма значительное. Въ этой группѣ вы можете встрѣтить и человѣка съ высшимъ образованіемъ или еще только стоящаго на извѣстной ступенькѣ къ нему, и семинариста, и гимназиста, и чиновника, и писаря какого-нибудь присутствія, и просто себѣ человѣка, скромно умолчавшаго о своемъ соціальномъ положеніи на ступенькахъ общественной лѣстницы. Каждый изъ этихъ людей, соотвѣтственно своему чину, званію, положенію, образованію и, наконецъ, литературному дарованію, выражаетъ свои мысли, чувства, впечатлѣнія и пожеланія. Вотъ передъ вами почитатели, считающіе нужнымъ прописать, что они чиновники (безъ обозначенія чина) контрольной палаты; вотъ почитатель, посѣтившій съ женою «незабвеннаго и досточтимаго Т. Г. Шевченка», и подписавшійся «коллежскимъ секретаремъ», чѣмъ привелъ другого

«поклонника» въ негодованіе, вызвавшее съ его стороны такое замѣчаніе: «велыка птыця—секретарь»! (нужно думать, что вознегодовалъ отъ «секретаря» или совершенно не имѣющій чина, или по меньшей мѣрѣ титулярный совѣтникъ, а то, пожалуй, и коллежскій ассесоръ); вотъ запись студента университета, предупредительно заявляющаго другимъ посѣтителямъ, интересующимся книгой для записей, что онъ «ех-студентъ» такого-то университета, а другой для вящаго импонированія и, нужно думать, для указанія болѣе близкой степени духовнаго родства къ поэту, считаетъ нужнымъ заявить, что онъ,—horribile dictu!—«студентъ-обструкціонистъ»; вотъ гимназистъ, сбросившій ненавистную гимназическую форму и надѣвшій заманчивый синій околышъ, какъ неоспоримое доказательство зрѣлости, но, вслѣдствіе каникулярнаго времени, находящійся еще, очевидно, въ межеумочномъ состояніи и поэтому подписывающійся «будущій студентъ»; вотъ группа семинаристовъ, «почитателей» поэта, изъ которыхъ двое считаютъ нужнымъ заявить, что они въ этомъ году окончили курсъ семинаріи; вотъ нѣсколько записей на русскомъ языкѣ, принадлежащихъ полтавскимъ семинаристамъ, заявляющимъ великому поэту, что они «поклонники» его, такимъ тономъ, что великій поэтъ долженъ принять это заявленіе не иначе, какъ за великую честь для себя, будучи удостоеннымъ такого вниманія со стороны столь знатныхъ особъ; вотъ запись какого-то «Полтавца», вписавшаго въ книгу слѣдующія знаменательныя строки: «Посѣтилъ и я могилу; произвела угнетающее и грустное впечатлѣніе; и предо мной, какъ истымъ украинцемъ, все прочитанное промелькнуло и вспомнилось. Полтавецъ». Вотъ «великолѣпная» по своему нарочито-куріозному стилю, но несомнѣнно, искренняя запись, принадлежащая «нижнимъ воинскимъ чинамъ управленія воинскаго начальника», которые заявляютъ, что они «посѣтили съ удовольствіемъ могилу, на что желая произнесть великолѣпное возхвалѣніе (sic) нашему поэту Тарасу Шевченку, якъ ридному нашому батьку» (слѣдуютъ подписи). Иные изъ посѣтителей этой группы непрочь и пофилософствовать и результатами своихъ философскихъ думъ (говоримъ

безъ тѣни ироніи и укоризны) подѣлиться съ читателями. Вотъ какъ, напримѣръ, философствуетъ одинъ, повидимому, искренній почитатель поэта и уже человѣкъ немолодой: «Каждый разъ при посѣщеніи этого святого мѣста у меня является много воспоминаній былого-прошлаго... Отрочество, юность и послѣдовательно зрѣлый возрастъ... Съ каждымъ годомъ воспоминанія ложатся все болѣе и болѣе тяжелымъ гнетомъ. Чувствуется приближеніе того момента, когда придется всякому изъ насъ переселиться въ тотъ невѣдомый міръ блаженнаго бытія или совершеннаго «небытія» тяжелаго, страшнаго для живыхъ и безразличнаго для мертвыхъ... Всѣ обращенія къ Тарасу Шевченку кажутся мнѣ несостоятельны: онъ чувствуетъ-ли и знаетъ-ли, что дѣлается здѣсь? Очень сомнѣваюсь! Онъ спитъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ»!..

Философія не изъ глубокомысленныхъ, а заключительныя строки ея совершенно не вяжутся съ предыдущимъ, но запись интересна тѣмъ, что въ ней сказалось настроеніе, вызванное мѣстомъ и личностью погребеннаго здѣсь человѣка, заставляющее посѣтителя каждый разъ въ умѣ перебѣгать свое прошлое и заглядывать вглубь своей души и совѣсти въ настоящемъ, что-то чувствовать и переживать такое, чего посѣтитель могилы не чувствуетъ и не переживаетъ въ другомъ мѣстѣ.

Другой посѣтитель могилы—съ чисто украинской фамиліей—пишетъ: «Посѣтилъ могилу и грустно мнѣ стало. А вдругъ всю свою жизнь человѣкъ даромъ трудился? Вѣдь все меньше и меньше становится почитателей приснопамятнаго Шевченка, и все меньше и меньше истыхъ сыновъ Малороссіи... Тяжко, важко»!..

Авторъ этихъ строкъ, не зная, очевидно, ни прошлаго, ни настоящаго, и глубоко увѣренный поэтому въ томъ, что «свѣтъ клиномъ сошелся», не мудрствуя лукаво, излилъ свою понятную скорбь. Въ этомъ достоинство записи.

А вотъ философія, можетъ быть, и глубокомысленнѣе, но и куріознѣе. Пофилософствовалъ авторъ на двухъ языкахъ—сначала по-украински, а потомъ по-русски. «Голова выдумуе, серце пидказуе, а рука водыть карандашемъ по цій бумази, чы то папери,—такъ объясняетъ авторъ записи секретъ творчества,—ве-

лыку славу Т. Г. Шевченку, который заповидавъ увсе свое жыття для нашого обогачинья «ума». Ны мало теперъ у насъ йе и ученыхъ и розумныхъ, але вси бажають (sic) Тараса. За що?.. а за те, що винъ побрехенькамы не занимався, а виддавъ свою долю для нашого обогачинья розума. Гирко, гирко, що мы не маемъ того, который бы потишывъ насъ своимы пысанпямы! Праця ёго велыка»!

Далѣе тотъ же авторъ пишетъ: «Изъ дальнихъ сторонъ, какъ я вижу, на могилу Т. Г. Шевченка стекается масса всякаго люду. Спрашивается, что заставляетъ ихъ расходоваться на такую поѣздку при такихъ неудобствахъ здѣшней мѣстности и не видя ровно ничего здѣсь красиваго и занимательнаго? (глядя, конечно, амофорически (sic)...) Ихъ влечетъ сюда невѣдомая сила посѣтить столь геніальнаго писателя, который потрудился для блага нашего, а потому расходы и всѣ неудобства остаются столь-же незамѣтными, сколь велики его произведенія!.. Благословляю мысль всѣхъ восхваляющихъ геніальнаго писателя и возношу мольбу къ Всевышнему о ниспосланіи ему царства небеснаго. Поклонникъ могилы Т. Г. Шевченка» (имя рекъ)... Запись эта близка по конструкціи, а иногда и по мыслямъ къ знаменитымъ записямъ Кузьмы Пруткова, но все-же она говоритъ въ пользу автора ея, какъ «поклонника могилы» поэта.

Но чаще всего «щыри поклонники» поэта стремятся облечь свои чувства и впечатлѣнія въ стихотворную форму. Ихъ вдохновляетъ съ одной стороны личность поэта, съ другой—необычайно живописная мѣстность и обстановка, и почти каждый изъ нихъ чувствуетъ непреодолимое желаніе на минуту стать хоть маленькимъ «поэтомъ» и «вшанувать батька-Тараса» своимъ «творомъ-экспромптомъ». Такихъ экспромптовъ въ книгѣ можно найти много, но мы не будемъ, конечно, утруждать ими вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что большая часть и не заслуживаетъ того, чтобы ихъ печатать. Содержаніе стихотвореній сводится къ тому, что большинство авторовъ пытается дать оцѣнку значенія музы Шевченка, выражаетъ сожалѣніе, что имъ не довелось быть современниками поэта, чтобы лично засвидѣтельствовать предъ нимъ

свое глубокое уваженіе, и приглашаетъ всѣхъ и вся плакать и сокрушаться по поводу ранней смерти поэта и т. п. Для примѣра приводимъ здѣсь два-три «экспромпта».

Дывлюся я на тебе,
Мылый батьку нашъ, Тарасъ,
Скилько лыха ты на себе
Понаклыкавъ изъ-за насъ!—

пишетъ одинъ посѣтитель. А вотъ еще образчикъ посвященія поэту:

Былъ я первый лишь разъ
У тебя на могилѣ,
И могилу твою,
Украины Парнасъ,
Позабыть я буду не въ силѣ!

Весьма характернымъ на нашъ взглядъ является слѣдующее четверостишіе, подписанное псевдонимомъ «Черниговецъ», который обращается къ поэту съ такой просьбой:

Порадь мене, ридный батьку,
Якъ на свити жыты,
. . . .
И Украину любыты.

Въ общемъ же, по прочтеніи записей и поэтическихъ опытовъ этой группы посѣтителей въ душѣ остается какой-то непріятный осадокъ, какое-то чувство горечи и обиды и за поэта. и за почитателей его. И чѣмъ сильнѣе эти послѣдніе стараются увѣрить васъ въ своей «щырости», тѣмъ становится непріятнѣе. потому что вы чувствуете, что эти увѣренія плаваютъ на поверхности неглубокихъ водъ сознанія «щырихъ поклонниковъ» поэта и отъ нихъ никому ни холодно, ни тепло: ни великому поэту, ни тѣмъ, интересамъ кого наиболѣе служила его муза... При чтеніи подобныхъ записей невольно бросается въ глаза еще

одно мелкое, но характерное обстоятельство: сплошь и рядомъ «щыри» почитатели поэта и «щыри украинци» превозносятъ Шевченка, увѣряютъ его въ своихъ чувствахъ на русскомъ діалектѣ, а затѣмъ—несмотря на увѣренія, или прикрываются псевдонимами, или ограничиваются иниціалами, или прописываютъ свои фамиліи такъ, что спустя нѣкоторое время навѣрное и сами не разберутъ своей подписи. Этимъ мы не хотимъ выразить непремѣннаго требованія подписывать свои фамиліи полностью, а только отмѣчаемъ фактъ необычайной скромности истыхъ украинцевъ. «Что, молъ, тебѣ въ имени моемъ? Для тебя важна моя «щыристь» и «истость», а не имя,—имя пустой звукъ».

И поверхностный характеръ «щырости», и нѣкоторая фальшивость тона увѣреній въ ней чувствуется не только нами, но и другими посѣтителями могилы. Такъ, одного изъ посѣтителей могилы, человѣка, какъ видно изъ его многочисленныхъ критическихъ замѣчаній ко многимъ записямъ, довольно добродушнаго, по поводу одной записи, принадлежащей какому-то полтавцу, какъ говорятъ, «взорвало», и онъ рѣзко замѣтилъ: «мабудь у свити немае ничого гиршого, якъ ти полтавци»! Мы не раздѣляемъ, конечно, нѣсколько пристрастнаго отношенія автора замѣчанія къ полтавцамъ и не ставимъ въ ихъ спеціальный счетъ того, что должно быть вписано въ общій счетъ всѣмъ «щырымъ украинцамъ», и поэтому больше склонны согласиться съ двумя замѣчаніями, принадлежащими «не малороссамъ», какъ значится въ подписяхъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «При посѣщеніи могилы Т. Шевченка меня крайне поразило то небрежное отношеніе г.г. «почитателей» единственнаго малороссійскаго поэта къ его памяти. Нѣтъ ни порядочнаго памятника, ни хорошо устроенной могилы, а между тѣмъ въ книгѣ написана масса разныхъ громкихъ, но очевидно пустыхъ словъ и фразъ. Стыдно, г.г. хохлы»! Авторъ другого замѣчанія говоритъ: «Очень жаль, что г.г. туристы въ своихъ распискахъ стараются порисоваться или выставить на показъ свои таланты, нисколько не интересуясь цѣлью посѣщенія. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ этихъ громкихъ эпитафій исковер-

каннаго малороссійскаго языка трудно найти что-либо искреннее и сердечное по адресу писателя»!

Эти двѣ очень слабыя по мысли и композиціи записи до извѣстной степени могутъ быть признаны справедливыми—именно въ тѣхъ своихъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ искренности и громкихъ фразахъ.

Характеристика второй группы была бы неполной, если бы мы обошли молчаніемъ еще одно обстоятельство, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Иногда посѣтители очерченной нами группы, на ряду съ увѣреніями «батька Тараса» и его почитателей въ своей «щырости», дѣлаютъ такія записи, подъ которыми «батько-Тарасъ» не только бы не подписался, а и не позволилъ бы этимъ «щыримъ» почитателямъ своимъ узурпировать право именовать его «батькомъ» ихъ, такъ какъ эти «духовныя дѣти» поэта обнаруживаютъ полное непониманіе идеаловъ его и духа его твореній,—непониманіе не менѣе грубое, чѣмъ обнаружили апостолы въ одно время, предлагавшіе своему великому Учителю послать кару небесную на городъ, не принявшій ихъ проповѣди. Вотъ нѣсколько примѣровъ этой «медвѣжьей услуги», оказываемой безсмертному пѣвцу завѣтовъ братства и любви со стороны «щырихъ украинцивъ».

«Бувъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ—на могыли нашого риднного украинського поэта Т. Шевченка. Дуже дывуюсь, що на ціеи могыли така прорва жыдивъ и ляхивъ».

Другой посѣтитель, видимо не лишенный образованія и посылающій упреки по адресу посѣтителей, оскорбляющихъ память поэта грубыми и пошлыми выходками, также юдофобствуетъ, пытаясь при этомъ даже дать нѣкоторое обоснованіе своему юдофобству. Вотъ часть этой записи: «Браты мои! Въ нашъ культурный вѣкъ я никогда не ожидалъ, чтобы посѣтители могли такъ относиться нехорошо къ памяти «батька-Украины» Шевченка, позволяя себѣ вписывать въ книгу то, что непозволительно даже малымъ дѣтямъ (?); весьма желательно было-бы имѣть хоть малѣйшій надзоръ за такими личностями; замѣтки же евреевъ совсѣмъ неумѣстны, равно какъ и ихъ посѣщенія, такъ какъ не-

забвенный Тарасъ не включилъ ихъ въ списокъ «бративъ»... На эту запись кѣмъ то положена рецензія: «Начато хорошо, но не удержался отъ глупистики»... Приведенной рецензіей можно и ограничиться по поводу юдофобской выходки «щырого украинця»...

Третью группу посѣтителей могилы мы бы назвали «посѣтителями безъ тенденціи». Образъ великаго поэта имъ милъ и дорогъ, потому что его безсмертныя произведенія пробуждаютъ въ нихъ гуманныя чувства, гуманныя движенія сердца и побуждаютъ къ соотвѣтственнымъ поступкамъ, и они, при случаѣ, выражаютъ свою любовь и уваженіе къ поэту посѣщеніемъ его могилы. Въ составъ этой группы входятъ и его единоплеменники, и люди другихъ націй: великороссы, евреи, поляки и др.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ записей, очевидно, принадлежащая посѣтителю «безъ тенденціи» и носящая характеръ своего рода исповѣди. «Добрый батько, Тарасе! Спасыби тоби за твои думы-писни. Чытаючы ихъ, я неначе сповидався передъ тобою въ своихъ грихахъ. Бильше всёго тоди, якъ знавъ, що вынenъ передъ дивчыною... Для мене, да и для всякого, писни твои, батьку Тарасе, булы наукою; робылы мене чыстійшымъ, лучшымъ. И якъ, бувало, забудешся и почнешъ зновъ робыты по старому, то згадаешъ тебе и твою щыру любовъ до «тыхъ дивчатъ безталанныхъ», любовъ батька и самъ тоди (далѣе вырвано)... братомъ».

Такимъ же характеромъ отсутствія тенденціи запечатлѣна, напр., запись по-бѣлорусски одного посѣтителя, подписавшагося «странствующимъ бездольнымъ учителемъ», который, по его словамъ, «крѣпко Богу помолився, заплакавъ, глядивши на твой (Тарасовъ) хрестъ, отдыхавъ и пошовъ по свѣту бродить, твой приказъ выповнять, людей добру учить и тебя батьку не забывать»...

Одна изъ такихъ посѣтительницъ, отмѣтивъ въ книгѣ день своего посѣщенія, выражаетъ сожалѣніе, что «не можетъ написать такъ поэтично, какъ писали многіе»; другая, очевидно гимназистка, отъ полноты охватившаго ее чувства только и смогла

написать: «Какъ я люблю Тараса Шевченка, душка!» Иные опредѣленно говорятъ, что̀ привлекло ихъ на могилу поэта. «Удалось мнѣ—пишетъ одинъ изъ такихъ посѣтителей,—осуществить свою завѣтную мысль: посѣтить мѣсто твоего упокоенія, незабвенный украинскій поэтъ, который думами своими не разъ волновалъ мое сердце».

Четвертую группу посѣтителей могилы составляютъ люди, совершающіе свое путешествіе съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ того, что̀ они дѣлаютъ и для чего дѣлаютъ. Это дѣйствительные почитатели памяти и произведеній народнаго генія, которыхъ приводитъ сюда величіе и обаятельная сила личности поэта, ясное и глубокое сознаніе важности свершеннаго имъ дѣла и сила узъ, связывающихъ тысячами невидимыхъ, духовныхъ нитей ихъ собственное *я* въ его сознаніи и дѣятельности съ духовно-моральнымъ обликомъ и дѣятельностью безсмертнаго пѣвца народныхъ думъ, горя и слезъ. Эти люди испытываютъ непреодолимую потребность или отъ времени до времени, или хотя разъ въ жизни посѣтить могилу Т. Г. Шевченка, поклониться его праху, посидѣть у подножія высокаго креста и мысленно побыть въ обществѣ поэта среди величественной и торжественной тишины пышной красавицы—украинской природы, положившей первые зачатки вдохновеннаго таланта поэта-самородка. Было бы большой ошибкой думать, что эта группа однообразна по своему составу и характеру. Совсѣмъ нѣтъ. Первыя три группы, судя по фамиліямъ и другимъ признакамъ, состоятъ преимущественно изъ «сыновъ Украины» и частью изъ великоросовъ; въ составъ же послѣдней входятъ украинцы мѣстные и галицкіе, великороссы, поляки, евреи, нѣмцы и др. Посѣтители этой группы ограничиваются скромной записью своихъ фамилій—иногда съ прибавкою двухъ-трехъ глубокопрочувствованныхъ словъ; иногда они посвящаютъ нѣсколько строкъ прозы или стиховъ, высказываютъ desiderata, иные посвящаютъ нѣсколько строкъ выраженію полныхъ горечи и сѣтованій упрековъ по адресу посѣтителей, позволяющихъ себѣ оскорблять святость мѣста и величіе памяти поэта и т. п. Вотъ, напримѣръ, вырвавшаяся, несомнѣнно, изъ глубины сердца крат-

кая, но краснорѣчивая запись: «Серце, друже, батьку, брате! Тоби покланяюсь»... Или: «просты, батьку, що мы до-ладу й згадаты тебе не вміемо, та плачемо по тоби не такыми слёзамы, якъ бы ты бажавъ».

«Хочъ тебе мы й не бачымъ—усе жъ ты передъ намы»—пишеть третій посѣтитель.

«Миръ праху твоему, дорогой учитель!»—стоитъ скромная, но много говорящая запись.

«Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія заношу въ эту книгу свое имя, какъ воспоминаніе о моемъ посѣщеніи могилы великого украинского поэта»,—читаемъ мы запись, которая производитъ впечатлѣніе оазиса въ безводной песчаной степи.

Вотъ также трогательная запись. «Одынадцять литъ не одвидувавъ Тебе я, велыкый Тарасе, и радуюсь, що Богъ помигъ мени ще разъ побачыты твою могылу... съ жинкою... и сынкомъ». Близка по содержанію и духу къ приведенной слѣдующая запись: «Року Божого 1898, лищя 20 завитавъ я зъ дружыною своею на могылу батька-Тараса, щобъ здобуты для неи благословеніе ёго». Или вотъ, крайне старательнымъ и четкимъ почеркомъ выведена слѣдующая простая, но искренняя запись (сохраняемъ орфографію): «Любый Тарасе, давно я желалъ побывать у тебя, исполнилось завѣтное желаніе. Дай Богъ, еще разъ погостить у тебя и спасибо великое человѣку, поправившему твою могилу и крестъ».

Вотъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ, написанныхъ рукою пожилого человѣка: «Лыбонь у 1871 р. я бувъ тутъ. Велыка перемина зъ того часу! Спасыби добрымъ людямъ, що похлопоталысь, скилькы сыла змогла, а прывелы хоть трохы до-порядку святе для насъ украинцивъ мисце. Поможы вамъ, Боже, и надальше въ цимъ дили и во всихъ вашыхъ добрыхъ помыслахъ». Слѣдуетъ подпись посѣтителя, послѣ которой дописано: «и сынкы». Подписи «сынкивъ» сдѣланы старательнымъ дѣтскимъ почеркомъ.

«Слава Богу! и я побувавъ на твоій могыли... Мыръ твоимъ останкамъ, Батьку-Тарасе! А за все недобре, напысане въ кныжци, тилько можу сказаты: «Господы, просты имъ,—воны не знають,

що роблять». Эту запись мы отмѣчаемъ особенно, потому что она принадлежитъ человѣку, судя по фамиліи «изъ народа», даже однофамильцу поэта, а судя по почерку и орфографіи—человѣку молодому, и даже недостаточно твердому въ знаніи правилъ правописанія,—это разъ, а во-вторыхъ—по тому впечатлѣнію, какое она произвела на одну изъ посѣтительницъ могилы поэта. «Вы совершенно правы—пишетъ эта посѣтительница,—и такъ какъ эта фраза относится и ко мнѣ, то я благодарна, что вы направили меня на путь истинный».

Посѣтители этой категоріи нерѣдко также выражають свои мысли и чувства и въ стихотворной формѣ. Встрѣчаются стихотворенія болѣе или менѣе удовлетворительныя, иногда положительно хорошія и по содержанію, и по формѣ. Объ одномъ изъ такихъ стихотвореній мы уже упоминали выше. Вотъ два небольшія стихотворенія, написанныя на поляхъ «Кобзаря» противъ «Заповиту»:

Ты вмеръ, а слово правды,
Що людямъ ты зоставывъ въ заповитъ,
Якъ проминь сонця завжди
Намъ ясно свитыть и горыть.

Въ другомъ стихотвореніи авторъ на поставленый кѣмъ то вопросъ: слышить-ли батько Тарасъ въ домовыни, что дѣлается на Украинѣ, отвѣчаетъ:

Винъ чуе и баче и шле тоби, брате,
Отвитъ черезъ мене: мицна наша маты,
Мицни іи диты; козацькой душою
Давно вже готують на ворога зброю.
Загынувъ татарынъ, що зъ нею змагався,
Іи не подужавшы ляхъ надирвався...
И ныни ни писня, ни мова роскишна
Не згыне, не згыне й Украина пышна!

Довольно удовлетворительнымъ мы находимъ и слѣдующее стихотвореніе:

До праци для щастя родыны
Пидъ гасломъ святого хреста
Будывъ ты сынивъ Украины,
Будывъ ты и села й миста.
До праци за-для сиромахы-народа
Ты клыкавъ ученыхъ людей,
Гукавъ и до вбогого ты хлибороба:
«Хай коженъ освитыть дитей»!

Есть въ книгѣ нѣсколько стихотвореній и на русскомъ языкѣ. Вотъ одно изъ нихъ только безъ конца, такъ какъ слѣдующая страница, на которой оно оканчивалось, къ сожалѣнію, вырвана.

Ужели ты, привольной Украйны
Любимый сынъ, вдали ея угасъ?
Ужель твой взоръ въ предсмертный часъ
Не зрѣлъ знакомыя картины
Привольной родины твоей:
Ея сады, деревни, нивы,
Днѣпра безбрежные разливы
Съ стадами утокъ и гусей
И Марусеньки «чорнобривой»
Лукавый взглядъ между вѣтвей
Цвѣтущихъ яблонь, грушъ и сливы?
Увы, одинъ среди людей
Съ сердцами черствыми, томимый
Любовью къ родинѣ своей,—
Ты умеръ, ближними гонимый.
Живой, къ родимымъ небесамъ
Душой ты рвался сквозь преграды,
Но скупъ былъ «Сѣверъ» на награды,
А на мольбы былъ скупъ ты самъ...
И вотъ, угаснулъ ты, и «тамъ»
Твое стремленіе признали,—
И кони быстрые помчали
Тебя къ Днѣпровскимъ берегамъ...

И вотъ, лежишь ты одинокій,
Какъ жилъ, въ могилѣ надъ рѣкой...

На этихъ словахъ обрывается стихотвореніе.

Г. К. Позняковымъ лѣтомъ 1901 г. лично принесено на могилу и вписано въ книгу стихотвореніе, составленное имъ въ годовщину смерти Т. Г. Шевченка, 25 февраля 1882 г. Вотъ оно:

Пѣвецъ! Хоть съ міромъ ты разстался,
Но ты живешь въ своихъ стихахъ:
Ты навсегда намъ милъ остался,
И горячо мы чтимъ твой прахъ—
За то, что всѣ таланта силы
Родной землѣ ты посвятилъ,
Что былъ ей вѣренъ до могилы
И, какъ себя, ее любилъ;
За то, что ты своей Украйны
Глубоко нужды понималъ;
Ея намъ раскрывая тайны,
Съ ней вмѣстѣ плакалъ и страдалъ;
Что честно ты служилъ народу:
Что, самъ, родившійся рабомъ,
Ты пѣлъ народную свободу
Любви исполненнымъ стихомъ.

Г. Бѣлоусовымъ, переводчикомъ многихъ произведеній изъ «Кобзаря», при посѣщеніи могилы посвящено поэту слѣдующее небольшое стихотвореніе.

Издалека сюда рвалася
Мечта крылатая моя...
Могилѣ славнаго Тараса
Поклонъ глубокій отдалъ я...
Спи, батько, съ миромъ! Украины
Народъ тебя не позабылъ,—

За то, что за него страдая,
Его до смерти ты любилъ!..

Характеромъ интеллигентности запечатлѣны записи о посѣщеніи могилы со стороны поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ: они всѣ кратки,—изъ двухъ-трехъ словъ, сдержанны, но проникнуты глубокимъ пониманіемъ важности и значенія музы Шевченка. Во всѣхъ этихъ записяхъ Тарасъ Григорьевичъ величается «великимъ», «sławetnym» поэтомъ; иногда въ нихъ выражается удивленіе по поводу того, что такъ мало посѣщается могила и что она такъ убого содержится. «Спы спокійно, дружыще нашъ»!—приписалъ по-украински одинъ посѣтитель полякъ, отмѣтивши раньше по-польски время своего посѣщенія.—«Zwiedzałi pomnik sławnego Poety»—такъ отмѣчаютъ свое посѣщеніе могилы два гимназиста... *третьяго* класса.

Насколько можно судить по почерку и орфографіи письма, большинство евреевъ—посѣтителей могилы состоитъ кажется, изъ людей «недипломированныхъ», но ни одного изъ посѣтителей этой націи нельзя заподозрить въ оскорбительномъ отношеніи къ памяти поэта. Считаемъ нужнымъ упомянуть объ этомъ въ виду протестовъ «щырихъ украинцевъ» противъ евреевъ. Приводимъ также двѣ записи, подписанныя чисто еврейскими фамиліями, съ сохраненіемъ орфографіи. «Слава тибѣ украинскій Поэтъ да будитъ съ рода въ Родъ»,—пишетъ одинъ посѣтитель. Другая запись принадлежитъ человѣку вполнѣ, повидимому образованному. Вотъ она: «Въ тихій іюньскій вечеръ пришелъ я на твою могилу, великій пѣвецъ Украины. Полный глубокаго уваженія къ памяти о тебѣ,—я взошелъ на холмикъ, который подъ тяжестью своей хранитъ твой прахъ.—Пусть же слава и память о тебѣ глубоко хранится въ сердцѣ каждаго малороссіянина».

Встрѣчаются въ книгѣ записи о посѣщеніи могилы поэта и зарубежными братьями его, галицкими украинцами. Въ общемъ за пять лѣтъ (1897—1902 г.) ихъ немного: не больше двухъ десятковъ. Среди посѣтителей-галичанъ встрѣчаются фамиліи весьма извѣстныя, какъ напр.: посла Барвинскаго, извѣстной писатель-

ницы Ольги Кобылянской, посла и профессора Смаль-Стоцкаго, Кокурудза и др.

Считаемъ нужнымъ упомянуть о посѣщеніи могилы родственниками поэта. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что эти посѣщенія, судя по записямъ, весьма немногочисленны: ихъ отмѣчено въ книгѣ не больше пяти. Записи эти кратки и скромны,—какъ напримѣръ: «Навидувавсь ридный племинныкъ Питро зъ дитьмы, сынъ старшого брата поэтового»; или «Поситывъ Дедушку Тараса Шевченка онукъ его Григорій Д. Шевченко». Записи выведены, очевидно, съ трудомъ, малопривычною къ письму, мозолистой крестьянской рукой.

Здѣсь, кажется намъ, кстати будетъ упомянуть о томъ, что среди часто попадающихся въ книгѣ записей, вписанныхъ мозолистыми руками, посѣтителей-крестьянъ, намъ не приходилось встрѣчать ни одной неумѣстной, а тѣмъ болѣе пошлой.

Наконецъ, нѣсколько словъ о desiderata, какія встрѣчаются въ книгѣ. Въ общемъ ихъ весьма немного; нѣкоторыя изъ нихъ должны быть признаны умѣстными и приняты къ свѣдѣнію. Вотъ, напримѣръ, одинъ проэктъ. «Было бы желательно поставить на одномъ изъ ближайшихъ къ могилѣ утесовъ статую Т. Г. Шевченка такой величины, чтобы ее было видно далеко (аршинъ 10—12). Скульптурная работа (модель) будетъ сдѣлана безплатно,—потребуются средства, чтобы отлить статую изъ бронзы. Лица, сочувствующія этому, благоволятъ сooобщить свои соображенія относительно осуществленія по адресу: «Въ Харьковъ. Н. Н. Сабо, Никольская площадь, 29, кв. 7».

Болѣе близкимъ къ осуществленію и болѣе необходимымъ и полезнымъ нужно признать проэктъ другого посѣтителя,—«снять точныя копіи съ художественныхъ произведеній Тараса Григорьевича, разбросанныя по частнымъ рукамъ и музеямъ, и помѣстить ихъ въ хатѣ, на могилѣ поэта, для ознакомленія посѣтителей и съ художественнымъ дарованіемъ великаго поэта». Не менѣе желательнымъ нужно также признать выраженное другимъ изъ посѣтителей desideratum—видѣть въ Тарасовой хатѣ всѣ изданія его произведеній, всѣ его портреты и біографіи, за-

вести продажу «Кобзарей» и отдѣльныхъ произведеній поэта, выручку отъ продажи которыхъ обратить на поддержаніе хаты и могилы; наконецъ, для этой же цѣли, устроить кружку.

Въ заключеніе нашего очерка мы должны упомянуть еще и о тѣхъ многочисленныхъ посѣтителяхъ, которые не дѣлаютъ никакихъ отмѣтокъ о своихъ посѣщеніяхъ могилы поэта. Ихъ, несомнѣнно много, но они по разнымъ причинамъ не вносятъ своихъ фамилій въ книгу. Иногда, насколько мы знаемъ, ихъ удерживаютъ отъ этого неприличныя записи въ книгѣ. Мы не раздѣляемъ этого соображенія и брезгливости, потому что—отсутствіе записей дѣйствительныхъ почитателей поэта только лишь усиливаетъ тяжелыя чувства досады, стыда и горечи при просмотрѣ книги для записи фамилій посѣтителей.

Ф. Матушевскій.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.

III.

Начало литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго. «Малороссійскія вирши» О. М. Бодянскаго. Участіе его въ «Телескопѣ» Надеждина. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ пословицахъ и поговоркахъ, собранныхъ В. Н. С.» Полемика по поводу этой статьи. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ повѣстяхъ Грыцька Основьяненка».

Въ 1834 году О. М. Бодянскій окончилъ университетъ [1]) и былъ опредѣленъ учителемъ одной изъ московскихъ гимназій [2]).

Литературная дѣятельность его началась еще въ семинаріи [3]). Покойный проф. А. А. Котляревскій говоритъ по этому поводу: «по свидѣтельству одного школьнаго товарища своего, еще тогда Бодянскій отличался особенною любовью къ упражненіямъ по

---

[1]) Кандидатскій дипломъ Бодянскому былъ присужденъ 30 іюня 1834 г. (Рус. Ст. 1879 г. кн. II, стр. 462).

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. II, стр. 434.

[3]) Въ студенты О. М. Бодянскій былъ зачисленъ 28 декабря 1831 года.

словесности, игралъ—въ «комедійныхъ дѣйствіяхъ»—роль Наполеона. «Малороссійскія пѣсни» Максимовича (М. 1827), въ особенности одушевленное «введеніе» къ нимъ возбудили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей его родины» [1]). Откуда почерпнулъ эти свѣдѣнія А. А. Котляревскій—мы не знаемъ. Но онъ близко стоялъ къ О. М. Бодянскому, и, очень можетъ быть, что свѣдѣнія эти сообщены ему самимъ же Бодянскимъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ указаніе на то, что уже съ 1830 года Бодянскій собиралъ въ полтавской губерніи произведенія малорусскаго народнаго творчества [2]). Въ этомъ могло, конечно, сказаться вліяніе изданныхъ М. А. Максимовичемъ «Малороссійскихъ пѣсенъ». Но объяснять исключительно ими охоту Бодянскаго «къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей своей родины» было бы, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ точно. Есть полное основаніе думать, что и воспитаніе О. М. Бодянскаго въ переяславской семинаріи не мало способствовало этому. Мы, по крайней мѣрѣ, видѣли уже и растущій у О. М. Бодянскаго интересъ къ книгѣ и къ своей родинѣ Малороссіи. Почва создавалась постепенно, но чрезвычайно прочно. «Бодянскій, какъ малороссъ, говоритъ проф. Н. Ф. Сумцовъ, сохранилъ украинскія симпатіи въ теченіе всей своей жизни въ сферѣ научнаго изученія украинской старины и народной поэзіи. Для Бодянскаго эти симпатіи были творческой живительной силой» [3]).

Въ семинаріи у О. М. Бодянскаго явилось влеченіе къ творчеству на родномъ языкѣ [4]). Свои литературные опыты началъ онъ со стиховъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Рѣдкій человѣкъ въ то время не писалъ стиховъ, да и въ наше время

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 432.

[2]) *I. М. Бодянскій.* О народной поэзіи славянскихъ племенъ, стр. 136. Примѣчаніе.

[3]) *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V стр. 65.

[4]) Вирши О. М. Бодянскаго, напечатанныя въ «Молвѣ» 1833 г., помѣчены 1831 г. Подъ «Козацкой пѣсней» стоитъ болѣе точная помѣта «20 мая 1831 г. Переяславль».

литературные опыты начинаются обыкновенно со стихотвореній. Въ своихъ «виршахъ» Бодянскій старался выразить мысли и чувства, которыя волновали его на семинарской скамьѣ. Мы увидимъ, что онѣ—тѣ же, съ которыми мы встрѣчались уже отчасти въ письмахъ О. М. Бодянскаго къ отцу.

На сколько намъ извѣстно, первыя литературныя произведенія Бодянскаго появились въ печати въ 1833 году въ 99-мъ номерѣ «Молвы», газеты, издававшей при «Телескопѣ» Надеждина. Указаній на болѣе раннія печатныя произведенія О. М. Бодянскаго у насъ нѣтъ. Первымъ печатнымъ произведеніемъ О. М. Бодянскаго были, такимъ образомъ, «*Малороссійскія вирши*». Ихъ—четыре. Одна изъ нихъ «*До папа здателя Слухивъ*», т. е. до издателя «Молвы» написана, очевидно, въ 1833 году, когда Бодянскій рѣшилъ напечатать свои вирши; три другія носятъ помѣту 1831-мъ годомъ и сочинены О. М. Бодянскимъ еще на семинарской скамьѣ. Это—«*Козацкая пѣсня: Епитафія Богдану Хмельницкому и Сухая ложка (апологъ)*. Въ моментъ ихъ печатанія Бодянскій былъ уже студентомъ московскаго университета. Свое настоящее имя онъ скрылъ подъ псевдонимомъ «*А. Бода-Варвынець*», при чемъ *Бода*, по всей вѣроятности сокращено изъ фамиліи Бодянскій, а *Варвынець* означало жителя мѣстечка Варвы, лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, откуда, какъ извѣстно, О. М. Бодянскій былъ родомъ

Литературныя достоинства «Малороссійскихъ виршей» О. М. Бодянскаго—не велики. Стихъ въ нихъ тяжелъ и неуклюжъ; видно, не легко онъ давался автору. Вирши имѣютъ, поэтому, только біографическій интересъ, да еще, пожалуй, со стороны малорусскаго языка, которымъ онѣ написаны. Бодянскій былъ большимъ знатокомъ своего родного языка и, по отзыву спеціалистовъ, писалъ на немъ такъ, какъ писали только немногіе [1]).

Мы перепечатываемъ вирши цѣликомъ. Такъ будетъ виднѣй характеръ поэтическаго творчества О. М. Бодянскаго. Газета «Молва», въ которой вирши напечатаны, составляетъ теперь би-

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 434.

бліографическую рѣдкость, доступную для немногихъ. Даже проф. Н. И. Петровъ въ своихъ «Очеркахъ украинской литературы XIX ст.» не приводитъ ни одной изъ виршей Бодянскаго, напечатанныхъ въ «Молвѣ», а для образца ограничивается только перепечаткой изъ «Молодика» за 1843-ій годъ вирши «Кирилови Розуму» [1]).

Въ 99-мъ номерѣ «Молвы» за 1833-й годъ напечатаны слѣдующія четыре «Малороссійскія вирши» О. М. Бодянскаго:

До пана здателя Слухивъ [2]).

Колы такъ дуже люблятъ Ваши Слухы,
Такъ къ имъ летятъ, якъ отъ до меду мухы:
Мій Батечку! Не пожалѣй папиру—
Пусты си Виршы съ Слухамы по міру:
А ось людыци найдуцьця,
Що, геть, зъ ихъ посмѣюцьця...

А. Бода-Варвынецъ.

Козацкая пѣсня.

(По случаю возстановленія Малороссійскихъ Казацкихъ полковъ, 6 мая 1631 (1831 ?) года).

Ой нуте, Брацьця! Гей Братыца!
Якъ мога лусомъ за спысыца!
Сѣдлайте коней вороныхъ,
Якъ зміивъ отъ лыхыхъ!
Швыдчій одгострюйте шаблюкы!
По пари пистолетивъ въ рукы!
Козацькы шапкы на бакыръ:
Вже годи кажный буть мугыръ!

---

[1]) *Н. И. Петровъ.* Очерки, стр. 186.

[2]) «Молва» 1833 г., № 99, стр. 393—394. Мы самымъ точнымъ образомъ сохраняемъ правописаніе въ томъ видѣ, какъ вирши напечатаны.

Нумъ бороныты Украину,
Якъ матирь подобае сыну!
Скорѣй ходимо на Ляхивъ,
Да станемъ быть зусѣхъ шляхивъ!
Ще не забулы мы Богдана,
Козацкого свого Гетьмана,
Якъ зъ вiйськомъ винъ ихъ тормошывъ.
Якъ ихъ, де ни пiймавъ, душывъ...
Дамося знать свою уроду:
Всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду!...

20 мая, 1831. Переяславль.

Епитафія Богдану Хмѣльницкому.

Богдане! Батьку нашъ! ось де ты спать уклався!..
Спы, Тату!... Бо свое ты вже опрацёвавъ...
Спасытель Бигъ! Насъ, дѣтей своихъ ты не цурався!
Да тилькы жаль, що ты не довго пановавъ!..

1831.

Сухая ложка.

(Апологъ).

— «А що, Корнѣю, якъ? Чія бере?
Що Панъ Судьдя тобѣ сокоче»?
— «А вже-жъ не що: бачъ вырвы хоче»!
— «Э. дать: сухая ложка ротъ дере»!

1831.

А. Бода-Варвынець.

Первая изъ приведенныхъ выше виршей адресована къ издателю «Молвы» и сопровождала, очевидно, посылку трехъ остальныхъ стихотвореній. Авторъ проситъ у издателя не пожалѣть бумаги, пустить вирши по бѣлому свѣту: авось, можетъ быть, найдутся люди, которые и посмѣются надъ ними.

Вторая вирша написана подъ впечатлѣніемъ указа императора Николая I отъ 6 мая 1831 г. о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ [1]). Изъ переписки съ отцомъ мы знаемъ, что указъ этотъ обрадовалъ О. М. Бодянскаго. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на «милость» императора Николая I къ Малороссіи. Объ этой милости онъ немедленно же поспѣшилъ сообщить своему отцу [2]), а чувства свои выразилъ въ виршѣ. Конецъ вирши тоже вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнему патріотически-воинственному настроенію Бодянскаго, вызванному польскимъ возстаніемъ 1831 года. Въ своемъ патріотическомъ ожесточеніи Бодянскій доходилъ въ это время до того, что въ одномъ изъ писемъ къ отцу, какъ мы уже знаемъ, поляковъ называлъ *подляками* и не безъ удовольствія предсказывалъ истребленіе самого имени поляковъ, находя, что это будетъ «котузи по заслузи» [3]). Такимъ же кровожаднымъ характеромъ отличается и конецъ вирши. Припоминая, что Богданъ Хмельницкій вездѣ, гдѣ только ни ловилъ поляковъ, «душилъ» ихъ, Бодянскій и теперь рекомендуетъ поступить такъ же: «всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду»!

Третья вирша содержитъ эпитафію Хмельницкаго. По какому поводу написана она, мы не знаемъ. Конечно, Бодянскій не видѣлъ могилы Богдана. Вѣроятно, эпитафія явилась слѣдствіемъ знакомства съ личностью гетмана, съ тѣмъ временемъ.

Четвертая вирша чисто-житейскаго характера. Она имѣетъ въ виду, конечно, взяточничество. Мы знаемъ, что Бодянскій, хорошо испыталъ при своихъ хлопотахъ о поступленіи въ Педагогическій институтъ, всю силу взятки. Можетъ быть, это обстоятельство не осталось, между прочимъ, безъ вліянія и на появленіе вирши изъ подъ его пера. «Кто мажетъ, тотъ ѣдетъ скорѣе»

---

1) 2-е П. С. Зак. № 4536.

2) Чтенія въ Общ. истор. и древ. 1893 г. кн. III, стр. 56. Переписка Бодянскаго съ отцемъ.

3) Переписка Бодянскаго съ отцомъ. Чтенія 1893 г., кн. III, стр. 54.

писалъ онъ въ письмѣ къ отцу, уговаривая его дать взятку инспектору семинаріи [1]); «сухая ложка ротъ дере»—заканчиваетъ онъ свою виршу.

Въ 1832 году О. М. Бодянскимъ написано четверостишіе «Кирилови Розуму», т. е. Кириллу Разумовскому, который, какъ извѣстно, былъ послѣднимъ гетманомъ Малороссіи. Вирша эта выражаетъ собой думы автора на могилѣ послѣдняго гетмана:

«Постій, козаче, не би́жи!
Ось глянь на хрестъ! читай, чія могила!
Остатнёго се ге́тьмана Кирила!
Присядь же, брате, потужи»!

Стихотвореніе подписано именемъ І. Бодянскаго и помѣчено Москвой 24 апрѣля 1832 года, когда авторъ былъ, значитъ, студентомъ московскаго университета. Оно долго валялось въ рукописи и напечатано было только десятъ лѣтъ спустя, во 2-й части «Молодика» И. Бецкаго за 1843-й годъ [1]).

Мы не думаемъ, чтобы стихотворенія, появившіяся въ печати, составляли единственные стихотворные опыты О. М. Бодянскаго. Скорѣй всего слѣдуетъ предположить, что часть ихъ, можетъ быть, и значительная, такъ и осталась въ рукописи, и затѣмъ затерялась [2]). Примѣръ приведеннаго нами стихотворенія «Кирилови Розуму» показываетъ, что оно находилось у Бодянскаго въ запасѣ, и что онъ не всѣ написанныя стихотворенія сразу же и печаталъ.

Появленіе съ свѣтъ «Малороссійскихъ виршей», равно какъ и критическіе очерки О. М. Бодянскаго объ изданіи малорусскихъ

---

[1]) Чтенія 1893 г., кн. III, стр. 29.

[2]) Молоди́къ на 1843 годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ, Харьковъ, 1843, ч. II, стр. 128. *Н. И. Петровъ*. Очерки, стр. 186.

[3]) Въ «Охранномъ Каталогѣ» А. А. Титова, М. 1888, вып. 3, на стр. 56 подъ № 2150 указана рукопись, въ четверку, на 62 листахъ подъ названіемъ: „*Стихотворенія* и разныя замѣтки О. М. Бодянскаго“.

пословицъ и о повѣстяхъ Грыцька Основьяненка не были простой случайностью. Они стояли въ тѣсной связи съ тѣмъ возбужденіемъ интереса къ Малороссіи и малорусской литературѣ, которымъ характеризуется начало, да и вообще всѣ 1830-е годы[1]). Самое изданіе «виршей» именно въ «Молвѣ» Надеждина, а статей О. М. Бодянскаго въ «Телескопѣ» не было также случайностью. Надеждинъ былъ однимъ изъ профессоровъ О. М. Бодянскаго, съ большимъ сочувствіемъ относился къ «появленію счастливыхъ опытовъ литературной обработки малороссійскаго нарѣчія» и всегда охотно давалъ мѣсто въ своихъ изданіяхъ статьямъ, писаннымъ въ интересахъ малорусской литературы. «Инымъ, писалъ онъ, напримѣръ, эти опыты кажутся пустою, безполезною забавою. Но я думаю противное. Малороссійское нарѣчіе можетъ также служить къ обогащенію нашего языка. Пусть украинцы знакомятъ насъ съ нимъ въ своихъ поэтическихъ думахъ, въ своихъ добродушныхъ «казькахъ»! Мы имъ должны быть душевно благодарны»![2]) Такое жъ сочувствіе къ развитію малорусской ли-литературы высказывалъ и другой профессоръ О. М. Бодянскаго М. Т. Каченовскій[3]). Мы не говоримъ уже о М. А. Максимовичъ, у котораго, говорятъ, О. М. Бодянскій одно время жилъ, и который всегда съ большимъ вниманіемъ относился къ трудамъ О. М. Бодянскаго по изученію Малороссіи[4]).

Въ «Телескопѣ» Надеждина и въ издававшейся при немъ газеткѣ «Молвѣ» отмѣчались обыкновенно всѣ выдающіяся явленія въ

---

[1]) Объ этомъ см. у *Н. И. Петрова*, Очерки украинской литературы XIX ст. стр. 170 и слѣд. *Проф. Н. П. Дашкевича*. Отзывъ о сочиненіи проф. Петрова въ XXIX присужд. премій Уварова стр. 134 и слѣд., и у *А. Н. Пыпина*. Исторія русской этнографіи, т. I, стр. 372 и слѣд. и т. III.

[2]) *А. Н. Пыпинъ*. Исторія рус. этногр. т. I, стр. 260.

[3]) *Н. П. Дашкевичъ* Отзывъ о соч. Н. И. Петрова (Отчетъ о 29 присуж. наградъ Уварова), стр. 43.

[4]) Вѣст. Евр. 1896 г. августъ, стр. 479. См. Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» 1887 г., кн. I.

малорусской литературѣ. Посылая въ «Телескопъ» первую свою критическую статью о малороссійскихъ пословицахъ и поговоркахъ. собранныхъ В. Н. С., Бодянскій писалъ издателю: «поставивъ себѣ долгомъ знакомить, по возможности, читателей Телескопа со всѣмъ, что только есть замѣчательнаго *въ современномъ мірѣ просвѣщенія*, вы, конечно, удѣлите мѣсто въ немъ извѣстіямъ и разборамъ книгъ, относящихся до Украйны, будутъ ли то писаны на туземномъ языкѣ, или на русскомъ. Ближайшее знакомство съ сею Славяно-Русскою Италіею, ея языкомъ и литературою, по многимъ важнымъ причинамъ, для сѣверо-руссовъ теперь совершенно необходимо» [1]). Мы уже знаемъ, что мысль, высказанная здѣсь О. М. Бодянскимъ, вполнѣ совпадала со взглядами самаго же издателя «Телескопа».

Бодянскій очень дѣятельно слѣдилъ за всѣми явленіями малорусской литературы. Въ этомъ отношеніи онъ могъ быть очень полезнымъ сотрудникомъ журнала Надеждина въ качествѣ литературнаго критика малорусскихъ произведеній. Но спеціальныя занятія О. М. Бодянскаго славянскими языками и подготовленіе его къ профессорскому званію, къ которому онъ сталъ стремиться сейчасъ же по окончаніи университета, не позволили ему сдѣлаться журнальнымъ работникомъ. Возвратившись однажды на короткое время въ Москву изъ поѣздки на родину, Бодянскій писалъ издателю Телескопа: «въ Москвѣ узналъ я о выходѣ въ свѣтъ пріятныхъ явленій для украинской литературы; разумѣю: *Первую часть Украинскихъ пѣсенъ, голоса* нѣкоторыхъ изъ нихъ и *Утреннюю Зарю*. Мнѣ сказывали также, что въ одной изъ здѣшнихъ типографій печатаются и *Малороссійскія повѣсти Гр. Основьяненка*. Разборъ третьей изъ сихъ книгъ я уже обѣщалъ вамъ, что и поспѣшу выполнить, какъ скоро возвращусь восвояси; быть можетъ сообщу разборъ и пѣсенъ, если кто другой не предупредитъ меня» [2]). Критическая статья о повѣстяхъ

---

[1]) Телескопъ 1834 г., ч. XXI. Критика, стр. 338.

[2]) Молва, 1834 г. № 33 (Приложеніе къ 22 т. Телескопа). стр. 86—87.

Грыцька Основьяненка была напечатана, но больше статей О. М. Бодянскаго о произведеніяхъ малорусской литературы не появлялось.

Мы переходимъ теперь къ изложенію этихъ статей. На нихъ, равно какъ и на «Наськихъ украинськихъ казкахъ» О. М. Бодянскаго, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Запорозьця Иська Матырынкы, отразился характеръ и направленіе малорусской литературы 1830-хъ годовъ. Любовь къ народности, особый интересъ къ изученію украинской народной словесности, преобладаніе чисто этнографическаго элемента въ произведеніяхъ и, наконецъ, нѣкоторая идеализація украинской старины и народности [1])—все это наложило яркій отпечатокъ на литературную дѣятельность О. М. Бодянскаго въ тѣ годы.

Въ 1834 году въ Харьковѣ была издана небольшая книжечка въ 34 страницы, подъ такимъ заглавіемъ: «Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С.» [2]) Иниціалы, подъ которыми скрылъ свое имя издатель, были скоро, впрочемъ, объяснены И. И. Срезневскимъ. Издателемъ пословицъ и поговорокъ оказался одинъ изъ харьковскихъ обывателей В. Н. Смирницкій [3]). На 34 страницахъ пословицъ и поговорокъ помѣстилось, конечно, немного; расположены онѣ были въ алфавитномъ порядкѣ по начальнымъ буквамъ каждой пословицы, причемъ поговорки не были отдѣлены отъ пословицъ, а помѣщены въ изданіи наряду съ последними. Коротенькое предисловіе издателя гласило слѣдующее: «Желая сохранить отъ забвенія малороссійскія пословицы и по-

[1]) Объ этомъ см. у *Н. П. Дашкевича* цит. сочиненіе въ особенности гл. IV; у *Н. И. Петрова*. Очерки, гл. III и IV и у *А. Н. Пыпина*. Исторія рус. этногр., т. III, введеніе, гл. I и III.

[2]) Малороссійскія пословицы и поговорки. Собранныя *В. Н. С.* Харьковъ. Въ университетской типографіи 1834 года. Предисловіе (ненумерованное, на отдѣльномъ листкѣ)+34 стр.

[3]) Ученыя записки московскаго университета 1834 г. № 4. IV. Смѣсь. Ученыя извѣстія. Взглядъ на памятники украинской народной словесности. Письмо къ профессору И. М. Снегиреву *Измаила Срезневскаго*, стр. 149.

говорки, такъ сильно выражающія характеръ сей націи, я старался собрать и издать ихъ для удовольствія любителей всего отечественнаго. Ежели сей трудъ мой благосклонно будетъ принятъ, то и обязанъ буду издать и продолженіе оныхъ, дополнивъ собраніемъ малороссійскихъ загадокъ и употребляемыхъ при свадьбахъ въ Малороссіи пѣсенъ».

Изданіе это вызвало чрезвычайно рѣзкую статью О. М. Бодянскаго, и дальнѣйшихъ выпусковъ его не появлялось.

Статья Бодянскаго была помѣщена въ 21 части «Телескопа», за 1834 годъ [1]). Она носитъ названіе «письма къ издателю», помѣчена Миргородомъ 3 мая 1834 года и подписана фамиліей *І. Мастака* Этимъ псевдонимомъ О. М. Бодянскій пользовался для нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, напечатанныхъ имъ до поѣздки заграницу.

Появленіе «Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ В. Н. С.» О. М. Бодянскій не считаетъ случайнымъ. «Съ нѣкотораго времени, говоритъ онъ, на нашемъ Русскомъ Югѣ замѣтна особенная литературная дѣятельность». Еще раньше изданія пословицъ вышла въ свѣтъ «Запорожская Старина» Срезневскаго [2]); готовится къ изданію альманахъ «Утренняя Заря», раздѣленный на двѣ книжки, изъ которыхъ одна посвящена словесности великорусской, другая—малорусской [3]); намѣренъ издать свои малороссійскія повѣсти Грыцько Основьяненко [4]). «Далѣе—продолжаетъ О. М. Бодянскій,—слышали мы о скоромъ поступленіи въ печать Украинськыхъ Казокъ какого-то *Запорозьця Изсъка Матерынкы* [5]). *Г. Гоголь* приступаетъ къ сочиненію Исторіи Малороссійскихъ козаковъ (половина которой, по словамъ его, уже готова) [6]), а г. Максимовичъ къ новому, весьма богатому

---

[1]) Телескопъ, ч. XXI. Отд. IV. Критика, стр. 336—348.

[2]) Запорожская Старина 2 части. Харьковъ 1833—1838.

[3]) Изданъ въ 1834-мъ году.

[4]) Были изданы въ томъ же 1834 году.

[5]) Изсько Матерынка—псевдонимъ О. М. Бодянскаго.

[6]) Намѣреніе Гоголя, какъ извѣстно, не было приведено въ исполненіе.

изданію Украинскихъ пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ особенному изданію ихъ голосовъ[1]). Въ заключеніе слышно еще, что одинъ изъ малороссіянъ трудится надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря[2]). Кто же теперь скажетъ, что Южная Русь коснѣетъ на пути просвѣщенія, небрежетъ о своей національной словесности»?

Отмѣтивъ главнѣйшія явленія въ малорусской литературѣ послѣдняго времени, О. М. Бодянскій особенно подчеркиваетъ въ нихъ отсутствіе подражанія и стремленіе къ разработкѣ «богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національнаго*». «Поучителенъ ходъ сей юной словесности, говоритъ онъ: она начинаетъ съ того, къ чему другіе, израсходовавъ понапрасно нѣсколько десятковъ лѣтъ на безполезное, вредное подражаніе, теперь лишь только обращаются; она начинаетъ разработкою богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національнаго.* Одна часть ея зиждителей посвящаетъ свои труды собранію, объясненію и изданію всего *народнаго*, заботясь сколько можно сдѣлать оное доступнымъ всѣмъ и каждому; другая посвящаетъ свое время на знакомство съ прочими славянскими языками и ихъ литературою, изучаетъ оные и, такимъ образомъ, старается уяснить для себя то отношеніе, въ какомъ должна находиться ихъ собственная словесность и языкъ къ прочимъ, родственнымъ съ нимъ, языкамъ славянскимъ». Подъ послѣдними дѣятелями, или, какъ онъ выражается, зиждителями малорусской литературы Бодянскій, очевидно, разумѣетъ, главнымъ образомъ, самого себя. Въ 1834 году онъ окончилъ университетъ и тогда же началъ заниматься изученіемъ славянскихъ нарѣчій.

Бодянскій не сразу переходитъ къ разбору пословицъ, изданныхъ Смирницкимъ, а дѣлаетъ предварительно нѣсколько за-

---

1) Вышли въ свѣтъ 1834 году подъ заглавіемъ «Украинскія народныя пѣсни, изданныя Михаиломъ Максимовичемъ».

2) А. Н. Пыпинъ, судя по тогдашнему составу малорусскихъ литературныхъ силъ, полагаетъ, что этимъ «однимъ изъ малороссіянъ» могъ быть самъ О. М. Бодянскій. Изданіе малороссійской грамматики не осуществилось (Исторія рус. этнографіи т. III, стр. 109).

мѣчаній по поводу «Запорожской Старины» Срезневскаго: упрекаетъ издателя въ недостаткѣ отчетливости и въ небрежности при изданіи памятниковъ народнаго творчества, указываетъ на невѣрность его взглядовъ и сужденій. Обо всемъ этомъ Бодянскій, впрочемъ, говоритъ вкратцѣ, не приводя доказательствъ. Болѣе интересны здѣсь замѣчанія Бодянскаго относительно малорусскаго правописанія. О. М. Бодянскій не соглашался ни съ способомъ правописанія малорусскихъ словъ, предложенномъ М. А. Максимовичемъ при первомъ изданіи его «Малороссійскихъ пѣсенъ» [1]), ни съ правописаніемъ Срезневскаго [2]). Послѣднее не

[1]) Предисловіе это перепечатано въ «Собраніи сочиненій М. А. Максимовича», т. II, стр. 439—452. О правописаніи см. стр. 447—452.

[2]) Срезневскій (Запорожская Старина. Ч. 1-я, стр. 22—24) такимъ образомъ объяснялъ свое правописаніе:

1. Согласныя буквы я пишу, всегда слѣдуя выговору народному, исключая буквъ ф и хв. Украинцы выговариваютъ *ф*, какъ *хв*, а *хв*, какъ *ф*.

2. Полугласныя буквы также пишутся по выговору, исключая одинъ случай, когда должно показать корень, напр. въ словѣ вîйсько (войско) *й* не выговаривается, но его должно писать, ибо не видно будетъ происхожденія слова; *ь* въ семъ словѣ хотя и не нуженъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

3. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: *а*, *е*, *и*, *ы*, *о*, *у*.
Мягкія *я*, *é*, *î*, *й*, *ú*, *ё*, *ю*.

Твердыя: *а*, *о*, *у* выговариваются и употребляются какъ и въ русскомъ языкѣ; *е*, употребляясь такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ русское *э*, или французское *è*; *и*, *ы* — употребляются тамъ же, гдѣ и по-русски, но выговариваются иначе, обѣ какъ польское или богемское *y*, т. е. немного мягче русскаго *ы*, имѣя срединный звукъ между русскимъ *ы* и *э*.

Мягкія вообще выговариваются, какъ и по русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная *ъ*, напр. люди, какъ льюди; ѣхать по укр. *ӥ*хати, выговор. ьихати. Буквы: *я*, *е*, *ю*—употрябляются тамъ-же, гдѣ по-русски; буквы: é, й—тамъ-же,

только не лучше правописанія Максимовича, но «по сбивчивости, запутанности и недомолвкамъ въ правилахъ, далеко ниже онаго». «Мое мнѣніе, говоритъ Бодянскій: писать какъ говорятъ, съ малыми, впрочемъ, исключеніями, ибо безъ исключеній нельзя обойтись ни въ какой системѣ. Таковымъ я считаю употребленіе буквы *ѣ:* ее не слѣдуетъ исключать изъ письма малороссійскаго; она всегда занимала въ немъ свое мѣсто, выговариваясь и прежде и теперь совсѣмъ иначе, нежели какъ произносятъ ее великороссіяне; именно малороссіяне въ разговорѣ, въ свѣтскихъ, духовныхъ сочиненіяхъ и книгахъ св. писанія произносили и произносятъ оную какъ *и.* Къ сему придайте еще два-три исключенія: и вотъ вамъ вся система правописанія естественнаго, простаго, всѣмъ доступнаго и потому самаго удобнаго!»... [1])

Послѣ этихъ замѣчаній Бодянскій обращается уже къ обзору малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ и изданныхъ В. Н. Смирницкимъ.

«Всякому извѣстна важность и достоинство пословицъ—говоритъ онъ. Это вѣчно-юная, живая, *ходячая,* такъ сказать, философія народа; зеркало его жизни; заповѣдь старца, посѣдѣвшаго въ школѣ опыта; результатъ замѣчаній человѣческаго рода, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе всего своего существованія. Нѣтъ народа, который бы не имѣлъ у себя своихъ пословицъ. Онѣ суть единственный памятникъ, единственная лѣтопись тѣхъ изъ народовъ, кои почему-либо не оставили о себѣ никакихъ другихъ свидѣтельствъ. По нимъ очень возможно составить намъ приблизительно вѣрное понятіе о такомъ народѣ. Стоитъ только позаботиться собрать эту краткую, но истинную исторію его—и онъ уже не навсегда потерянъ для насъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкѣ такого народа: сохраните, по крайней мѣрѣ, для по-

---

гдѣ твердыя *е, и*—выговариваются мягко; *і, й*—гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго *й.*

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: *е, і, и, ы* выговариваются мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква».

[1]) Телескопъ кн. XXI. Критика, стр. 340—341.

томства пословицы: онѣ, по своей краткости, самыя удобныя для того. Пѣсни, сказки, легенды и другія преданія, гораздо больше хлопотъ представляютъ собою»...

Всѣ славянскіе народы богаты пословицами, и у всѣхъ уже имѣются болѣе или менѣе значительныя ихъ собранія. Только малороссы составляли въ этомъ отношеніи исключеніе, если не считать небольшого количества пословицъ, приложенныхъ при грамматикѣ Павловскаго и при книгѣ Снегирева «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Нельзя не одобрить, поэтому, намѣренія В. Н. С. издать пословицы. Выполнено только это изданіе неудачно. «Это ли трудъ?—спрашиваетъ Бодянскій. Такъ ли слѣдуетъ приниматься за пословицы? Въ такомъ ли видѣ нужно представлять оныя публикѣ?.. Зайдите въ любую *хату* малороссіянина, скажите ему о своемъ желаніи собрать пословицы: увѣряю васъ, что вы отъ него выйдете несравненно съ большимъ запасомъ оныхъ. Что же, если бы обойти, такимъ образомъ, нѣсколько *хатъ*, цѣлое селеніе?»... Для кого изданы эти пословицы? Ни малороссовъ, ни русскихъ онъ удовлетворить не могутъ. Каждый малороссъ знаетъ пословицъ больше, чѣмъ содержится въ собраніи В. Н. С.; кромѣ того издатель часто погрѣшаетъ противъ языка, передаетъ пословицы не въ томъ видѣ, какъ онѣ обыкновенно употребляются. Не могутъ изданныя В. Н. С. пословицы быть интересными и для русскихъ: для послѣднихъ необходимъ переводъ, поясненія, словарь къ пословицамъ; между тѣмъ ничего этого нѣтъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ изданіи В. Н. С. пословицы не отдѣлены отъ поговорокъ.

«По нашему мнѣнію—прибавляетъ О. М. Бодянскій,—пословицы теперь слѣдуетъ разсматривать не въ азбучномъ порядкѣ, довольствоваться не просто однимъ только сборомъ ихъ: напротивъ, должно разбирать и объяснять оныя критически; расположить или по матеріи, или по времени появленія (хронологически), или, наконецъ, по отношенію къ исторіи народа и его быта; сверхъ того, гдѣ нужно будетъ, указать сходство, подобіе, переводъ, заимствованіе у другихъ; особенно же показать, въ какомъ отношеніи находятся разсматриваемыя пословицы къ пословицамъ

народовъ, происшедшихъ отъ одного и того же корня; напр., какъ относятся малороссійскія пословицы къ пословицамъ великороссіянъ, поляковъ, богемцевъ, сербовъ и др.? Тутъ могутъ встрѣтиться весьма любопытные, важные результаты, какъ вообще для исторіи народа, такъ и въ частности для его языка и филологіи».

Статья О. М. Бодянскаго повела къ очень любопытной полемикѣ его съ издателемъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ. Въ № 29 газеты «Молва» за 1834 годъ, издававшейся при томъ же «Телескопѣ» Надеждина, въ отдѣлѣ корреспонденцій было помѣщено «Письмо отъ издателя малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ» [1], въ которомъ В. Н. С. дѣлалъ цѣлый рядъ возраженій и объясненій по поводу статьи О. М. Бодянскаго. Послѣдній отвѣчалъ своему оппоненту довольно длинной статьей, помѣщенной въ 33-мъ номерѣ той же «Молвы» и носившей заглавіе «Отвѣтъ г. В. Н. С. (письмо къ издателю)» [2]. Мы постараемся изложить сущность этой полемики, такъ какъ въ ней ярко обрисовываются взгляды Бодянскаго на собираніе, изученіе и изданіе памятниковъ народнаго творчества. Нужно имѣть при этомъ въ виду, что есть свѣдѣніе, идущее отъ самого же Бодянскаго, будто ему возражалъ не столько Смирницкій, сколько И. И. Срезневскій [3], который, по всей вѣроятности, и побудилъ Смирницкаго издать свои пословицы и одобрилъ изданіе въ томъ видѣ, какъ оно увидѣло свѣтъ.

Возражая на статью Бодянскаго, Смирницкій отмѣчалъ ея рѣзкость и подчеркивалъ, что цѣль изданія имъ пословицъ была

---

[1]) Молва 1834 г. № 29 (Приложеніе къ 22 книгѣ «Телескопа»), стр. 28—36.

[2]) Молва 1834 г. № 33 (Приложеніе къ 22 кн. «Телескопа») стр. 88—99.

[3]) Въ письмѣ къ А. М. Лазаревскому (Кіев. Ст., т. 27, стр. 448) О. М. Бодянскій говоритъ, что свѣдѣнія о Смирницкомъ можетъ сообщить ему (А. М. Лазаревскому) Измаилъ Ивановичъ (Срезневскій), «вступавшійся за него въ перебранкѣ со мной, по поводу разбора, написаннаго тогда мною въ Телескопѣ. Такъ, по крайности, говорилъ мнѣ въ ту пору издатель Телескопа».

одна только—сохранить ихъ отъ забвенія. Его собраніе пословицъ, дѣйствительно, бѣдно; но собирать пословицы вовсе не такъ легко, какъ думаетъ Мастакъ-Бодянскій. Трудно побѣдить народную гордость, трудно увѣрить малороссовъ въ томъ, что пословицы собираются не для того, чтобы посмѣяться надъ ними. «Я слышалъ, говоритъ Смирницкій, объ одномъ собирателѣ пѣсенъ и пословицъ малороссійскихъ Р. Р. Ш., вѣка Екатерины: онъ всю жизнь свою посвятилъ на свой трудъ, пренебрегая всѣмъ, лишь бы достигнуть желаемаго; передѣвался въ мужицкое платье; бродилъ по сельскимъ ярмаркамъ; игралъ роль чумака, пилъ и буянилъ въ шинкахъ; гулялъ на вечерницахъ,—и только такимъ образомъ могъ побѣдить самолюбіе народа, только при такихъ условіяхъ могъ подвинуться къ цѣли своей. А намъ говорятъ: только попроси—и будетъ!» [1])

Бодянскій защищалъ рѣзкость своей статьи. «Когда—писалъ онъ—литература какого-нибудь народа или приведеніе въ извѣстность и разработка ея памятниковъ начинаетъ свое поприще, то, по моему мнѣнію, должно какъ можно быть построже, повзыскательнѣе къ произведеніямъ, являющимся въ этомъ періодѣ ея жизни. Мы видѣли и видимъ на опытѣ, что снисхожденіе въ такомъ положеніи вещей гораздо убійственнѣе. Такъ, много ли выиграла русская словесность отъ фиміама, такъ нещадно, *во время оно,* воскурявшагося Сумарокову, Петрову, Княжнину, Хераскову, или въ наши дни такъ называемымъ псевдо-романтикамъ и др.? Злое слѣдуетъ искоренять въ началѣ, не давая ему усиливаться, или говоря нашею же пословицею: «*Бый по головѣ гадыну, щобъ не гадыла*» [2])...

Продолжая называть собраніе пословицъ, изданное Смирницкимъ, бѣднымъ, Бодянскій снова повторяетъ, что издатель мало затратилъ труда. Пословицы собирать куда легче, чѣмъ пѣсни и сказки. «Послѣднія требуютъ особеннаго, нарочитаго на то времени: нужно выждать его, улучить случай, расположеніе къ пѣ-

---

[1]) Молва 1894 г., № 29, стр. 30—32.

[2]) Молва 1834 г., № 33, стр. 88.

нію или разсказу, быть при обрядахъ или празднествахъ, на коихъ поются приличныя имъ пѣсни, и то *любыя;* много, много потребуется, чтобы скопить сколько нибудь пѣсенъ... Не такъ въ отношеніи къ собиранію пословицъ. Одно названіе ихъ показываетъ уже ихъ назначеніе, время и мѣсто употребленія: стóитъ только прислушиваться, быть внимательнымъ къ разговору народа, не упускать ни одного случая даромъ; ибо простолюдинъ весьма часто, безъ всякаго другаго намѣренія, отнюдь не думая *щеголять*, выражается пословицами, но именно потому, что онъ иначе какъ бы не въ силахъ выразиться, что они отъ частаго, долгаго употребленія, сдѣлались обыкновенными обиходными его мѣстами, составляютъ, такъ сказать, *насущный* его *хлѣбъ*. Очень многіе сами не знаютъ, что они въ томъ или иномъ случаѣ выразились пословицею, а не обычнымъ разговорнымъ терминомъ.— Что же касается до намѣреннаго выспрашиванія малороссіянъ о пословицахъ, конечно, вы встрѣтите, на первый разъ, со стороны ихъ нѣкотораго рода нерасположенность къ услугѣ, недовѣрчивость, происходящія болѣе всего изъ опасенія подвергнуться осмѣянію, ибо малороссіянинъ отъ природы очень щекотливъ на счетъ этого, не любитъ и не хочетъ быть чьею быто ни было игрушкою: все это правда; но и то правда, что такое расположеніе духа не навсегда отстается въ немъ. Одинъ только незнакомый съ характеромъ и нравами украинцевъ можетъ не имѣть успѣха въ своемъ предпріятіи. Ибо многіе ли изъ насъ и въ обыкновенной жизни рѣшаются по первому вызову разсказать то или другое? Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это о простолюдинѣ, и при томъ украинцѣ. Тутъ необходимо ваше вспоможеніе: напр., пуститесь съ нимъ въ разговоръ о его бытѣ, жизни, занятіяхъ, сельскихъ работахъ и под.; далѣе, заведите съ нимъ рѣчь о *прошедшихъ дняхъ,* лучше всего, о *старинѣ,* преданіяхъ праотцевъ и дѣдовъ, о томъ,

Якъ вѣчной намяти бувало
У насъ въ Гетьманьщынѣ колы-сь—

заговорите объ этомъ предметѣ, самомъ интересномъ, самомъ занимательномъ для него, къ коему всегда вы найдете въ сердцѣ его живое сочувствіе, вѣрный отзывъ; тогда-то вы увидите, что

этотъ тяжелый, молчаливый, этотъ несловоохотливый украинецъ въ мигъ преобразится, мало-по-малу станетъ открывать вамъ свои думы, свои мысли и надежды; онъ *разбалакается*: остается вамъ слушать, да *подбирать*... Не знаю, кто-то весьма справедливо замѣтилъ слѣдующее: «какъ русскій весь для настоящаго, такъ малороссіянинъ есть человѣкъ *прошедшаго времени*. Хотите ли его ласки, его дружбы: не испугайте его излишнею навязчивостью—онъ недовѣрчивъ; польстите его козачеству—онъ гордъ *бывалымъ*»... Тогда вы не услышите отъ него этихъ, во всякомъ другомъ обстоятельствѣ, могущихъ словъ: «*не можно, не скажу* (не знаю)»! Вотъ что я разумѣлъ, совѣтуя посѣтить любую хату малороссіянина для собиранія пословицъ... Говорю по собственному опыту [1])—прибавляетъ въ заключеніе Бодянскій.

Смирницкій возражалъ далѣе Бодянскому по поводу указанныхъ послѣднимъ ошибокъ противъ малорусскаго языка. «Не довѣряя самъ себѣ, говоритъ онъ, я просилъ знатоковъ малороссійскаго языка [2]), пересмотрѣть и исправить всѣ погрѣшности. Да и какія же погрѣшности отыскалъ Мастакъ (Бодянскій) въ моей тетрадкѣ?—*Баче, наваре, ходе, хвале, блуде, ступе*—вѣроятно, вмѣсто: бачить, наварить, ходить, хвалить, блудить, ступить.—Ужели г. Мастаку неизвѣстно, что почти всѣ малороссійскіе глаголы имѣютъ двойственное окончаніе на *е* и *ить*, что это обнаруживаетъ этнологическое богатство языка, что эта двойственность окончанія чрезвычайно важна для историческаго изслѣдованія при сравненіи его съ богемскимъ, польскимъ и вообще со всею западною отраслью славянскихъ языковъ, что постояннаго правила сихъ окончаній нѣтъ и быть не можетъ, пока литераторъ не установитъ сіе употребленіе образцовыми сочиненіями, если только суждено языку украинскому процвѣсти на поприщѣ литературы, этому языку—замѣчу мимоходомъ—богатѣйшему изъ всѣхъ славянскихъ языковъ» [3]).

---

[1]) Молва 1834 г., № 33, стр. 89—91.

[2]) Въ числѣ ихъ былъ, вѣроятно, и И. И. Срезневскій.

[3]) Молва 1834 г., № 29, стр. 33.

На это Мастакъ-Бодянскій отвѣчалъ слѣдующее: «Да, м. г., это мнѣ, по крайней мѣрѣ, столько же извѣстно, сколько и вамъ; но не знаю, однимъ ли вамъ съ вашими знатоками малор. яз. неизвѣстно то правило, наблюдаемое всѣми украинцами, твердо владѣющими своимъ языкомъ, по которому глаголы, кончающіеся въ 3-мъ лицѣ един. числа наст. врем. на *еть* оканчиваютъ оное лице другимъ еще образомъ на *е*, а тѣ, въ коихъ предъ *е* стоитъ гласная *а* или *я* имѣютъ окончаніе третьимъ образомъ на сіи гласныя? Ни одинъ изъ настоящихъ украинцевъ не скажетъ *баче*, *ходе*, *ступе* и пр. потому же, почему онъ не говоритъ: *шуме*, *дуре*, *свьте*, *мурме*, *човгане* и т. п.; напротивъ, какъ тѣ, такъ и другіе всегда оканчиваетъ на *ить*—*бачьть*, *ходьть*, *ступьть*, *хвальть*, *блудьть*, *шумьть*, *дурьть*, *човганьть* и пр. Отсюда исключаются только весьма немногіе глаголы, допускающіе это двоякое окончаніе, и то съ такимъ притомъ изъятіемъ, что когда они показываютъ дѣйствіе учащательно—*скорое*, то 3-е лицо имѣютъ на *ить*, а когда означаютъ учащательно—*протяжное*—на *еть*, *е*, напр., *буркочу*, *регочу*, *мурмочу*, *торгочу*, *свыщу* и нѣк. друг. *регочьть*. (скоро хохочетъ), *регоче*, *регочетъ* (протяжно, продолжительно хохочетъ), *свыстьть*, (скоро, шибко свиститъ), *свыще*, *свыщеть* (протяжно свиститъ) и т. д. Вникните, м. г., въ это: знатоки же ваши вѣрно съ намѣреніями подшутили надъ вами: не то—*одныма мыромъ мазаны*.—Далѣе: неужели намъ должно выжидать того времени, пока литераторы укажутъ своими образцовыми сочиненіями, какъ и гдѣ оканчивать тотъ или другой глаголъ? Развѣ они смѣютъ измѣнять окончаніе языка по произволу? Развѣ они не обязаны въ этомъ случаѣ слѣдовать народу, если хотятъ, чтобы онъ понималъ и цѣнилъ ихъ? Да и что такое грамматическія правила, какъ не результатъ наблюденій и замѣчаній, сдѣланныхъ надъ какимъ-нибудь языкомъ? Еще: развѣ намъ нужно для того, чтобы исторически изслѣдовать, сравнить малоросс. яз. съ западными славянскими языками, развѣ непремѣнно нужно спаровлять его съ ними во всемъ, насильно уродовать, подпимать на этимоло-

гическія дыбы? Мало ли и безъ того имѣетъ онъ точекъ соприкосновенія съ тѣми языками» [1]).

Въ дальнѣйшихъ своихъ возраженіяхъ Бодянскій настаиваетъ все-таки на томъ, что издатель не долженъ былъ ограничиваться азбучнымъ порядкомъ при распредѣленіи пословицъ, но долженъ былъ, по своему разумѣнію, отдѣлить пословицы отъ поговорокъ и загадокъ; разсмотрѣть ихъ съ исторической точки зрѣнія. Смирницкій допускалъ возможность филологическаго и этнографическаго объясненія, но рѣшительно отрицалъ возможность историческаго объясненія, считая его невозможнымъ «въ настоящемъ положеніи украинскихъ народностей». «Назначить каждой пословицѣ и поговоркѣ время ея появленія,—писалъ онъ—есть дѣло мечты и шарлатанства, а не истинной любви къ народностямъ» [2]). Бодянскій не соглашался съ нимъ. Объяснить происхожденіе каждой пословицы, конечно, невозможно. Этого никто и не требуетъ. «Сдѣлайте возможное: поясните, по крайности, тѣ изъ нихъ, которыя, такъ сказать, подвертывается подъ руку; поясните ихъ для малознакомыхъ съ Малороссіей и ея исторіею»... Хронологическое разсмотрѣніе пословицъ Бодянскій не только не считаетъ «дѣломъ мечты и шарлатанства», но видитъ въ немъ существенную пользу; въ отрицаніи же его видитъ «жалкое невѣжество въ исторіи и древностяхъ украинскихъ» [3]). Онъ признаетъ необходимость сообщать при пословицахъ варіанты, но зато не видитъ особаго проку въ обозначеніи мѣстъ, гдѣ каждая пословица употребляется. Для этого пришлось бы переписать всѣ поселенія Украины. «Поясните только тѣ пословицы, поговорки и загадки, говоритъ онъ, кои исключительно принадлежатъ какой-нибудь части или частицѣ Малороссіи, составляютъ ея особенность, или только тамъ въ употребленіи [4])»... Бодянскій, наконецъ, продолжалъ настаивать на необходимости словаря и объ-

---

[1]) Молва 1834 г., № 33, стр. 92—93.

[2]) Молва 1834 г., № 29, стр. 34.

[3]) Молва 1834 г. № 33 стр. 97.

[4]) Молва 1834 № 33 стр. 98—99.

ясненій къ пословицамъ, а также на необходимости сопоставлять малорусскія пословицы съ русскими. По его мнѣнію, это «совсѣмъ не вредъ или шарлатанство: напротивъ, чрезъ это открывается, какъ два народа, происшедшіе отъ одного и того же корня, выражаютъ одну и ту же идею, какъ они смотрятъ на одинъ и тотъ же предметъ, на одно и тоже событіе: въ чемъ разница, въ чемъ сходство»? [1])

Полемика съ Смирницкимъ, если дѣйствительно, правда, что за нимъ стоялъ Срезневскій, пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ, если принять во вниманіе, что оба будущіе знаменитые слависты въ то время дѣятельно занимались изученіемъ и собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Боролись, такимъ образомъ, два взгляда на это дѣло. Положенія, которыя защищалъ Бодянскій въ этой полемикѣ были слѣдующія: нужно какъ можно больше собирать памятниковъ, собирать ихъ очень осторожно и выпускать въ свѣтъ не иначе, какъ съ научными объясненіями, научной группировкой и изученіемъ. Бодянскій находилъ необходимымъ также сравнительное изученіе памятниковъ народнаго творчества. Путь, который онъ рекомендовалъ при изданіи памятниковъ, требовалъ предварительно большой кропотливой работы. Въ смыслѣ научной обработки ихъ онъ, конечно, былъ единственно-возможнымъ; что же касается собиранія матеріаловъ и ихъ изданія, то путь этотъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣлъ одинъ существенный недостатокъ—страшно тормозилъ дѣло. Если бы собиратели памятниковъ народнаго творчества слѣдовали указаніямъ въ этомъ случаѣ О. М. Бодянскаго, то смѣло можно сказать, что большинство памятниковъ успѣло бы погибнуть, прежде чѣмъ труды собирателей ихъ увидѣли бы свѣтъ. Наука отъ этого только бы потеряла. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить самъ же О. М. Бодянскій. Въ концѣ 1850-хъ годовъ у него было больше 1500 пословицъ, совсѣмъ готовыхъ къ печати, но онъ все нерѣшался выпустить ихъ въ свѣтъ, пополнялъ новыми. «Лучше поздно, чѣмъ плохо и скоро»—гово-

---

[1]) Молва 1834 г. № 33 стр. 96--97.

рилъ онъ. Наука такъ и не дождалась отъ него этихъ пословицъ; а когда Бодянскій умеръ, они погибли вмѣстѣ съ другими его бумагами. Мало того: когда А. М. Лазаревскій, тогда еще студентъ петербурскаго университета, задумалъ издать собранныя имъ пословицы, Бодянскій своими замѣчаніями остановилъ его намѣреніе. «Возможная полнота и вѣрность подобнаго рода вещей, писалъ онъ А. М. Лазаревскому, первое достоинство изданія ихъ, а это достигается исподволь, временемъ да временемъ. Знайте, что народныя произведенія никогда не теряютъ своего вѣса. Я не раскаиваюсь, что по сю пору не выдалъ еще ни пѣсенъ, ни пословицъ: когда подумаю, въ какомъ бы видѣ явилось и то и другое 10-ть лѣтъ тому назадъ, и въ какомъ теперь—слава тѣ, Христе! Конечно, жизнь человѣческая, яко цвѣтъ польный; но жывый жыве й гадае» [1]). А. М. Лазаревскій такъ и не издалъ своихъ пословицъ.

Мы видѣли выше, что О. М. Бодянскій съ большимъ интересомъ относился къ литературному движенію, происходившему въ его время въ Малороссіи. Онъ слѣдилъ внимательно за всѣми явленіями малорусской литературы и имѣлъ свѣдѣнія о замышлявшихся литературныхъ предпріятіяхъ. Въ началѣ 1834 года онъ зналъ, напримѣръ, что Грыцько Основьяненко намѣренъ «издать *незабаромъ своеи роботы* Малороссійскія Повѣсти» [2]). И съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода ихъ въ свѣтъ [3]). Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что появленіе въ печати «Малорусскихъ повѣстей, разсказываемыхъ Грыцькомъ Основъяненкомъ» [4]) дало О. М. Бодянскому поводъ написать въ «Ученыхъ Запискахъ московскаго университета» критическую статью [5]), въ которой

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., т. 27, стр. 447—448.

[2]) Телескопъ 1834 г., т. XXI, стр. 337.

[3]) Ученые Записки Москов. универс. 1834 г. № 5 стр. 290.

[4]) «Малороссійскія повѣсти, разсказываемыя Грыцькомъ Основьяненкомъ. Книжка первая. Москва, въ тип. Лазаревыхъ Института Восточн. языковъ. 1834 г. 380 стр.

[5]) Ученыя Записки москов. университ. 1834 г. № 5. Критика, стр. 287—313.

онъ высказалъ нѣсколько интересныхъ соображеній и мнѣній по поводу развитія малорусской литературы. Статья снова подписана фамиліей І. Мастака, а эпиграфомъ поставлена характерная нѣмецкая пословица: «eigner Heerd ist Goldes Werth»—«своя хата лучше чужихъ палатъ». Этой пословицей опредѣлялся основной смыслъ статьи О. М. Бодянскаго, который придавалъ большое значеніе литературѣ на родномъ языкѣ.

Малороссы, говорилъ онъ, богаты по части поэзіи, но до появленія повѣстей Грыцька Основьяненка, т. е., значитъ, до 1834 года, они не имѣли ни одного почти произведенія, чисто литературнаго, писаннаго прозою на малорусскомъ языкѣ. «Самое старшее, по времени, изъ прозаическихъ произведеній ихъ, это: *Кроньыка* зъ лѣтописцовъ стародавныхъ Өеодосія Софоновича, игумена михайловскаго златоверхаго монастыря въ Кіевѣ 1672—1681 года. Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя актовыя и п. с. бумаги; уцѣлѣло также нѣсколько писемъ Мазепы къ несчастной дочери Кочубея: языкъ въ нихъ перемѣшанъ съ полонизмами. Въ наше время нѣкоторые изъ малороссіянъ пытали слегка свои силы въ прозѣ. Успѣшнѣе всѣхъ былъ опытъ ветерана малороссійскихъ поэтовъ И. П. Котляревскаго, автора перелицёванной Энеиды; жаль только, что до сихъ поръ его прекрасная опера: Наталка Полтавка еще не издана [1]). Языкъ въ ней чистый, настоящій украинскій, такой, какимъ говорятъ въ губерніи полтавской, центрѣ Малороссіи: его можно поставить въ образецъ puritatis legitimae. Г. Павловскій, написавшій въ 1818 г. грамматику малороссійскаго нарѣчія (весьма поверхностно), приложилъ къ ней нѣсколько коротенькихъ примѣровъ на малороссійское сочиненіе, и въ томъ числѣ небольшой отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго малороссіянина (стр. 90—93), довольно правильно написанный. Еще имѣется маленькое посланіе (пысулька) г. Гулака-Артемовскаго (автора Твердовського) до того, который що Божого мѣсяця украинського гоньця по всѣхъ усюдахъ розсылае (къ г. Филомоөитскому, ре-

---

[1]) Впервые «Наталка Полтавка» напечатана въ 1838 г. въ «Украинскомъ Сборникѣ» И. И. Срезневскаго.

дактору бывшаго Украинскаго Вѣстника), служащее предисловіемъ къ его сказкѣ: «Солопій та Хивря, або горохъ при дорозѣ». Сочинитель комедій: «Дворянскіе выборы и Шельменко» показалъ большую ловкость въ языкѣ малороссійскомъ: въ нихъ цѣлыя явленія писаны симъ языкомъ. Вотъ вся извѣстная намъ проза малороссіянъ по текущій (1834 г.) годъ»—говоритъ О. М. Бодянскій. Онъ, впрочемъ, совершенно игнорируетъ при этомъ оперу-водевиль Шаховскаго: «Козакъ-Стихотворецъ», какъ написанную изуродованнымъ малороссійскимъ языкомъ, равно и пьесу, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ за 1831-й годъ, о которой, по его мнѣнію, и говорить не стоитъ [1]).

Отмѣчая всеобщее направленіе и стремленіе къ народности, Бодянскій указываетъ на то, что и малороссы очень дѣятельно принялись за собираніе и приведеніе въ извѣстность своихъ сказаній, какъ то показываютъ труды Максимовича, Срезневскаго и другихъ—въ Россіи, Вацлава зъ Олеська, Левицкаго и Лозинскаго—въ Галиціи. Все это, говоритъ онъ, пробуждаетъ пріятную надежду, что «Украина, эта колыбель Руси, со временемъ, мало-по-малу сдѣлается извѣстнѣе ученому свѣту: ея языкъ и богатая народная поэзія займутъ надлежащее мѣсто въ системѣ славянскихъ народовъ. Въ разсужденіи поэтическихъ произведеній, конечно, ее ожидаетъ теплый уголокъ, принимая слово поэзія въ истинномъ его значеніи—за полное проявленіе духа народнаго въ области изящнаго, выраженнаго языкомъ боговъ, какъ говорили древніе. Но относительно прозы Украина весьма бѣдна, какъ мы видѣли. Нельзя думать, чтобы языкъ ея не годился для прозы; не доставало только удачной, счастливой, блистательной попытки для возбужденія общаго вниманія къ себѣ своихъ соотечественниковъ и увлеченія другихъ за собою». Недостатокъ этотъ теперь, съ появленіемъ повѣстей Грыцька Основьяненка восполняется. Примѣръ Основьяненка показываетъ, что, «малороссіяне, при надлежащемъ стараніи и образованномъ вкусѣ, могутъ, по времени, и въ семъ отношеніи, отстоять себѣ ученое

---

[1]) Ученыя Записки Москов. универ. 1834 г. № 5, стр. 287—289.

мѣстцо, могутъ, если захотятъ, не ударить лицемъ въ грязь, могутъ создать свою прозу. Матеріаловъ бездна; была бы только охота, да умѣнье; за потребителями также не ходить въ лѣсъ» [1]).

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ собственно повѣстей Основьяненка, содержаніе которыхъ Бодянскій излагаетъ очень обстоятельно, [2]) при чемъ указываетъ цѣлый рядъ погрѣшностей противъ малорусскаго языка [3]) и правописанія [4]). Основьяненко старался вездѣ писать слова такъ, какъ они произносятся, и Бодянскій находилъ это «и проще, и естественнѣе, и удобнѣе» [5]). Общее заключеніе О. М. Бодянскаго о повѣстяхъ Основьяненка чрезвычайно благопріятно: «хвала пану Грыцьку, говоритъ онъ, первому такъ смѣло и такъ живописно ворвавшемуся на лихомъ украинскомъ конѣ въ область нынѣ всѣми любимаго повѣствовательнаго рода, первому рѣшившемуся разсказать на родномъ языкѣ, oratione soluta, нѣсколько былей изъ народнаго быта». Бодянскій надѣется, что Основьяненко будетъ имѣть послѣдователей и боится только одного, чтобы у него не было подражателей [6]).

Основьяненко, какъ извѣстно, вводитъ въ свои повѣсти описаніе обычаевъ малороссовъ. Обычаи эти, замѣчаетъ Бодянскій, нѣкоторымъ могутъ показаться странными, какъ и вообще всѣ обычаи малороссовъ: «но это ихъ differentia specifica, ручательство, что украинцы жили и живутъ жизнью самобытною, своенародною... що жъ робыть, колы такъ наша пичь пече»—характеризуютъ сами себя малороссіяне». Описывать обычаи—хорошо, не нужно только утрировать эти описанія—таково мнѣніе Бодянскаго [7]).

---

1) Ученыя Записки москов. унив. 1834, № 5, стр. 289—290,

2) Тамъ-же стр. 291—307.

3) Тамъ-же стр. 309—310.

4) Тамъ-же стр. 310.

5) Тамъ-же, стр. 310.

6) Тамъ-же, стр. 307—308.

7) Тамъ-же, стр 311—312.

Дѣлая свои замѣчанія по поводу перваго тома повѣстей Основьяненка, Бодянскій надѣялся, что во второмъ томѣ не встрѣтится уже неровностей; «все, говоритъ онъ, будетъ стройно, гладко, естественно, *изящно*, какъ изящна природа Украйны, гдѣ «небо весьма тихо есть и лихаго повѣтрія не слыхать, не видать,—ея народность, сама Украйна въ *цѣломъ* и *особенностяхъ*, гдѣ нѣтъ шагу безъ памятника, времени безъ событія, мѣста безъ картины, живого существа безъ рѣзко проведенной черты на его обликѣ, характеристическаго отличія въ своихъ помыслахъ, желаніяхъ и поступкахъ; гдѣ вы утонете въ мірѣ музыкальныхъ звуковъ, національныхъ напѣвовъ, національной поэзіи на языкѣ благозвучномъ, мелодическомъ, которая очаруетъ, заколдуетъ васъ, наполнитъ сладкимъ забвеніемъ ваше сердце, пробудитъ въ головѣ вашей свѣтлыя думы, быстро перенесетъ въ завѣтное *прошедшее* съ его живо говорящими образами, и напослѣдокъ остановитъ васъ надъ *настоящимъ*, не менѣе занимательнымъ, *интереснымъ*, хоть и своими развалинами, остановитъ—и заставитъ *призадуматься*»... [1])

Въ такой поэтической тирадѣ О. М. Бодянскій выражалъ свое тогдашнее увлеченіе родиной своей—Малороссіей. Въ этомъ увлеченіи была, конечно, значительная доля идеализаціи. Малороссія рисовалась Бодянскому въ слишкомъ розовыхъ, поэтическихъ краскахъ. Всѣмъ она была, по его мнѣнію, интересна: своей природой, языкомъ, поэзіей, своимъ прошедшимъ и настоящимъ. Все въ ней было свое, самобытное, особенное... Эта идеализація Малороссіи, какъ уже замѣчено выше, была характерна для того времени. Приведенныя выше заключительныя слова О. М. Бодянскаго въ его статьѣ о повѣстяхъ Основьяненка напоминаютъ собой лирическія, напр., отступленія Гоголя въ его малороссійскихъ повѣстяхъ и статьяхъ о Малороссіи...

Но не въ этомъ, конечно, значеніе критическихъ статей О. М. Бодянскаго. Въ нихъ онъ выдвигалъ рядъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ и такъ или иначе высказывался по нимъ. Мало-

---

[1]) Ученыя Зап. Москов. Унив. 1834, № 5, стр. 312—313.

русскій языкъ и богатая народная поэзія малороссовъ должны занять по мнѣнію его, надлежащее мѣсто въ системѣ славянскихъ народовъ [1]). Въ отношеніи поэзіи Малороссію ожидаетъ теплый уголокъ, но нельзя думать, чтобы языкъ ея не годился и для прозы; малороссы, при надлежащемъ стараніи, могутъ отстоять себѣ «ученое мѣстце» и создать свою прозу [2]). Что касается правописанія малорусскаго языка, то Бодянскій думалъ, что нужно писать такъ, какъ говорятъ [3]). Отъ литературы онъ требовалъ, чтобы она была не подражательной, а самобытной, народной и особенно поддерживалъ новое направленіе въ малорусской литературѣ, которая «начинаетъ разработкою богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національныхъ*» [4]). Этнографическій элементъ въ литературныхъ произведеніяхъ, т. е. описаніе напр., нравовъ, обычаевъ, О. М. Бодянскій допускалъ, съ тѣмъ только, чтобы въ этомъ отношеніи не было злоупотребленій. Описанія должны быть художественны, безъ утрировокъ и не должны занимать особенно много мѣста въ литературныхъ произведеніяхъ [5]).

Таковы были требованія, которыя предъявлялъ О. М. Бодянскій къ малорусской художественной литературѣ.

Вѣрный духу времени, когда многіе брались за художественныя произведенія, вскорѣ онъ и самъ попробовалъ свои силы на этомъ поприщѣ...

Ник. Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

[1]) Ученыя Зап. Москов. у-та 1834, № 5, стр. 290.

[2]) Тамъ же.

[3]) Телескопъ 1834 г. т. XXI. стр. 341.

[4]) Телескопъ 1834 г., т. XXI. Критика, стр. 337

[5]) Ученыя Зап. Москов. у-та 1834 г., № 5. Критика, стр. 311—312.

Поэтъ-гражданинъ.

Я не литавъ въ надзоряни краины,
А все державсь бездольнои земли;
Боровся я за щастя для людыны,
За свитло въ чорній мли...

Я не спивець чудовнои прыроды
Зъ холодною байдужистю іи;
. . . .
Имъ я виддавъ уси чуття мои...

Павло Грабовськый, «Кобза», 46 и 91.

Люди, живущіе всегда на родинѣ или по крайней мѣрѣ не лишенные этой счастливой возможности, часто не сознаютъ своихъ связей съ родной страной и народомъ, относятся къ нимъ съ холоднымъ равнодушіемъ, не замѣчаютъ, говоря просто, тѣхъ благодѣтельныхъ вліяній, которыми обязаны родной обстановкѣ, какъ вообще мы не замѣчаемъ воздуха и свѣта, такъ необходимыхъ для нашей жизни. Такіе люди часто слишкомъ присмотрѣлись къ окружающей ихъ съ дѣтства обстановкѣ, и она имъ кажется черезчуръ обыденной, ординарной, а потому и малоцѣнной, не возбуждая въ душѣ соотвѣтственныхъ откликовъ. Настоящая цѣна ей познается лишь тогда, когда какія-нибудь непреодолимыя и отъ даннаго человѣка независящія обстоятельства оторвутъ его отъ родины съ ея близкими сердцу звуками, съ ея народомъ, природой, можетъ быть, самой убогой и непригядной.

но тѣмъ не менѣе дорогой. Часто только тогда происходитъ въ душѣ безразлично, повидимому, относившагося къ родинѣ человѣка коренной переворотъ, и тѣ родныя картинки, которыя въ былое время проходили незамѣченными, пріобрѣтаютъ огромную цѣнность, особенный смыслъ и значеніе. Давно забытыя воспоминанія, образы и картины, родныя лица и обстановка оживаютъ и воскресаютъ передъ изгнанникомъ, властно подчиняя его своей чарующей силѣ; мысли неудержимымъ потокомъ несутся къ роднымъ палестинамъ, и чѣмъ заказаннѣе путь къ возврату, тѣмъ сильнѣе власть этихъ чувствъ, этой, какъ мѣтко ее назвали, тоски по родинѣ. Воплями и стонами вольныхъ или невольныхъ изгнанниковъ, изнывающихъ душею и тѣломъ на чужбинѣ, полна всемірная литература, начиная съ Овидія съ его «Скорбными элегіями» и «Понтійскими письмами» и кончая лицами, не такъ ужъ отдаленными отъ современности. Быть можетъ, многимъ изъ нихъ именно разлука съ родиной и тоска по ней и вдохнула тѣ полныя скорби, гнѣва и страданій пѣсни, которыми прославлено ихъ имя; быть можетъ, воспоминаніями о далекой родинѣ произведенъ первый толчекъ къ литературной дѣятельности, поставившей ихъ впослѣдствіи въ ряды выдающихся дѣятелей родного края и народа. Украинская литература не только не избѣжала общей участи, и, вѣроятно, наиболѣе типичнаго представителя этого рода писателей мы имѣемъ въ лицѣ безвременно угасшаго недавно Павла Арсеньевича Грабовскаго.

П. А. Грабовскій родился въ 1864 году въ одной изъ слободъ ахтырскаго уѣзда, харьковской губерніи, гдѣ отецъ его занималъ скромное мѣсто пономаря. Первоначальное образованіе будущій поэтъ получилъ въ церковно-приходской школѣ, подъ руководствомъ мѣстнаго діакона, педагога очевидно не изъ важныхъ, а затѣмъ на десятомъ году поступилъ въ ахтырское духовное училище. Недобрую память оставило въ немъ пребываніе въ «бурсѣ», педагогическое воздѣйствіе которой на своихъ питомцевъ ограничивалось лишь безсмысленной зубрежкой непонятныхъ учебниковъ, не дававшихъ никакой пищи ни для

дѣтскаго ума, ни для сердца [1]). Чтеніе книгъ, развивающее вліяніе учителей и тому подобныя средства раціональнаго воспитанія, разумѣется, совершенно отсутствовали въ тогдашней бурсѣ, стоявшей на рубежѣ старыхъ порядковъ и новаго строя, внесеннаго реформой, оказавшейся, впрочемъ, безсильной предъ невыполнимой задачей—вдохнуть новую жизнь въ обветшалыя и мертвечиной насквозь проникнутыя стѣны бурсы. «Крім учебників,—продолжаетъ свои воспоминанія авторъ,—ми не читали майже ніяких книжок, а коли й брали що з бурсацькоі бібліотеки, так найбільше затим, щоб подивитись на малюнки; учителі не дуже піклувалися, щоб заохотити школярів до читання,—а котрий і візьметься, то відібье вже всяку охоту читати, бо учителів ми, діти, страшенно боялися. Дасть книжку, потім заставить оповісти книжку... ще затнешся, або помилишся... несподівано одиницю схопиш... що то батько скаже?—такі думки перебігали не в однiй дитячій голові—то мало хто и брав іх» [2]). Авторомъ нарисована слишкомъ знакомая картина казенной оффиціальной науки, безъ искорки тепла и ласки, которыхъ такъ жаждетъ дѣтское сердце, и неудивительно, что оно замыкалось въ себѣ и для удовлетворенія своихъ умственныхъ запросовъ искало другихъ менѣе суровыхъ и даже, какъ видно, опасныхъ по обстоятельствамъ бурсацкой жизни источниковъ. Читали преимущественно всякую, по выраженію автора, «нісенітницю», случайно попадавшую въ руки любознательнымъ бурсакамъ; кромѣ печатной, большою популярностью пользовалась устная и отчасти рукописная литература—уже чисто мѣстнаго происхожденія и колорита: пѣсни, басни, вирши сатирическаго характера, народныя сказки и анекдоты, старательно списывавшіеся бурсаками и на многихъ изъ нихъ оказывавшіе повидимому большое вліяніе. Появляются даже спеціально бурсацкіе писатели, почерпавшіе матеріалъ для произведеній изъ своей невеселой жизни и виршами на злобы дня—какъ водится, прежде всего сатирами на учителей—

[1]) «Невідомі творці», Зоря. 1892, стр. 354.
[2]) Ibid.

разнообразившіе скуку и монотонность существованія. Объ одномъ изъ этихъ «невідомих творців» Грабовскій сообщаетъ въ указанной статьѣ довольно любопытныя подробности, рельефно рисующія общій фонъ бурсацкой жизни, хорошо очевидно знакомой автору.

Какъ сообщаетъ Грабовскій въ своей автобіографіи, рукописью которой мы пользовались, бурса отнеслась къ нему не любящей матерью, а суровой мачехой. Первый изъ его учителей изощрялъ свое остроуміе надъ учениками за ихъ неумѣніе говорить по-русски и кромѣ того имѣлъ очень распространенную среди казенныхъ педагоговъ привычку дѣлить своихъ питомцевъ на двѣ категоріи—воспользуемся терминами Щедрина: «любимчиковъ» и «постылыхъ». Грабовскій попалъ въ число послѣднихъ и имѣлъ полное основаніе разсчитывать на скорое окончаніе своей бурсацкой карьеры. Однако «якимсь чудом» его не исключили въ первый годъ, и претерпѣвъ положенную всякому новичку порцію невзгодъ, онъ началъ учиться и благополучно прошелъ сквозь мытарства бурсацкой жизни, удостоившись въ 1879 г. перевода въ харьковскую семинарію. «Крім мертвоі науки бурса нічого мені не дала»,—съ грустью признается авторъ въ автобіографіи и первые проблески сознательной духовной жизни относитъ всецѣло на счетъ постороннихъ вліяній и инстинктивнаго тяготѣнія къ умственному труду. Въ семинаріи,—вспоминаетъ впослѣдствіи Грабовскій—«обставини освітноі справи трівали трохи ліпші; але взагалі далеко ще було до правильноі постанови науковоі. З погляду мови ми оставалися украінцями по-за школою, хочъ ні словечка не чули про своє письменство; учивши однак «историю русской литературы» наш ректор протоерей, нижегородець родом, часто було выдавав словесні приказі—не вживати украінськоі мови в бесідах поміж собою,—не разъ кричав, що виноваті будуть карані без попуску, та нічогісенько з того не выходило: балакали ми по прежньому своєю рідною мовою, а коли забачали яке високе начальство, разом замовкали. В семинаріі ми вже читали і Шевченка, і Квітку, і Стороженка, і Левіцького, і всяких инших писателів наших; де-хто пописував по-украінськи

віршами й прозою; свідомість про те, що ми—украінці, була досить живою» [1]). Вѣроятно, въ это время Грабовскій впервые почувствовалъ себя послѣдователемъ той идеи, вѣрнымъ и энергичнымъ служителемъ которой оставался до гробовой доски, несмотря на всѣ превратности своей богатой невзгодами, хотя и не особенно продолжительной жизни. Изъ общаго строя семинарской жизни Грабовскій въ своихъ воспоминаніяхъ (рукописная автобіографія) выдѣляетъ преподавателя словесности, который старался заронить въ сердца своихъ питомцевъ любовь къ литературѣ, привлекая семинаристовъ къ чтенію книгъ и изложенію своихъ впечатлѣній о прочитанномъ, что́, прибавляетъ Грабовскій, «найбільше впливало на наш розвиток». Но и въ семинаріи все живое приходило изъ постороннихъ источниковъ и контрабанднымъ путемъ, т. е., совершенно независимо отъ оффиціальнаго строя семинарской жизни, и даже вопреки послѣднему: мертвая наука и неудовлетворительная вообще постановка учебнаго дѣла могли возбуждать лишь протестъ и отвращеніе въ болѣе способныхъ ученикахъ съ живыми запросами и стремленіями.

Грабовскій пробылъ въ семинаріи четыре года, не разъ собирался бросить ее, мечтая объ университетѣ, но домашнія обстоятельства удерживали его въ стѣнахъ постылой almae matris. Въ 1882 г. восемнадцатилѣтній юноша долженъ былъ оставить семинарію, но уже по независящимъ обстоятельствамъ, поводомъ къ тому послужило чтеніе недозволенныхъ книгъ, и съ этого времени начинается его невольное скитальчество, продолжавшееся до самой смерти. Конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ были, какъ извѣстно, временемъ всеобщаго подъема въ общественной жизни, къ сожалѣнію оборвавшагося внезапно и не успѣвшаго дать сколько-нибудь прочныхъ результатовъ. Народъ съ его нуждами и потребностями занималъ центральное мѣсто въ міровоззрѣніи тогдашняго общества. Грабовскій, отличавшійся вообще отзывчивымъ и пылкимъ характеромъ и сильно развитой обще-

---

[1]) «Невідомі творці». Зоря, 1892, 355.

ственной жилкой, съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни примкнулъ къ этому народническому движенію, которое въ своей автобіографіи очень мѣтко характеризуетъ, какъ безотчетную «потребу серця». Въ результатѣ онъ былъ выброшенъ за бортъ духовной школой, которая не могла примириться съ подобнымъ образомъ мыслей среди своихъ питомцевъ. Оставшись не у дѣлъ, Грабовскій два года прожилъ въ деревнѣ у матери; 1885-й годъ провелъ въ Харьковѣ, зарабатывая средства къ существованію сотрудничествомъ въ мѣстныхъ газетахъ; затѣмъ попалъ въ солдаты, служилъ въ Валкахъ, Ташкентѣ и Оренбургѣ, пока въ 1888 г. не очутился въ г. Балаганскѣ, иркутской губерніи. Ему пришлось побывать еще въ Вилюйскѣ и Якутскѣ [1]) и только въ 1899 г., приписавшись къ мѣщанскому обществу г. Барнаула, онъ поселился въ Тобольскѣ. Здѣсь поэтъ прожилъ до 29 ноября прошлаго года, зарабатывая средства къ жизни службой по вольному найму въ ветеринарномъ отдѣленіи губернскаго правленія, пока эта полная нужды и лишеній жизнь и тяжелая борьба изъ за куска насущнаго хлѣба не уложили его въ могилу и навсегда не прекратили его скитаній...

Читатель легко можетъ себѣ представить, что̀ долженъ пережить и перечувствовать въ подобной обстановкѣ человѣкъ такого духовнаго склада, заброшенный, подобно Грабовскому, на далекую чужбину, лишенный не только въ настоящемъ всѣхъ радостей личнаго и общественнаго характера, но даже и надежды, что обстоятельства измѣнятся когда-нибудь къ лучшему. «Ніколи ще, здається—пишетъ онъ, напр. въ 1895 г.— безнадійність та зневіра не огортали мене таким сумом, ніколи не захмарювали мого зору, як саме нині. Кругла самотина ніколи не дошкуляла так... Я призвичаївся до думки, що згину тут, серед тайги, в самотині, не діждавшись кращоі днини. Що найгірше—се одиноцтво, кругле, страшенне, без надіі, що воно коли-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности о скитальческомъ періодѣ жизни Грабовскаго заключаются въ одной изъ рѣчей г. Спасовича; см. Сочиненія В. Д. Спасовича, т. VII, стр. 291—309.

небудь скінчиться, що заставляє навіть тратити всяку ціль життя... Мета, себто справжнє живе діло, кероване певними ідеями громадськими, вона осталася десь далеко, далеко. Неможлива робота в тім напрямі. Природно виникають запити власноі долі, але вона ще більш неможлива, і та думка подвійно крає серце. На світ дивитись не хочеться» [1]... Къ страданіямъ нравственнаго характера присоединяются еще и чисто физическія: слабое здоровье, разстроенное безпрерывнымъ скитальчествомъ, жизнью въ суровомъ, неподходящемъ климатѣ и лишеніями, еще болѣе ухудшаетъ положеніе Грабовскаго, и неудивительно, что иногда ему приходитъ на мысль самому прекратить ненужныя страданія. Спасительницей его, сохранившей намъ талантливаго поэта, сдѣлалась литература: она была единственнымъ родомъ общественной дѣятельности, къ которой такъ стремился Грабовскій,—и вотъ литература становится его отдыхомъ, его надеждой; всѣ свои недюжинныя силы онъ вкладываетъ въ эту дѣятельность:

Як безплодно носитися з горем,
В піснях виспівай краще його...

Подивись пронеслось твоэ горе,
Як проносяться хмари густі!..
Ти заблисла, сподівана зоре!
Знов воскресли ви сни золоті!

Съ другой стороны также вполнѣ понятно, что произведенія Грабовскаго носятъ на себѣ печать тѣхъ общественныхъ условій, жертвою которыхъ былъ ихъ творецъ: «журно, то й пісні мої не кращі»—говоритъ онъ о своихъ произведеніяхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ.

Литературная дѣятельность Грабовскаго начинается съ 1890 года какъ онъ самъ опредѣляетъ въ предисловіи къ первому

---

[1]) Павло Журба—«Із дневника невольника», Житє і Слово, т. IV. стр. 317 и слѣд.

сборнику своихъ стихотвореній «Пролісок»: «все, що в «Пролíску», написане мною починаючи з 1890 р., віршів два-три хіба складено раніше, але потім перероблені—остався один зміст» [1]). Поэту, находящемуся вдали отъ родины и пребывающему въ крайне тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, «заманулось до божого світла».

Наче навішено гирі,
Вся зайнялась голова...
Думка об иншому мирі
Тільки осталась жива! («Пролісок», 6).

Эта единственная отрада поэта—«думка об иншому мирі», о горячо любимой родинѣ,—внушивъ ему и самую мысль о литературной дѣятельности, сообщила его произведеніямъ особую оригинальную окраску. Читая стихотворенія этого больного, измученнаго человѣка, поражаешься тѣмъ громаднымъ запасомъ силы и энергіи, которыя живымъ ключемъ бьють изъ нихъ, возбуждая искреннее изумленіе предъ стойкостью автора, сумѣвшаго въ самой ужасной обстановкѣ, при полномъ отсутствіи радостей жизни сохранить лучшія человѣческія стремленія. Личные мотивы почти

---

1) „Пролісок", твори Павла Граба, Львів, 1894. Изъ отдѣльныхъ изданій сочиненій Грабовскаго, кромѣ упомянутаго, отмѣтимъ: 1) «Твори Івана Сурика», переклав з росийського Павло Граб., Львів, 1894; 2) «З чужого поля», переклади Павла Граба, Львів, 1895; 3) «З півночи», твори Павла Граба, Львів, 1896; 4) „Доля", переспіви Павла Граба, Львів, 1897; 5) «Хома Баглай», поема Р(оберта) Б(ёрнса), звиршувавъ П. Г., Черниговъ, 1898; и 6) «Кобза», спивы и переспивы П. Граба, Черниговъ, 1898. Кромѣ отдѣльныхъ изданій, Грабовскій помѣщалъ свои произведенія въ различныхъ органахъ украинской печати въ Галичинѣ: «Зоря», «Народ». «Правда», «Дзвінок», «Жите і Слово» и «Літературно-науковий Вістник», подписываясь псевдонимами: Павло Граб, Панько, Харько Воля, Харько Вець, Павло Журба, а также и полнымъ именемъ. Прозою имъ написано нѣсколько небольшихъ разсказовъ, статей и замѣтокъ частью автобіографическаго, частью критико-публицистическаго характера.

отсутствуютъ въ произведеніяхъ Грабовскаго, или, говоря точнѣе, они всегда сопровождаются мыслями общественнаго характера. «Поэтъ гражданинъ»—это, по нашему мнѣнію, наиболѣе умѣстный по отношенію къ Грабовскому эпитетъ, характеризующій все содержаніе, цѣль и направленіе его поэзіи; въ смыслѣ цѣльности, гармоничности и, такъ сказать, аскетичности міросозерцанія—это одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ въ новѣйшей украинской литературѣ.

Читатель знаетъ уже, какъ тяжело сложилась личная жизнь поэта; «побратавшись на-віки з журбою,—говоритъ онъ,—я про щастя не дбаю давно» («Кобза», 57); ни назади—въ прошедшемъ, ни впереди—въ будущемъ нѣтъ свѣтлыхъ явленій, нѣтъ радостей, и только временами лучъ надежды освѣщаетъ непроглядную темень, сгустившуюся вокругъ поэта:

І в минулому—могили,
І попереду—хрести;
Як то вельми треба сили
Світлу віру донести!
І поглянуть навіть гірко,
І вбачається мені,
Що крізь хмари, ясна зірко,
Сяєш ти у вишині («Пролісок», 37).

Но надежда—это крайне рѣдкій гость у людей, жизнь которыхъ какъ и у нашего поэта, является однимъ сплошнымъ отрицаніемъ всякой надежды; безжалостная дѣйствительность на каждомъ шагу представляетъ доказательства противнаго: «не прийде надія, одурить» и единственное, что остается въ жизни—это

Тільки й долі—чесно вмерти,
Хрест без плями донести («З півночи», 22).

А между тѣмъ могучее сознаніе того, что «людина єсмь», жажда сострадания, любви и счастья манятъ къ себѣ и исторгаютъ мучительную жалобу:

Коли ж і де просвіток я побачу?
Чому ж мені... в глуші
Ти не послав, о Боже, на придачу
Усіх незгод хоть рідноі душі? („Пролісок“, 44).

Одиночество является особенно тяжелымъ для поэта, всѣ мысли котораго направлены къ одному—благу общему и дѣятельности для «щастя всіх»:

Що-дня гину один і загину въ кінець,
Ніхто в світі, ніхто не поможе:
Дотліває життє, як сумний каганець,
Жити ж хочеться, хочеться, Боже!
Чи хто скаже мені тепле слово коли,
Чи диждусь я хоч трошечки зглядy,
Чи бездольцем, як жив, і поляжу до мли,
Безталаннем геть випхнутий з ряду?
На хвилину, на мить утекти від життя,
На эдину взаемин зазнати,
Завитати на мить в світлий мир почуття,
Потім... потім... хоть знову конати («З півночи», 33).

Но даже среди мукъ одиночества поэта не оставляютъ заботы о другихъ; чуткій ко всякому страданію, онъ готовъ пожертвовать удовлетвореніемъ своихъ желаній, лишь бы не огорчить близкаго человѣка. Въ часъ мученій и отчаянія,—говоритъ онъ:

Я замкнусь собі сам у тиші,
Засумую від рана до рана,
Доки мука не зникне з душі,
Не загоіться нищечком рана.
А до тебе в сю мить не прийду,
Заховаю подальш своі болі...
На твоему, голубко, виду
Сліз пекучих без того доволі («З півночи», 47).

Впрочемъ, говоря о поэзіи Грабовскаго, нужно имѣть въ виду, что вообще подобное настроеніе является у него не болѣе, какъ минутнымъ, и стихотворенія, проникнутыя отчаяніемъ, да-

леко не занимаютъ главнаго мѣста въ его литературномъ наслѣдіи. Какъ и всякому человѣку, ему приходится бороться съ самимъ собой, съ муками отчаянія и сомнѣній, и изъ этой борьбы онъ всегда выходитъ побѣдителемъ, находя свое успокоеніе («розвагу») въ мысляхъ о другой борьбѣ—за счастье человѣчества, о друзьяхъ-братьяхъ, о пути къ высокимъ цѣлямъ. Вотъ, напр., подъ тоскливое завываніе мятели особенно сильно даетъ себя знать одиночество – «серце в грудях занивае, що однісеньке-одно», но поэтъ не даетъ воли чернымъ мыслямъ:

Справдi так? А мрiї ясні,
Шлях до світлої мети,
А чаруючі, прекрасні
Дорогі мої брати?..
Хай же вие хуґа люта,
Жахом серце зворуша:
Сил здобуде думка скута,
Загартується душа («Пролісок», 56).

Гордымъ вызовомъ, бросаемымъ прямо въ лицо жестокой, слѣпой долѣ, звучитъ послѣдняя строфа; чуется за нимъ человѣкъ великой духовной силы, неспособный пойти ни на уступки, ни тѣмъ болѣе на компромиссы, разъ они противорѣчатъ его совѣсти и убѣжденіямъ. Особенно характернымъ для того настроенія нашего поэта, которое выше мы назвали минутнымъ, является стихотвореніе «Сповідь». Поэтъ разсказываетъ въ немъ, что онъ палъ духомъ, растерялъ всѣ надежды и идеалы, а мелкое, тщательно заглушаемое себялюбіе властно возвысило свой голосъ, требуя прежде всего удовлетворенія эгоистическихъ потребностей человѣческой природы: предъ этимъ голосомъ низшихъ стремленій отступаютъ высокіе порывы и идеалы, поэтъ готовъ проклинать все и вся, стоящее на дорогѣ къ личному счастью. Но среди такого паденія, одна мысль о страждущихъ братьяхъ, о непоколебимыхъ борцахъ, стойко выдерживающихъ всѣ невзгоды, производитъ въ душѣ поэта полный переворотъ, прорывающійся въ страстномъ кличѣ:

О, простіть мене ви, непохитні борці,
Та погляньте зновъ приязним зором!
Про знемогу мою, про хвилини отсі
Мені навіть і згадувать сором.

В грудях жвавість росте, думка кличе вперед:
Відживають колишні заміри;
Перейшов по душі дошкульний уверед,
Знов я повен надіі та віри...

Хай ніколи нігде не збувається все,
Що у снах зачарованих сниться;
Хай у прирву мене життє вихром знесе,—
Знаю: сонце на хвильку міниться.

Хочу жити я знов, працювать безъ кінця,
Власні жалі порвати з докором.
Згиньте ж туги мої! Ви не гідні співця!
Про вас навіть і згадувать сором! («З півночи», 50).

Чѣмъ то въ высшей степени трогательнымъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, особенно если принять во вниманіе обстоятельства личной жизни поэта, во всякомъ случаѣ не располагающія къ оптимистическому взгляду на окружающее [1]). Не менѣе, быть можетъ.

[1]) Вышеприведенное стихотвореніе Грабовскаго, судя по нѣкоторымъ даннымъ (см. предисловіе къ сборнику „З півночи“), написано въ 1895 году, и слѣдовательно относится къ самому тяжелому періоду въ жизни поэта. Настроеніе Павла Арсеньевича Грабовскаго въ то время можетъ быть характеризовано, какъ безпрерывное колебаніе между приступами отчаянія и возрожденіемъ надежды. «Такого тяжкого часу,—пишетъ онъ,—такого хороблитвого стану духового, як саме тепер, я, здається, не переживав. Як на те й з рідного краю—ні словечка, ні однісінького числа часописі, а без українщини мені просто смерть... Останню зиму я не жив, а просто мучивсь, особливо перед кінцем; не знаю вже, як і видержав... Цілий місяць я звичайно нудьгую та мучусь, не дам собі жадноі ради, не нахожу ні місця ні спокою, гадаю хопитись до револьвера... Потім приходить пошта—раз на місяць, привезе часописі, листи, книжки, вісти .. відживеш душею й серцем, замариш, захочеться жити й працювати. І я хапаюсь, роблю і се і те, прихапцем, поспішаючи... а

трогательны и тѣ примѣчанія, которыми Грабовскій снабдилъ свои пессимистическія, и такъ впрочемъ очень немногочисленныя, стихотворенія. «Вірш сей,—говорится въ одномъ изъ подобныхъ примѣчаній,—вилився в годину тяжкого хоробливого настрою; тільки в таку годину я міг висказувати подібні думки та почування від котрих перший відкидаюсь, бо ніколи й не поділяв іх» [1]. Борьба человѣка съ самимъ собою,—самая, какъ извѣстно, тяжелая и мучительная борьба,—очень ясно сквозитъ изъ вышеприведенныхъ строкъ. Этотъ мотивъ борьбы, минутнаго отчаянія и изнеможенія—паденія, по взгляду автора,—и слѣдующаго за нимъ, такъ сказать, духовнаго возрожденія, повидимому, очень занималъ Грабовскаго, посвятившаго ему такія прекрасныя, сильныя по формѣ и содержанію произведенія, какъ «Тяжко дихати» («Кобза», 71), «Змордованый горемъ я довго хворав» (ibid. 76), и др. Нужно замѣтить, что почти всѣ такого рода произведенія заканчиваются бодрымъ и энергичнымъ призывомъ къ борьбѣ и дѣятельности. Среди самаго непрогляднаго мрака отчаянія, безнадежности и сомнѣній, навѣянныхъ на Грабовскаго силою окружающаго зла, его «кобза» почти всегда въ концѣ концовъ издаетъ бодрый звукъ:

Я знову вірю, що пригода,
Мов чорна хмара пропливе,
Що невмируща міць народа
Усе лихе переживе («Пролісок», 26).

«Терпіть,—обращается онъ въ другомъ мѣстѣ,

Терпіть, а має справдитись
Божий святий заповіт...

потім знов починаеться нудьга, нудьга без краю, без розваги»... („Із дневника невольника“, Житє і Слово, т. IV, стр. 313—314). Мрачное настроеніе Грабовскаго и его особенно тяжелая жизнь въ это время сильно отразились на сборникѣ „З півночи“, который составился изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1895 г. и отличающихся въ высшей степени скорбнымъ характеромъ.

[1] „З півночи“, 35.

Добре у світ не родитись,
Краще побачити світ („Пролісок“, 32—33).

При такомъ настроеніи поэта естественно, что въ его творчествѣ участіе личныхъ мотивовъ сведено до minimum'а; Грабовскій, можно сказать, тщательно ихъ избѣгаетъ, выходя совершенно сознательно изъ той мысли, что ими «найменше повинен займатись співець-громадянин» [1]).

Власне щасте та турботи,
Власні думки... кинь гадать.
До громадськоі роботи
Слід житте своє віддать («Пролісок», 21),—

несмотря на какія бы то ни было жертвы и мученія личнаго характера.

Поэтъ, по мнѣнію Грабовскаго, долженъ быть прежде всего работникомъ на пользу общую, борцомъ за идеалы добра и справедливости; его обязанность—«вислідженне явищ та обставин безпосередно життевих, замість цвіріськати, як та божа пташка серед гаю, верзякати всяку нісенітницю, що забрела зненацька въ голову. Так верзякають тільки дикарі, у котрих немае ще поезиі: гору побачив—про гору співае, ліс—про ліс, дерево—про дерево і т. д. Але сучасний співець не повинен вертатись до того стану первістного, бо який же він після того співець, який навіть сучасник?... Не триндикати без пуття його діло, а робити гуртову суспільну роботу, вживаючи своі кебети та знання, бо в противнім разі на якого гаспида він потрібний. Цікавий, щиролюдський зміст до-купи з виробленою, художно-закінченою формою становлять головні прикмети всякоі істинноі поезиі. «Штуки для штуки» не було, немае й не може бути в дійсности; се пустопорожня, пустодзвінна фраза—не більш. Вона навпаки

[1]) См. предисловіе автора къ сборнику «З півночи» и въ высшей степени характерную въ этомъ отношеніи замѣтку «Де-що про творчість поетичну» («Зоря», 1897, стр. 57—58).

завсігди прикривала собою найтенденцийнійші замахи думки, проповідувала найгрубішу тенденцийність в літературі. «Штука для штуки»—се в устах проповідників значило: затчи уши та затули очи на голоснійші потреби життя, тікай від його прози, літай понад миром на крилах легесеньких, принадливих мрій, лоскочи нотихесеньку нерви, з поезиї зроби панську примху. Поезия мусить бути одним із чинників поступу загально-людського, а в рідному краі з'окрема загально-народного, средством боротьби з світовою неправдою, сміливим голосом. Така іі задача» [1]). Мы привели эту нѣсколько длинную выдержку потому, что она многое выясняетъ въ литературной дѣятельности Грабовскаго: высказывая строго-опредѣленный взглядъ на обязанности поэта теоретически, онъ и на практикѣ остается ему вѣренъ безъ всякихъ сомнѣній и колебаній. Поэты, которыхъ мы назвали бы сладкопѣвцами, органически были непонятны для Грабовскаго, и дѣятельность ихъ естественно не возбуждаетъ въ немъ иного отношенія, кромѣ ироническаго.

Не все співати нам про квіти
Та любоватися Дніпром («Пролісок», 85),

говоритъ онъ въ обращеніи къ «Поетам-украінцям», а въ стихотвореніи «До Парнасців» ту же мысль высказываетъ еще выразительнѣе:

Соловейко співа на гиллях—
Не діліть його красного труду... («З півночи», 57).

«Я не співець чудовноі природи», «я не літав в надзоряні краіни»,—говоритъ Грабовскій о себѣ лично,—нѣтъ, дѣятельность его состояла въ другомъ:

До людського горювання
Скрізь я прислухався,—
Сумний голос безталання
На папір прохався.

---

[1]) «Де-що про творчість поетичну», Зоря, 1897; стр. 58.

Закипали в серці сльози,
Дивлячись на муки,
І зривались тихо з кобзи
Нерозважні згуки («Кобза», 4).

Пусть поэты, превыше всего ставящіе красоту,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—

Співають нам на всякі голоси
Про райські сни й куточки благодатні,—
Де плачуть, там немає вже краси!
Нехай вони, кохаючись «на лоні»,
Мук забуття вишукують дарма,—
Їх не заспать: у серця відгомоні
Озветься світ з турботами всіма («Кобза», 92).

Но съ другой стороны поэтъ—тотъ же человѣкъ и потому Грабовскій считаетъ несправедливыми притязанія, многими къ поэту предъявляемыя—

Щоб він нічого, крім з терну вінця
В жизні не смів забажати («З півночи», 55);

не судите же его слишкомъ строго,—прибавляетъ Грабовскій,—

Не судіть же співця так жорстоко,
Що пісні його в край сумовиті,
Що сльоза туманить його око,
Що він скрізь одинокий на світі («З півночи», 54).

Обратимся теперь къ содержанію произведеній Грабовскаго, къ его героямъ, долею которыхъ онъ преимущественно занимается. Если мы зададимъ вопросъ, кто является героемъ для нашего поэта, то отвѣта не придется долго искать: косвеннымъ отвѣтомъ служитъ содержаніе всѣхъ его произведеній...

Народъ, массы, всѣ «труждающіеся и обремененные», люди мысли—вотъ герои произведеній Грабовскаго, вотъ кому посвятилъ онъ свой «спів». Трудно, намъ кажется, найти писателя,

который бы съ такой выдержанностью и послѣдовательностью стоялъ на добровольно избранномъ посту, который бы такъ строго и неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли. Глубокимъ демократизмомъ, любовью къ родному краю и народу, сочувствіемъ ко всѣмъ страждущимъ и трудящимся, искреннимъ гуманизмомъ и братскимъ призывомъ къ добру и справедливости запечатлѣны страницы, вышедшія изъ-подъ пера этого глубоко-несчастнаго въ личной жизни, но не сломленнаго тяжелой долей поэта. Это въ полномъ смыслѣ слова—пѣвецъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», поэтъ-гражданинъ и демократъ до мозга костей своихъ. «Щастє всіх»—главное желаніе нашего гуманиста, «народний добробит»—основаніе и цѣль его дѣятельности, «простий люд»—кумиръ, не въ смыслѣ, какъ увидимъ ниже, слѣпого преклоненія, къ которому Грабовскій, кажется, и не былъ способенъ, а въ качествѣ объединяющаго, все къ одному центру сводящаго начала. Приступая къ изученію стихотвореній Грабовскаго, мы начали было дѣлить ихъ на рубрики по содержанію, но въ концѣ концовъ пришлось бросить эту работу, какъ совершенно излишнюю и безполезную: получалась, строго говоря, одна рубрика, черезъ которую проходила красною нитью одна и таже мысль... Эта мысль составляетъ соль всей дѣятельности Грабовскаго, лейт-мотивъ его произведеній; недаромъ онъ въ своемъ обращеніи къ дѣтямъ внушаетъ имъ — «першу працю присвятити люду бідному» («Пролісок», 46).

Щоб настав час жданий людського єднання... («Пролісок», 46)—

таковъ идеалъ поэта;

Світло правды нести проти лютого зла
В боротьбі із тяжкою годиною,
Працювать на користь та рятунок села («Пролісок», 46)—

вотъ обязанность всѣхъ и каждаго. И при этомъ необходимо замѣтить, что Грабовскій вовсе не идеализируетъ народа, не считаетъ его кладеземъ мудрости и вмѣстилищемъ всевозможныхъ добродѣтелей. Онъ знаетъ, что народъ въ умственной темнотѣ и

матеріальныхъ «злиднях» влачитъ жалкое существованіе, и приглашаетъ вдумчиво и внимательно изучать его, сбросивъ романтически-сентиментальную повязку съ глазъ, являющуюся плодомъ поверхностнаго знанія народной жизни и мѣшающую видѣть вещи въ ихъ настоящемъ, неприкровенномъ видѣ.

Чи не глянуть мужикові
У хатиноньку сумну?
Глянуть просто, без серпанку,
Яким все обволіка
Пан-поет, що бачив з кганку
Богоносця-мужика («Пролісок», 66)?

Такая любовь, дѣятельная и активная, очевидно не нуждается въ прикрасахъ и идеализаціи; она не закрываетъ глазъ на дѣйствительные недостатки народа, но за то не просмотритъ и дѣйствительныхъ его нуждъ и потребностей.

Наравнѣ съ любовью къ народу Грабовскій ставитъ любовь къ родинѣ; въ его представленіяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, эта послѣдня любовь опять таки не является въ романтическомъ освѣщеніи и на исключительно этнографической подкладкѣ,—это любовь активная, требующая дѣлъ и жертвъ, а не кисло-сладкихъ восхищеній прелестями родной природы, наполовину выдуманными доблестями ея обитателей и т. п. «З рідним краєм якась нитка тебе звязує на вік»,—говоритъ Грабовскій,—и

Під яким би небом ясним
Ти собі не опинивсь—
А не буде воно красним,
Як було своє колись.

Час надійде—ми вмираєм,
Бо на все своя пора;
Тільки жаль за рідним краєм
Серед люду не вмира («Кобза», 81).

Поэтъ произноситъ обѣщаніе, напоминающее знаменитое «забвенна буди десница моя», не забывать «святыхъ» словъ—«рід-

ний край», любить его («Кобза», 84); тоску его въ состояніи развѣять лишь «голос з Украіни» («Кобза», 82); «рідна пісня» служитъ единственной отрадой и утѣшеніемъ въ горѣ, но увы! только во снѣ онъ можетъ увидѣть родину, и тѣмъ тягостнѣе пробужденіе на чужбинѣ (см. «Прокид»—«Кобза», 31). Поэтъ обращается къ облакамъ, плывущимъ на югъ, съ трогательною просьбой—напоить родныя нивы и передать имъ привѣтъ и смертельную тоску его:

Так летіть же в край південний,
Сухі ниви наповайте,
Щоб не гинув люд нужденний;
Тихим вітром повівайте.
Скажіть щире привитанне
Всім коханим, всьому краю,
Як сумую з безталання,
Як за ними умираю («Кобза», 88).

Подчеркнутыя нами слова—это не красивая только фраза: Грабовскій дѣйствительно всю жизнь свою страстно, неудержимо порывался на родину. Пишущему эти строки въ послѣдніе годы пришлось переписываться съ Грабовскимъ и каждое письмо послѣдняго дышало глубокою скорбію по поводу невозможности сейчасъ увидѣть родину и надеждой, что его желаніе исполнится хоть когда нибудь. «Тільки й живу надією—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—побачити хоч не скоро рідний край, віддихнути душею в товаристві тих, що працюють для його щастя та будущини. Коли б не та невмируща надія, то житте моє тут зовсім уже було б безвідрадне» (30. Ш. 1901). «Аби прожити ще 4 роки, щоб побачити Украіну та Галичину, бо коли доведеться вмирати, не побачивши рідного краю з його людьми, то се буде найгіршим та найважчим моім жалем» (2. IV. 1902) и т. п. Но возвратимся къ прерванному изложенію.

Поэтъ желаетъ для своей родины («До Русі-Украіны»),

Щоб Русь порізнена устала

. . . .

І квітом повним розцвітала
У згоді з ближніми всіма («Пролисок», 21);

поэтому понятно, какое сильное негодованіе овладѣваетъ имъ при видѣ людей, забывающихъ о нуждахъ родного края, отдающихъ свои силы, таланты и способности на всевозможныя дѣла и только для родины не находящихъ имъ никакого приложенія:— «тільки там, де перше треба, не здіймали якось рук» («Пролісок», 40),—съ ироническимъ укоромъ обращается онъ къ такого рода «землячкамъ». Въ обращеніи къ дѣтямъ на первый планъ выдвигаются обязанности къ родинѣ и особенно подчеркивается,

Щоб не зросли ви на сором
(Бійтесь найпаче того!)
Та не зробились позором
Рідного краю свого! («Пролісок», 70).

Дѣятельная, активная любовь къ родной странѣ обнаруживается и во взглядахъ поэта на историческое прошлое своего народа: свойственная вообще Грабовскому гуманность запечатлѣваетъ духомъ современности и событія прошлаго, спасая автора отъ односторонней исключительности, часто закрывающей глаза на темныя стороны въ этомъ прошломъ или же подбавляющей къ нимъ свѣтлыхъ красокъ.

Не величатись давниною,
Не вихвалятись нам дарма,
А дбать над долею сумною,
Що люд наш нині обійма («Пролісок», 57—58);

такую программу дѣятельности предлагаетъ Грабовскій для современниковъ. Да и вообще недостатокъ гуманности и демократизма въ политикѣ прошлаго онъ ставитъ въ наибольшую вину нашимъ историческимъ дѣятелямъ. Основная ошибка, напр., Хмельницькаго—это стремленіе «стяг козацький піднести», забывая о тяжелой долѣ «посполитыхъ», и оправданіемъ ему можетъ служить лишь то обстоятельство, что онъ «був лихого часу сином і вище стати не зміг» («Пролісок», 58). Передъ поэтомъ, «встає на думку,

як огида» то кровавое время, когда «козак без жалю вішав жида», а «жид добра не зичив козаку», и онъ желаетъ, чтобы скорѣе забвеньемъ покрылась эта «минувшина гірка» и между враждовавшими народами установились отношенія на новыхъ основаніяхъ взаимнаго уваженія, братства и справедливости. Въ обращеніи къ товарищу-поляку Грабовскій приглашаетъ соединенными силами бороться

... за те, щоб духом згоди
Все понялося між людьми... („Пролісок", 79).

Гуманность, солидарность и отношенія, основанныя на началахъ братства и справедливости—вотъ условія, способныя, по мнѣнію Грабовскаго, доставить счастье людямъ здѣсь, на землѣ, и потому желаніе, «щоб загибли людські чвари», неоднократно въ той или иной формѣ имъ высказывается. Поэтъ при этомъ полонъ вѣры, что

Прийде день великоі відради:
Чоловіцтво, змучене у-край,
Ворожду закине брацтва ради
Й на землі побачуть люде рай („Пролісокъ", 48).

Самъ онъ, несмотря на то, что руки его скованы непреодолимой силой внѣшнихъ обстоятельствъ, готовъ пожертвовать всѣмъ для приближенія этого рая:

... любовю бьються груди;
Бажав би віки працювать,
До миру кличучи, щобъ люде
Людей спішили розкувать („Пролісок", 34).

Свята любов для світу буква мертва,
Христос—давно всіма забута річ;
І гине люд, страшноі ночи жертва,
І підпира оту злочинну ніч („Пролісок", 49).

Противорѣчія между требованіями любви и справедливости и неприглядной дѣйствительностью, безбрежное море зла, ложь, царствующая въ отношеніяхъ людей—«журним криком» отзываются въ

сердцѣ поэта; въ душу закрадывается мучительное сомнѣніе въ достиженіи искомаго идеала, въ благопріятномъ исходѣ борьбы за лучшее будущее и Грабовскій бросаетъ прошедшему, оказавшемуся повидимому безплоднымъ.

Но какъ въ личной жизни только въ рѣдкія минуты поэтъ допускалъ овладѣвать собой отчаянію, такъ и въ общественныхъ своихъ взглядахъ онъ падалъ духомъ лишь на мгновеніе; вообще же онъ твердо вѣритъ, что осуществленіе великихъ идеаловъ братства, добра и справедливости есть только вопросъ времени, и эта увѣренность прорывается энергичнымъ восклицаніемъ...

Принадлежа самъ къ числу идейныхъ борцовъ за лучшее будущее человѣчества, Грабовскій особенныя надежды возлагаетъ именно на нихъ. Нѣтъ силы на землѣ, которая была бы въ состояніи превозмочь людей, одухотворенныхъ стремленіемъ къ идеалу;

Мало нас, та се дарма:
Міцна віра рушить скали...
Тим загибелі нема,
Кому світять ідеали („З півночи", 51).

«Глянь на луг,—ободряетъ поэтъ изнемогшаго въ борьбѣ товарища,—

Глянь на лугъ: не вся травиця
Ще потоптана у прах;
Глянь на люде—чесні лиця
Ще не всі обвіяв страх („Пролісок", 10).

«Сміле слово,—говоритъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ,—то наші гармати, світлі вчинки—то наші мечі» («З півночи», 58), и темень, окружающая современное человѣчество, кажущійся мертвымъ и непробуднымъ сонъ, обиліе всевозможныхъ — это только «перед світом» («Кобза», 42). Можетъ быть, самимъ борцамъ и не придется дожить до того радостнаго момента, когда тьма отступитъ, побѣжденная яркими лучами восходящаго солнца, но это не должно ихъ ни смущать, ни тѣмъ болѣе какимъ-ни-

будь образомъ влiять въ смыслѣ ослабленiя энергiи; напротивъ, они должны почерпать воодушевленiе и силу свою въ томъ, что

. . . свитла думка про мерцiв... („Пролiсок“, 80).

Съ особенною любовью останавливается Грабовскiй передъ образомъ страдальцевъ, до конца донесшихъ тяжелый крестъ свой, не согнувшись подъ его тяжестью. Такова напр., «бабуся», кромѣ страданiй и безпрестаннаго труда ничего не испытавшая въ теченiе всей своей долгой жизни и тѣмъ не менѣе сохранившая достаточно душевнаго спокойствiя, равновѣсiя и нравственной силы, чтобы собственноручно сшить рубашку «про смерть». «Вотъ образецъ для насъ», какъ бы говоритъ поэтъ и высказываетъ желанiе для себя лично—сохранить настолько силы, чтобы такъ же спокойно и безстрашно «позирати на могильне полотно» («Кобза», 29). Произведенiя Грабовскаго—это восторженный гимнъ добру, справедливости и борцамъ за нихъ и безпощадное осужденiе и проклятiе злу.

На предыдущихъ страницахъ мы совершенно не касались произведенiй Грабовскаго съ художественной стороны, да и едва ли удобно было бы выдвигать эстетическую мѣрку при оцѣнкѣ произведенiй писателя, сонму поэтовъ-сладкопѣвцевъ и даже вовсе недвусмысленно открещивавшагося отъ «чистаго искусства». Тѣмъ не менѣе и съ художественной стороны стихотворенiя Грабовскаго отличаются несомнѣнными достоинствами и въ этомъ отношенiи ему будетъ отведено подобающее мѣсто въ нашей литературѣ. Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ мы находимъ, согласно съ теорiей самого автора, гармоническое сочетанiе «цiкавого щиро-людського змiсту з виробленою художно-закiнченою формою», хотя иногда,—преимущественно въ болѣе раннихъ произведенiяхъ,—имъ вредитъ нѣкоторая реторичность, очевидное пренебреженiе къ формѣ и отчасти недостатки въ языкѣ,—послѣднее, опять таки, относится къ самымъ раннимъ произведенiямъ Грабовскаго и въ сущности было почти неизбѣжнымъ въ его положенiи. Вспомнимъ только, что онъ былъ оторванъ отъ родного края 18-лѣтнимъ юношей, жилъ на далекой чужбинѣ, не имѣлъ возможности и случая слышать

родную рѣчь и обогащать свои знанія изъ непосредственнаго живого источника. Да онъ и самъ замѣчалъ недостаточность первоначальныхъ своихъ знаній въ родномъ языкѣ и со свойственной ему энергіей и горячностью принялся работать надъ собой. Успѣхъ его трудовъ очевиденъ, если сравнивать по языку первыя его произведенія съ позднѣйшими. Грабовскій далъ примѣръ серьезнаго отношенія къ изученію родного языка, достигнувъ блестящихъ результатовъ при самыхъ неудобныхъ условіяхъ, и можетъ служить, говоря мимоходомъ, живымъ укоромъ для многихъ «малоросіянъ» (очень интересная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разновидность), которые всю свою жизнь «собираются» приступить къ изученію родного языка, но, подобно Возному, «за нодосужностію по должности і другими клопотами» никогда не приводятъ своего намѣренія въ исполненіе... Ниже оригинальныхъ произведеній Грабовскаго стоятъ, по нашему мнѣнію, его переводы, хотя взятые сами по себѣ они въ общемъ не дурны и могли бы составить имя другому, менѣе талантливому поэту [1]). Стихъ его произведеній въ общемъ легкій, плавный, языкъ, за немногими указанными исключеніями, народный, неудачныя выраженія встрѣчаются сравнительно не часто. Особенно по формѣ удаются автору чисто лирическія стихотворенія, проникнутыя

---

[1]) Какъ переводчикъ, Грабовскій является однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей; имъ переведены произведенія: Эдгарда По („Крук“), Купера, Томаса Гуда, („Пісня про сорочку“), Лонгфелло («Сон невольника»), Вальтер-Скотта, Байрона («Шильонський вязень», «Замокъ Альва», «Саулъ», „З Чальд-Гарольда“ и др.) Вордерсворта, Роберта Соути («Суд Божий над епископом») Теннисона, Кембеля, Шелли, Р. Бёрнса („Старчача гульня), Броунинга, Ады Негри, Сюлли Прюдома, Катюль Мандеса, Боделера, Коппе, Верлена, Гете, Шамиссо, Ленау, Риккерта, Шерра, Фрейлиграта, Гервега, Гаммерлинга, Уланда, Кристена и цѣлаго ряда русскихъ, славянскихъ, грузинскихъ, армянскихъ, эстонскихъ и другихъ поэтовъ. Отмѣтимъ также здѣсь его интересную статью „Московські переклади творів Шевченка („Зоря“, 1896—97 р.р.), дающую матеріалъ для характеристики Грабовскаго, какъ переводчика

тихимъ чувствомъ скорби по утраченной родинѣ и близкихъ людяхъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести одно изъ такихъ стихотвореній:

Як побачу я квіти пахучі,
Моє серденько враз защемить,
З очей сльози поллються пекучі,
Бо побачивши квіти пахучі,
Милий óбраз згадаю я в мить.
Як побачу я зіроньку ясну,
То не видно других уже зір;
Нарікаю на долю безщасну,
Бо побачивши зіроньку ясну,
Я згадаю коханоі зір.
Як пташки стануть в ирій летіти
Від морозів у нашім краю,
Вся душа починає боліти,
Бо я плачу, як стануть летіти,
Спогадавши недолю свою („Кобза", 92—93).

Къ лучшимъ стихотвореніямъ въ томъ же родѣ относятся: «Квітка», «До соловейка», «Доки сонця, доки світу», «Не журися, друже ревний», «Журба», «Тяжко-гірко визирати», «Змордований горем», «До матери» и многія другія.

Въ одномъ изъ послѣднихъ по времени стихотвореній («Кобзарь»), появившемся уже послѣ смерти автора [1]), Грабовскій изображаетъ долю кобзаря, одиноко прошедшаго тернистый жизненный путь свой, усѣянный страданіями и лишеніями и скрашенный только нравственнымъ удовлетвореніемъ отъ сознанія исполненнаго долга. Къ одинокому, никогда не знавшему радостей пѣвцу приходятъ, наконецъ, старость, болѣзни, изнеможеніе; долгій и трудный путь сказывается—

Туман якийсь в очах, не слухають ноги,
Від кобзи легенькоі гнуся;

[1]) См. „Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Ол. Кониського", Кіевъ, 1903.

Давно погубив я всі рідні дороги,
Не відаю—де опинюся.
Блукаю одинцем і вмру сиротою,
Без сліз поховає чужина;
Нехай же положуть і кобзу зо мною,
Бо се—моя втіха єдина.

Какъ сходна доля этого кобзаря-горемыки съ долей самого автора! Послѣдній также смѣло могъ оставить подобное завѣщаніе—положить съ нимъ въ гробъ его кровью и слезами написанныя страницы: онѣ были его единственной отрадой и утѣшеніемъ при жизни, онѣ же могутъ служить ему оправданіемъ и послѣ смерти—не безплодно пройденъ жизненный путь, оставленъ слѣдъ въ родной литературѣ. Аскетическая муза поэта исполненіемъ этого предполагаемаго завѣщанія была бы, думаемъ, вполнѣ удовлетворена; но для насъ, читателей, такая награда пѣвцу кажется слишкомъ недостаточной.

Сергій Ефремовъ.

3—4. XII. 902.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Три письма Т. Г. Шевченка къ А. И. Лизогубу. Благодаря любезности М. А. Марко-Вовчокъ, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи еще три письма Т. Г. Шевченка, особенно любопытныя потому, что относятся они къ 1848—1850 г.г., къ тяжелому времени жизни поэта въ ссылкѣ. Хотя ни на одномъ изъ писемъ нѣтъ указанія, къ кому они адресованы, но содержаніе ихъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ три письма были писаны къ А. И. Лизогубу, къ которому пять писемъ за этотъ-же періодъ времени напечатаны въ книгѣ М. К. Чалаго «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка» (стр. 67—75). Печатаемое нами ниже письмо, помѣченное 9 мая 1848 г. въ крѣпости Орской, находится въ тѣсной связи съ письмомъ, напечатаннымъ г. Чалымъ и помѣченнымъ 7 марта 1848 г. Въ этомъ письмѣ онъ, благодаря за присланную «скрыньку» съ красками, намекаетъ на то, что «я теперъ хочъ и багатый на папиръ, а все-такы на клаптыку пышу, бо сказано пустыня: де я возьму, якъ потрачу». Отвѣтомъ на это письмо, очевидно, была присылка Лизогубомъ въ подарокъ бумаги, благодарностью за которую и начинается печатаемое нами теперь письмо Шевченка.

—

9 маія 1848. К. Орская

Воистынно воскресъ!

Спасыби тоби, щырый мій друже, и за папиръ, и за лыстъ твій, що кращчый паперу. Папиръ мени теперъ дуже ставъ у прыгоди, а лыстъ ще дужче! и тымъ самимъ, що мени теперъ треба було молытвы

и щирого дружнёго слова, а воно якъ разъ и трапилось. Я теперъ веселый йду на оте некчемне море аральске. Не знаю, чи вернуся тилько!.. А иду ейбогу веселый.

Спасыби тоби ще разъ за писанку; дійшла вона до мене цилисинька, и въ той самый день прыйшло мени розришеніе малювать, а на другій день прыказаніе у походъ выступать. Беру зъ собою усю твою малярску справу; не знаю тилько, чи доведецця малювать!

Выбачъ мени, ейбогу николе и сухарь той ззисты, а не те шобъ лыстъ написать доладу. До В. Н. [1]) напишу вже хиба зъ Раиму. Якъ будешъ писать до неи, подякуй за кныжку Гоголя.

Адресъ мій: въ К. Орскую

Его Высокоблагородію

Михайлу Семеновичу Александрійскому [2])

съ передачею мени.

А цей чоловьяга буде посылать до мене черезъ коменданта. Не забувай мене, едыный мій! Колы не побачымося на симъ свити, то вже певне зострінымося на тимъ. До свиданія!

Щирый твій Т. Шевченко.

Нужно принять во вниманіе, что слухи о назначеніи Шевченка въ экспедицію черезъ степи къ Аральскому морю доходили до него еще съ начала 1848 г.; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ кн. В. Н. Репниной отъ 28 февраля онъ съ ужасомъ говорилъ объ этихъ слухахъ. Между тѣмъ экспедиція эта была для Шевченка въ томъ отношеніи хороша, что открывала ему возможность, вопреки высочайшаго запрещенія, рисовать на законномъ основаніи: вѣдь онъ командированъ былъ «по распоряженію корпуснаго командира для *срисовыванія* видовъ въ степи и береговъ Аральскаго моря». На это-то разрѣшеніе рисовать и намекаетъ Шевченко въ письмѣ. Изъ тона письма между прочимъ видно, что теперь, за два дня до выступленія экспедиціи изъ Орска (11 мая), поэтъ примирился съ мыслью о походѣ и даже заявляетъ, что онъ „теперъ веселый“ идетъ на „оте никчемне море Аральске“.

—

[1]) Варв. Ник. Репнина.
[2]) Попечитель прилинейныхъ киргизовъ.

Бутаковъ, еще до окончанія экспедиціи, хлопоталъ о томъ, чтобы Шевченко былъ отправленъ на зиму вмѣстѣ съ нимъ въ Оренбургъ для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ и для перенесенія на карту гидрографическихъ видовъ. На это ходатайство послѣдовало отъ корпуснаго командира Обручова согласіе, и Шевченко въ ноябрѣ 1849 года прибылъ въ Оренбургъ. Отсюда онъ 8 ноября, послѣ полуторагодового перерыва, написалъ письмо къ А. И. Лизогубу (напечатанное въ книгѣ М. Чалаго, стр. 75), въ отвѣтъ на которое получено имъ письмо въ самый сочельникъ, что видно изъ слѣдующаго письма Шевченка, печатаемаго нами впервые.

Оренбургъ ~~1848~~ декабря 29.

На самый святвечиръ сижу соби одынъ однисинькій у хатыни та журюся, згадуючи свою Украину и тебе, мій друже едыный. Думаю: отъ Богъ дае и свято свое велыке на радисть добримъ людямъ, а мени нема съ кимъ слова промовить. Ажъ гулькъ! входить въ хатыну добрый Гернъ [1]) и подае мени вашъ лыстъ. Господы милостывый! якъ я зрадивъ! Ниначе батька ридного побачывъ, або заговорывъ зъ сестрою на чужини. А надто, якъ прочитавъ, що васъ всихъ, мовъ праведныхъ, минула кара Господня [2]), то ажъ заплакавъ,—такъ мени любо стало. Вы пишете, друже мій добрый, що шлыте альбомъ изъ papier torchon; спасыби вамъ—прышлить. А фарбъ сухихъ не посылайте, бо тутъ оліи достать не можно, та те ще—знову висною поженуть у степъ. Такій мій таланъ поганый! Щожъ мени вамъ послать, колы въ мене нема ничого; пославъ-бы вамъ видъ Аральского моря, такъ таке погане, що крый Боже! нудьгу ще наведе прокляте. Що вы пишыте, друже мій единый, шобъ я выставлявъ цину на моихъ будущихъ рисункахъ; велыке вамъ спасыби! бо тутъ безъ грошей ще поганше, якъ межъ жидами. Я, нарисовавше де що, отдававъ за самую убогую цину, такъ що-жъ—сміюця! Мени здаеця, що якбы самъ Рафаель воскресъ отутъ, то черезъ тыждень умеръ-бы зъ голоду, або найнявся-бъ у татарына козы пасты. Отаки тутъ люде! Шлю вамъ киргизкого *Баксу* або по нашому *Кобзаря*. Колы найдеця яка добра

---

[1]) Капитанъ генеральнаго штаба Гернъ, зная, что Шевченку удобнѣе получать письма не на свой адресъ, предложилъ къ его услугамъ свой адресъ. Въ домѣ Герна въ Оренбургѣ, въ отдѣльномъ флигелѣ, и жилъ поэтъ.

[2]) Тогда свирѣпствовала холера.

душа, то нехай купить, зробить добрее дило, а цину я ему кладу 50 карбованцивъ; може задорого, то збавте якъ знаете. Буду посылать до васъ усе, що зроблю вартого послать, а вы вже робить зъ ными що хочите. Ще посылаю вамъ оцйого гарнадера (це я); згадуйте мене, дывлячысь на його, друже мій добрый! Що вы пишете, щобъ росказать вамъ, що зо мною діялось на Аральскимъ мори два лита,—цуръ ему! бодай не діялось того нискимъ на свити! Опрычъ нудьги, вси лыха перебувалы въ мене, навить и нужа,—ажъ згадувать бридко! Адрисуйте ваши лысты на имя Герна, а мого имени не пишить: винъ знатыме по штемпелю. Бувайте здорови! Якъ будите писать В. Н. [1]), то поклониця ій одъ мене. Всему дому вашому нызенько кланяюсь. Щирый до васъ

Т. Шевченко.

—

Хотя Шевченко и получилъ командировку въ экспедиціи Бутакова для срисовыванія видовъ, но все-же тяготѣло еще надъ нимъ высочайшее запрещеніе свободно писать и рисовать. Извѣстно, что еще въ началѣ 1848 года началось дѣло объ облегченіи участи поэта въ этомъ отношеніи; но несмотря на благопріятные отзывы о Шевченкѣ такихъ лицъ, какъ корпусный командиръ Обручевъ и начальникъ края Перовскій, Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, о чемъ Шевченко и узналъ чуть-ли не 1 января 1850 г., какъ можно судить изъ письма его къ кн. Репниной, датированнаго этимъ числомъ, гдѣ находятся такія строки: „для новаго года мнѣ объявили, что слѣдующей весною я долженъ буду отправиться опять на Аральское море... и *подтверждено запрещеніе писать и рисовать;* вотъ какъ я встрѣчаю новый годъ! неправда весело?“ [2]) Неудивительно, что это письмо исполнено горечи, равно какъ и слѣдующее за нимъ письмо, отъ 7 марта, къ той-же кн. В. Н. Репниной [3]). Этимъ печальнымъ обстоятельствомъ и объясняются тѣ фразы въ печатаемомъ ниже письмѣ къ А. И. Лизогубу, въ которыхъ онъ намекаетъ на свое рисованіе тайкомъ, какъ-то: „хочъ украдучи, та трошки помалюю“; „якъ що тра-

---

[1]) В. Н. Репнина.

[2]) См. Кіев. Стар. 1893 г. № 2, стр. 268.

[3]) Тамъ-же, стр. 269.

пыця мыни ще що небудь прислать до васъ, то пидпысуйте вы сами мою фамилію *цинобрую* [1]), бо мени не можна".

14 марта 1850 г. Оренбургъ.

Друже мій едыный!

Я не знаю, щобъ зо мною сталося, якъ бы не вы! Въ велыкій прыгоди сталы мени оци 50 карб. Роспитайте Илію Ивановича—я йому пишу [2]). Що значать гроши пры убожестви! Якъ бы не вы, то мене-бъ давно зъ нудьги не стало, а то все-таки, хочъ украдучи, та трошки помалюю, а воно й полегша! Не знаю, чи доведеця мени хоть що-небудь намалювать на Каспійскому мори, бо мене весною туды пожене́нуть. Якъ що доведеця, то пошлю до васъ; тилькы вже цины не поставлю, а продасте такъ, якъ вамъ Богъ поможе.

Отъ яка моя доля погана! Я, вставше раненько, заходывся писать до васъ лыстъ оцей; тилько що заходывся, а тутъ чортъ несе Ефрейтора (звичайно найнятого, щобъ дававъ знать, бо я живу теперъ не въ казармахъ): пожалуйте къ фельдфебелю. Треба було лыстъ покинуть, а сегодня почта отходыть. То сякъ, то такъ ублагавши фельдфебеля, вернувся я до хаты и захожуюся знову, а часы беруця вже коло першого, то выбачте, колы не все роскажу, що хотилося-бъ росказать, або що-небудь помилюся.

Подякуйте и вы за мене Илію Ивановыча за його благородную щидроту, а мени Бога-для выбачте! А якъ що трапыця мыни ще що небудь прислать до васъ, то пидпысуйте вы сами мою фамилію, *цинобрую*, бо мени не можна.

Усе, що вы зъ ласки своеи послалы, я получивъ. И *Ѳому Кемпейского* получивъ. Спасыби тому доброму Михайлови [3]), що винъ таки мене не забувае. Якъ що вы знаете його адресъ, то пошлить йому оцей лысточокъ, а якъ ни, то одишлить В. Н.,—вона певне знае.

Спасыби вамъ за вси ваши блага! Не забувайте безталанного

Т. Ш.

---

[1]) Киноварью.

[2]) И. И. Лизогубъ, братъ адресата.

[3]) Вѣроятно—М. С. Щепкину.

До 1-го мая адресъ мій той самый, а тамъ здаеця треба буде знову мовчать.

Сообщ. **В. Н.**

По поводу одной записочки Т. Г. Шевченка. Въ статьѣ «Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ» (Русск. Мысль, 1902 г., № 12) напечатана записка Т. Г. Шевченка, какъ предполагаетъ авторъ статьи, къ М. С. Щепкину въ маѣ 1853 года. При этой запискѣ Шевченко посылалъ свой Кобзарь А. И. Герцену за границу. Подлинникъ записки находится въ альбомѣ автографовъ А. И. Герцена, хранящемся теперь въ Лозаннѣ у проф. А. А. Герцена. Текстъ записки слѣдующій.

«Посылаю вамъ экземпляръ «Кобзаря», на всякій случай безъ надписи. Передайте А. И. съ моимъ благоговѣйнымъ поклономъ. Во имя Божее найдить та пришлить мени оти прокляти рушики (??), а то вони чортови дочки мени спать не дають. Чи будете вы сегодня въ четвертомъ часу дома»?

Этотъ текстъ самъ собой опровергаетъ данныя къ нему авторомъ статьи комментаріи. Во 1-хъ, эта записка не могла быть писана въ 1853 году, т. к. въ это время Шевченко былъ въ Новопетровскѣ и потому не могъ спрашивать Щепкина, находившагося въ Москвѣ, будетъ-ли онъ въ 4 часа дома. Если эта записка писана къ Щепкину, то вѣрнѣе всего въ 1858 году въ Петербургѣ, куда послѣдній пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ маѣ мѣсяцѣ. Впрочемъ, мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы адресатомъ этой записки былъ Щепкинъ: записка писана на *вы*, а извѣстно, что Шевченко съ Щепкинымъ всегда переписывался на *ты*. Интересно было бы знать, какой Кобзарь посылался при этой запискѣ; вѣдь до 1860 г. только и были изданія 1840 г. и 1844 г. Не вѣрнѣе-ли предположить, что Шевченко посылалъ Герцену новое изданіе Кобзаря, вышедшее въ Петербургѣ въ 1860 году, когда, вѣроятно, и писана была эта записка? [1]) Жаль также, что въ текстѣ записки одно слово не разобрано, почему и напечатано какое-то несуществующее слово *рушики;* трудно догадаться, о чемъ идетъ рѣчь.

---

[1]) Подтвержденіе этому предположенію находимъ въ слѣдующей замѣткѣ, гдѣ указывается что такой экз. „Кобзаря“ былъ посланъ А. Гончаренку въ Лондонъ.

Неосуществившійся проектъ Общества распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ Малороссіи. Въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ интеллигентные малороссы, группировавшіеся въ Петербургѣ вокругъ редакціи «Основы», не мало прилагали заботъ о просвѣщеніи только что освобожденнаго въ то время отъ крѣпостной неволи народа въ Малороссіи. Извѣстны ихъ старанія объ изданіи книгъ на народномъ языкѣ, о распространеніи популярныхъ брошюръ по разнымъ научнымъ отраслямъ, объ учрежденіи школъ и т. под. Но намъ не приходилось встрѣчать указаній объ ихъ попыткѣ организовать правильное Общество для развитія и распространенія въ Южной Россіи ремеслъ и сельскохозяйственныхъ знаній. Проектъ устава этого Общества найденъ нами въ бумагахъ покойнаго А. М. Лазаревскаго; приводимъ изъ него наиболѣе существенные параграфы. «Цѣль Общества есть развитіе и распространеніе въ южно-русскихъ губерніяхъ ремеслъ и сельскохозяйственныхъ знаній посредствомъ учрежденія въ наиболѣе нуждающихся мѣстностяхъ и гдѣ это признается удобнѣйшимъ такого рода школъ, въ которыхъ, подъ руководствомъ назначенныхъ Обществомъ лицъ, желающіе могли бы изучать различныя. наиболѣе необходимыя въ сельскомъ быту ремесла, улучшенное земледѣліе, садоводство, пчеловодство и другія сельскохозяйственныя знанія, а также чтеніе, письмо и первыя правила ариѳметеки, насколько сіе необходимо для производства ремеслъ или же для усовершенствованія и развитія усвоенныхъ уже прежде ремеслъ и знаній. Каждая изъ такихъ школъ устраивается по возможности на собственныхъ земляхъ, какія пріобрѣтаетъ Общество на свое имя, и снабжается по его усмотрѣнію благонадежными мастерами, учителями, инструментами и необходимыми матеріалами. Ученики, оказавшіе по какой-либо части дарованія, могутъ быть на счетъ Общества помѣщаемы въ другія существующія заведенія для полученія высшаго техническаго или же общаго образованія. Обученіе въ школахъ Общества производится безплатно; содержаніе ученикамъ дается также безвозмездно. Никакія тѣлесныя или другія унизительныя наказанія въ этихъ школахъ не допускаются. Надзоръ за обученіемъ, нравственностью, хозяйственностью, распорядительною и счетною частями школъ ввѣряется назначенннымъ отъ Общества лицамъ, которыя обязаны въ опредѣленные сроки представлять отчетность». Въ члены Общества могъ вступить каждый желающій съ обязательнымъ взносомъ не ме-

нѣе 12 рублей ежегодно. Далѣе идутъ обычные параграфы о Правленіи, общихъ собраніяхъ и т. под.

О томъ, какія именно лица были учредителями этого Общества, можно лишь отчасти догадываться по двумъ запискамъ, оказавшимся въ общемъ пакетѣ съ копіей устава. Обѣ онѣ найдены въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписями: „Распечатать по утвержденіи правительствомъ Общества распространенія ремеслъ въ южнорусскомъ краѣ“. Въ первой запискѣ значится: «Въ громаду. Если бы Общество было утверждено правительствомъ, то при выборѣ членовъ правленія и кандидатовъ, по случаю моего отъѣзда изъ Петербурга, я предлагаю къ выбору гг. Симонова, Коховскаго, Кистяковскаго, Каменецкаго, Лебединцева и Червякова; въ случаѣ же кто-либо изъ этихъ лицъ не могъ бы принять обязанности, то право своего голоса во всѣхъ совѣщаніяхъ Общества передаю В. М. Бѣлозерскому“. Подпись: „коллежскій совѣтникъ Михаилъ Лазаревскій“. Въ другомъ конвертѣ оказалась совершенно такая же записка губ. секретаря Семена Черноголовкина, въ которой онъ, по случаю отъѣзда изъ Петербурга, передаетъ свой голосъ Матвѣю Терентьевичу Симонову.

Судя по этимъ запискамъ, слѣдуетъ заключить, что уставъ Общества былъ представленъ въ министерство на утвержденіе и таковое ожидалось со дня на день; но, очевидно, уставъ не былъ утвержденъ. и довѣрительныя записки уѣзжавшихъ членовъ-учредителей такъ и пролежали нераспечатанными до нашихъ дней.

О. Л.

Преданія жителей мѣст. Мѣляновичи, волынской губ.— 1) Съ южной стороны мѣстечка «Мѣляновичи», находящагося въ ковельскомъ уѣздѣ, волынской губ., есть небольшіе песчаные холмики, извѣстные подъ названіемъ на мѣстномъ языкѣ: „*Билый-Грудъ*“. Объ этомъ Биломъ-Грудѣ жители Миляновичъ отъ поколѣнія въ поколѣніе передаютъ сказаніе легендарнаго характера, что какая-то знаменитая *Анна* объѣхала весь свѣтъ и нигдѣ не могла уснуть. Когда же пріѣхала на Билый-Грудъ, то лошади ея остановились, и она уснула крѣпкимъ сномъ. Въ память такого пріятнаго отдыха, Анна назвала это мѣсто *милымъ*, отчего и возникшее здѣсь мѣстечко названо «*Миляновичи*».—Эта же самая таинственная *Анна* своимъ могущественнымъ словомъ удалила изъ «милаго мѣста» всѣхъ ядовитыхъ гадовъ на такое

разстояніе, на какое слышенъ гулъ Миляновичскаго колокола. И дѣйствительно, по странной случайности, въ окрестностяхъ Миляновичъ не водятся не только ядовитые гады, но не попадается даже ужъ, несмотря на то, что мѣстность эта вообще низменная, лѣсистая и болотистая.

2) На разстояніи 2—$2^1/_2$ верстъ отъ упомянутаго Билаго-Груда, на западъ, находится курганъ, какъ видно, ничѣмъ не отличающійся отъ тѣхъ, которыми тамъ изобилуетъ нашъ южный край. Жители Миляновичъ связываютъ съ этимъ курганомъ слѣдующую легенду: одинъ маловѣрный мѣщанинъ, объясняя по своему значеніе слова *«Велыкъ-день»*, которымъ, какъ извѣстно, малороссы называютъ день святого Христова Воскресенія,—былъ того мнѣнія, что этотъ день называется такъ потому, что онъ длиннѣе всѣхъ дней въ году. Свое мнѣніе онъ рѣшилъ доказать тѣмъ, что въ день Пасхи отправился на поле пахать—въ полной увѣренности, что въ этотъ день онъ вспашетъ очень много. Но едва онъ успѣлъ нѣсколько пройти съ плугомъ по полю, какъ разверзлась земля и приняла его въ свои нѣдра вмѣстѣ съ волами, погонычемъ и собачкою. Почти всякій мѣщанинъ и въ настоящее время увѣряетъ, что если на Велыкъ-день, во время благовѣсти къ заутрени, приложить къ этому кургану ухо, то можно явственно слышать, какъ этотъ несчастный пахарь, обреченный за свой противо-христіанскій поступокъ пахать до самаго страшнаго суда,—кричитъ на воловъ и какъ лаетъ собачка. Говорятъ, что когда-то какой-то смѣльчакъ слыхалъ все это въ указанное время; но изъ современныхъ мѣщанъ не оказывается такого смѣльчака: всякій опасается, чтобы и съ нимъ не случилась подобная печальная исторія... Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится въ такой важный день оставить храмъ Божій и идти на курганъ?! Такое геройство весьма рискованно, потому что, по мнѣнію многихъ, на этомъ курганѣ имѣютъ притонъ нечистые духи. Въ этомъ будто бы убѣдился не одинъ, сбившійся съ дороги ночью и въ большинствѣ случаевъ пріѣзжавшій или приходившій къ наводящему ужасъ кургану и кружившійся подлѣ него.

Записалъ въ 1883 г. уроженецъ мѣстечка Миляновичъ *Вас. Логвиновичъ.*

Примѣчаніе. Замѣтка эта сообщена намъ г. *Вас. Логвиновичемъ* еще въ 1884 г.—Мѣстечко *Миляновичи* связано съ памятью о *князѣ Курбскомъ на Волыни.* Изложенныя въ замѣткѣ этой преданія не

были извѣстны *Н. Д. Иванишеву* и не нашли мѣста въ его книгѣ: «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни». Кіевъ, 1849 г. *два тома*,—гдѣ онъ, описывая Миляновичи, сообщаетъ, между прочимъ, и разныя существующія у мѣстныхъ жителей старинныя преданія.

Л. М.

Замѣтка о харьковскомъ архіепископѣ Мелетіи Леонтовичѣ и о мѣстахъ первоначальнаго его образованія. Въ объемистомъ сочиненіи преподавателя Харьковской д. семинаріи С. И. Булгакова—подъ названіемъ: «Настольная книга для священно-церковно-служителей. Изданіе второе, Харьковъ 1900 г.»,—въ отдѣлѣ *Историко-статистическомъ*, приложенномъ въ концѣ, имѣющемъ свой особенный счетъ страницъ,—мы встрѣтили на стран. 103, при описаніи монастырей харьковской епархіи, слѣдующую интересную замѣтку объ архіеп. *Мелетіи Леонтовичѣ*: «*Покровскій М-рь*, каѳедральный, въ Харьковѣ. Основанъ въ 1726 г. Въ 1799 г. обращенъ въ Архіерейскій домъ. Въ пещерной церкви Архіерейскаго дома нетлѣнно почиваетъ тѣло святителя Мелетія, архіеп. харьковскаго и ахтырскаго. Онъ оставилъ по себѣ вѣчную память своею подвижническою жизнію, своею кротостію и милосердіемъ, своимъ нестяжаніемъ и постничествомъ. Еще при жизни проявились въ немъ особые дары благодати Божіей, и по кончинѣ его многіе прибѣгаютъ къ помощи его св. молитвъ и получаютъ просимое. Онъ скончался въ 1840 г.. *Послѣ него остались поученія на малороссійскомъ нарѣчіи*». Это послѣднее извѣстіе *(о малороссійскихъ поученіяхъ Мелетія)* мы встрѣчаемъ здѣсь въ первый разъ, хотя раньше и читали подробныя біографіи, напр. составленную въ 1861 г. *Кулжинскимъ*, бывшимъ редакторомъ-издателемъ журнала *Благовѣстъ* въ Харьковѣ. Поученія архіеп. Мелетія, конечно, еще въ рукописи. Интересно бы знать пообстоятельнѣе, гдѣ или у кого онѣ хранятся. И какъ это вышло, что такое сокровище держится еще доселѣ подъ спудомъ? Во всякомъ случаѣ, извѣстіе, сообщенное С. И. Булгаковымъ, требуетъ еще подтвержденія. Но оно—не невѣроятно. Архіеп. *Мелетій Леонтовичъ* былъ малороссъ и горячо любилъ свою родину. Онъ воспитывался въ той же духовной семинаріи, что и авторъ «Малорусской Энеиды» *Котляревскій*. Семинарія эта учреждена была для Но-

вороссіи (скоро послѣ учрежденія Епархіи для этой послѣдней въ 1775 г.)—въ Полтавѣ, ибо и Полтава, при Екатеринѣ II, вмѣстѣ со всѣми сотнями Полтавскаго полка, была отчислена къ Новороссіи и только по смерти Екатерины, при импер. Павлѣ, опять возвращена была Малороссіи (См. „Собраніе сочин. *М. П. Максимовича*"—томъ II, стр. 364-я). Кстати, скажемъ пока хотя нѣсколько словъ объ упомянутой духовной семинаріи. Находясь въ Полтавѣ—при каѳедрѣ новоучрежденной для Новороссіи епархіи (каѳедра эта была при нынѣшнемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ), она, естественно, слыла въ обществѣ подъ именемъ Полтавской, но оффиціально и по бумагамъ всегда называлась по имени своей епархіи—именно, сначала—*Славенскою Семинарію* (почти до конца 1787 г.; вотъ въ этотъ періодъ и учился въ ней Котляревскій..), а потомъ—до конца 1797 года—*Екатеринославскою* семинарію (вотъ въ это время и началъ учиться въ ней Мелетій Леонтовичъ). На долю этой достопамятной семинаріи выпало несчастье—*не быть узнаваемой* нашими историками. Именно, такъ какъ она находилась въ Полтавѣ, то одни, допуская анахронизмъ, смѣшиваютъ ее съ Переяславской семинаріей, которая, дѣйствительно, тоже называлась Полтавской, но только съ 1802 г., т. е. со времени учрежденія нынѣшней полтавской губерніи, а съ нею и епархіи,—смѣшиваютъ, говоримъ,—и безразлично называютъ воспитанниками полтавской семинаріи и Котляревскаго, и Гнѣдича, и Ос. Макс. Бодянскаго, и К. Д. Дмитрашкова [1])...—Другіе же, на томъ основаніи, что она называлась по документамъ „Екатеринославской",

---

[1]) Только недавно новый біографъ Котляревскаго, г. Ив. Стешенко категорически заявилъ, что „семинарія, въ которой былъ знаменитый авторъ" „Перелыцёванной Энеиды" *не есть* Полтавская семинарія, *бывшая въ Переяславѣ*... (См. *„Научное Обозрѣніе"* 1901 г. августъ). Ну—слава Богу, наконецъ-то!—Но все-таки и послѣ такого заявленія г. И. Стешенко характеризуетъ семинарію Котляревскаго не на основаніи чертъ ея собственной жизни, а на основаніи быта семинаріи *Переяславской!* Всѣ, дескать, семинаріи были на одинъ ладъ,—думаетъ г. Стешенко,—и кромѣ пресловутой схоластики, латыни и сѣченія онъ ничего не видитъ и не знаетъ относительно семинаріи, воспитавшей Котляревскаго... Но уже самое названіе этой семинаріи достойно вниманія. Въ самомъ дѣлѣ—родоначальникъ новѣйшей малорусской литературы вышелъ изъ семинаріи—*Словенской!*.. Вѣдь это очень знаменательно.

ищутъ ее—въ періодъ 1787—1797 гг.—въ нынѣшнемъ городѣ Екатеринославѣ, хотя въ этотъ послѣдній она перешла только въ 1803 г., при императ. Александрѣ 1-мъ (и здѣсь-то уже кончалъ курсъ Мелетій Леонтовичъ) и перешла не изъ Полтавы, а уже изъ Новомиргорода (нынѣшн. уѣзднаго города херсонской губ.), гдѣ она, изгнанная при имп. Павлѣ изъ Полтавы, просуществовала нѣсколько лѣтъ (съ 1797 по 1803 г.), пріютившись вмѣстѣ съ архіерейской каѳедрой въ бывшемъ домѣ генерала Текелія (разорителя Запорожской Сѣчи), и нося вмѣстѣ съ этой каѳедрой въ продолженіи этого времени еще новое—уже третье по счету—названіе *Новороссійской*, данное импер. Павломъ, хотѣвшимъ, по извѣстнымъ причинамъ, вырвать съ корнемъ названіе *Екатеринославскій*, высказавшимъ поэтому свое неблаговоленіе и къ г. Екатеринославу, переименовавши его въ *Новороссійскъ* и уничтоживши всѣ тѣ предначертанія Потемкина и Екатерины II, которыя имѣли сдѣлать изъ Екатеринослава третью столицу имперіи... Таковы-то судьбы *Словенской* и *Екатеринославской семинаріи въ Полтавѣ*, давшей Россіи такихъ писателей, какъ Ив. Ив. Мартыновъ (извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ) и Ник. Ив. Гнѣдичъ, а Малороссіи—такого писателя, какъ Ив. П. Котляревскій.—Но все это на столько важно и интересно, а вмѣстѣ съ тѣмъ настолько запутанно и сбивчиво (не даромъ вводились и еще вводятся въ заблужденіе наши историки!), что требуетъ болѣе подробнаго разъясненія, съ приведеніемъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой замѣчательной семинаріи, что̀ мы, если Богъ дастъ, и не преминемъ сдѣлать...

Л. М.

По поводу стихотворенія, приписываемаго С. Руданскому. Въ 12 № «Кіевской Старины», Документы и изв., на стр. 155 напечатано стихотвореніе „Тамъ де Горынь...“, приписываемое Руданскому. Это очень сомнительно: стиль вовсе не его, хотя, разумѣется, возможно, что Руданскій въ данномъ случаѣ отступилъ отъ своей обычной манеры.

Но та редакція пѣсни, которая напечатана въ «Кіевской Старинѣ», не вполнѣ исправна, и въ ней есть пропускъ. Пѣсня эта была въ большомъ ходу въ Нѣжинѣ въ 60-хъ годахъ и мы, студенты лицея кн. Безбородко, тоже ее постоянно пѣли. Память хорошо сохранила мнѣ и слова, и напѣвъ, довольно сложный и имѣющій, какъ мнѣ ка-

жется, польскій колоритъ. Если мнѣ удастся найти здѣсь лицо, которое сумѣло бы записать мотивъ съ моего напѣва, то я припомню и напѣвъ, а пока прилагаю слова пѣсни.

Тамъ де Горинь розислався,
Тамъ я бувъ щаслывый;
Тамъ край гарный, тамъ край мылый,
Тамъ я въ першый разъ кохався,
Тамъ дивчыну я побачывъ
На викъ волю втратывъ.
Полюбывъ я дивчыноньку
Ясну, якъ зироньку;
Въ свити кращои немае,
Краща всихъ квиточкивъ въ гаю:
Биле лычко, чорни бровы,
Косоньки шовковы.
Ворогы насъ розлучылы
На викъ погубылы...
Чомъ же сонечко ясненьке
Свитыть та не гріе,
Чомъ же серденько бидненьке
Ные та боліе.
На часокъ хочъ засміюся
Зновъ гирко заплачу.
Цилый день на шляхъ дывлюся:
За сто мыль, здается, бачу,
Якъ голубка прожывае,
(или: Що голубка поробляе)
Що вона гадае.
Чорна хмара наступыла
Тай сонце закрыла;
Горе жъ мени, горе-лышко,
Що марніе биле лычко
И що плачуть чорни очи
Що-дня та що-ночи.

А. Маркевичъ.

Стих. А. Г. Станиславскаго. П. А. Зеленый, одесскій городской голова, сообщилъ намъ стихотвореніе «Козакъ на чужбыни», найденное имъ въ старыхъ бумагахъ. По его словамъ, стихи эти, положенные кѣмъ-то, быть можетъ самимъ авторомъ, на ноты, въ 40-хъ и 50 годахъ были въ модѣ среди кіевскаго студенчества и распѣвались на всѣхъ вечеринкахъ и собраніяхъ украинской молодежи. Написаны они студентомъ Кіевскаго университета А. Г. Станиславскимъ, бывшимъ впослѣдствіи, въ 60-хъ годахъ, профессоромъ Харьковскаго универс. по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и римскаго права. Лично знавшіе его отзываются о немъ, какъ о чрезвычайно даровитомъ профессорѣ, прекрасномъ человѣкѣ и съ симпатіями къ украинству. Между прочимъ онъ положилъ на ноты стихотвореніе

Текла ричка невелычка,
Тай понялась моремъ...

Умеръ А. Г. Станиславскій въ 1883 году, будучи профессоромъ Казанскаго университета.

Козакъ на чужбыни.

(Писня).

Летыть орелъ по-пидъ небомъ,
Жалибно голосыть,
Козакови на чужбыни
Вистонькы прыносыть.

«Ой орле мій сызокрылый,
Чы добре чуваты,
Чы ще жыва моя ненька
Старесенька маты»?

— Ой вже жъ тоби старенькои
Ненькы не выдаты:
Поховалы стару неньку
Въ садку биля хаты?

«Чы жывъ ще мій старый батько,
Та що поробляе?»
— Старый батько горилочку
И медъ попывае!

«Сестра жъ моя риднесенька
Чы за мною тужыть?»
— Пропывъ іи старый батько,
У жыдовы служыть!

«Чы ще жъ моя Джюба-люба
За мною жалкуе»?
— Ой вже жъ твоя Джюба-люба
Зъ хлопцямы жартуе!

Похылывся колосъ въ землю,
Тыхый витеръ віе;
Зажурывся козаченько,
Бо серденько ные.

Зажурывся козаченько,
Тай думку гадае:
«Летивъ бы я до-домоньку.
Та крылець немае!»

«Визьмы жъ мене, сызый орле,
Я жъ тутъ пропадаю».
— Ой радъ бы я тебе взяты,
Такъ сылы не маю!

Летыть орелъ по-пидъ небомъ,
Жалибно спивае,
Козакови слёзы льются
Козакъ не втырае!

Студентъ Кіевскаго университета *Ант. Гр. Станиславскій.*

Два письма О. М. Водянскаго и П. А. Кулиша, къ Г. П. Галагану. Подлинники настоящихъ писемъ Кулиша и Бодянскаго къ Г. П. Галагану хранятся въ архивѣ коллегіи П. Галагана; свидѣтельствуя о близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ означенныхъ лицъ къ учредителю коллегіи П. Г., письма эти кромѣ того указываютъ и на то, что Г. П. любилъ иногда перемолвиться съ пріятелями и на родномъ украинскомъ языкѣ. Содержаніе писемъ, къ сожалѣнію, нѣсколько неясно по своимъ намекамъ. Письмо Бодянскаго отличается присущимъ этому малорусскому «сказочнику» юморомъ.

1.

А що, Грыцьку чы не часъ лышень до Кыёва оглобли повернуты? О, добре бъ було, дуже добре перекынуться тоби черезъ Днипрякъ на Риздвяныхъ, та, якъ кажуть то, побалакаты зъ дужшымы насъ, щобъ тамъ, якымъ побытомъ, чужее на свое повернуты, Пырятынъ на Прылуку. Идь же! колы не мылюсь, тоби обищалы жинку за чоловика, якъ тилькы Носенко зъ носомъ не стане? А отъ же не тилькы зъ носомъ, але й зъ потрохамы може ёго вынесло зъ Прылукы! Дакъ ничого жъ выляты, кажу швыдчій на коняку та до шляху. А тамъ, колы наша взяла, зробышся паномъ у себе дома, та ще й на господи, будь ласкавъ, пане добродію, не побрезгуй моимъ братягою, що знай все дальше лизе одъ батькивськыхъ злыднивъ, котри безъ ёго розійдутся якъ той лыстъ по води, або роса по трави. У Прылуци бъ ёму було, мабуть, краще и теплише, нижъ у Бога за дверьмы. А тоби, колы переведешся, сюю капистъ зробыты, що чоловикови плюнуты. Будь ласкавъ же, пане земляче, одмирь прыгоршнею козакови, щобъ тоби Богъ святый одмирывъ обома!

Бувай здоровъ, та не забувай щырого твого земляка

Иська Бодянського.

Року 1847, декабря 14-го. У Москви.

2.

Вельможному пану

Григорію Павловичу Галагану

Одъ Кулиша.

Давъ я слово, и здержавъ бы ёго, та не така Божа воля: пани моя занедужала, и колы одужае, не знаю. Не здывуйте и не осудите. Чого не перемовылы на словахъ, можна на письми докинчаты. Теперъ заходять у Васъ весилля, то гуляйте на здоровье, а мене не ждить у господи. Треба вже буде поспишаты простымъ шляхомъ до Гоголихи, щобъ и тамъ свого слова не зневажыты

Щыро прыхыльній зъ велыкою шанобою П. Кулишъ.

1857. сент. 2.

Сообщ. **А. Степовикъ.**

Текущія извѣстія.

Англійскій журналъ объ украинской литературѣ. Намъ доставленъ № 3924 (отъ 10 января) англійскаго журнала «The Athenaeum», въ которомъ находимъ небольшую, но весьма обстоятельно и интересно написанную статью объ украинской литературѣ. Статья посвящена собственно разбору сборника «Викъ», но попутно касается также и другихъ украинскихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время и, очевидно, хорошо знакомыхъ неизвѣстному автору статьи, не подписавшему своего имени.

Авторъ опредѣляетъ прежде всего площадь, занимаемую украинскимъ народомъ, и его численность, и ограничившись нѣсколькими вскользь брошенными замѣчаніями объ историческихъ судьбахъ Украины, переходитъ къ литературѣ, начиная, конечно, съ Котляревскаго. Поэзія Котляревскаго, по мнѣнію неизвѣстнаго автора, есть via media между классицизмомъ и романтизмомъ; значеніе его состоитъ въ томъ, что онъ первый «имѣлъ смѣлость» любить и ввести въ литературный обиходъ языкъ, до того времени остававшійся почти чуждымъ литературной обработкѣ. Выразивъ сожалѣніе по поводу того, что условія мѣста не позволяютъ ему познакомить своихъ читателей съ отрывками изъ «Энеиды», авторъ переходитъ къ Шевченку, который является для него самой крупной фигурой въ украинской литературѣ. Изложивъ довольно обстоятельно біографію нашего Кобзаря, онъ характеризуетъ его, какъ одного изъ «дѣтей солнца, кровь которыхъ—огонь», отмѣчаетъ музыкальность и выразительность его произведеній, ихъ народность и любовь автора къ прошлому и настоящему родного народа. Свои замѣчанія авторъ иллюстрируетъ переводомъ на англійскій языкъ двухъ отрывковъ изъ Шевченка, которые мы здѣсь для образца и приводимъ:

I will praise
These poor dumb slaves,
And as a quad round them
I will place the free Word! [1])

—

[1]) Возвеличу малыхъ отыхъ рабивъ нимыхъ...

When j die the steppe around me
Shall enfold my grave:
Lay me in my own loved Ukraine,
That is all j crave.
Let me see the Dnieper rushing
Where broard grasses ware:
Let his beetling banks be near me:
Let me hear him rave [1]).

Изъ другихъ писателей нашихъ авторъ останавливается на произведеніяхъ Кулиша, Стороженка, Ганны Барвинокъ, Конисскаго, Руданскаго (стихотворенія послѣдняго онъ предлагаетъ перевести на одинъ изъ діалектовъ англійскаго языка—Ланкаширское нарѣчіе), Федьковича, Франка, Гринченка и Крымскаго, посвящая каждому изъ названныхъ писателей по нѣскольку строкъ вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній. Общая характеристика, сдѣланная неизвѣстнымъ авторомъ, также заслуживаетъ вниманія. «Намъ доставила,—говоритъ онъ,—удовольствіе такая страсть къ свободѣ, которую должно быть порождаетъ степь, и народные разсказы, въ которыхъ жизнь народа занимаетъ такое значительное мѣсто... Къ сожалѣнію,—продолжаетъ онъ,—въ Англіи въ настоящее время повѣсть, трактующая о жизни крестьянъ, не пользуется популярностью, какъ прежде. Но во всякомъ случаѣ эти разсказы заслуживаютъ того, чтобы ихъ прочесть, и показываютъ, какъ хорошо развитъ языкъ». Приведенный нами отзывъ свидѣтельствуетъ, что авторомъ статьи является лицо, безъ сомнѣнія хорошо знакомое съ украинской литературой, и хотя въ статьѣ его и найдется нѣсколько мелкихъ недочетовъ и промаховъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ она дастъ англійскому читателю вѣрное и безпристрастное сужденіе о нашей литературѣ. Фактъ появленія такой статьи въ англійскомъ журналѣ для насъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что даже и болѣе близкія къ намъ литературы (напримѣръ, русская) рѣдко дарятъ насъ своимъ вниманіемъ, обходя обыкновенно нашу литературу молчаніемъ, или же ограничиваясь въ лучшемъ случаѣ краткими замѣтками, а въ худшемъ—достаточно выразительными обвиненіями въ сепаратизмѣ и чуть ли не въ измѣнѣ...

---

[1]) Якъ умру, то поховайте...

Украинскій языкъ въ Комитетахъ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйств. промышленности. Въ свое время нами былъ отмѣченъ фактъ возбужденія цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ комитетовъ ходатайствъ о допущеніи преподаванія въ народныхъ школахъ на мѣстныхъ языкахъ. Намъ доставлены въ настоящее время «Докладъ редакціонной комиссіи Лохвицкаго уѣзднаго комитета» (Лохвица, 1902) и «Журналы и доклады Хотинскаго уѣзднаго комитета» (Хотинъ, 1902), почему мы имѣемъ возможность остановиться съ большею обстоятельностью на авторитетномъ голосѣ мѣстныхъ дѣятелей, считающихся съ насущными нуждами мѣстнаго населенія.

Хотинскому комитету былъ представленъ по данному вопросу обстоятельный докладъ г. Немоловскимъ, напечатанный на стр. 19—29 названныхъ «Журналовъ и докладовъ». «Въ школахъ съ инородческимъ населеніемъ,—говоритъ въ своемъ докладѣ почтенный авторъ доклада,—почти весь первый годъ обученія уходитъ на какое то лексическое знакомство съ русскимъ языкомъ, при чемъ, конечно, трудно и думать о преподаваніи другихъ предметовъ. Благодаря этому, общій объемъ свѣдѣній, даваемыхъ школой, значительно понижается въ количественномъ отношеніи»... «Но кромѣ того, пріобрѣтеніе знаній на языкѣ мало-понятномъ ведетъ и къ другимъ вреднымъ послѣдствіямъ,—читаемъ мы далѣе въ этомъ докладѣ,—а именно къ механическому усвоенію предмета путемъ памяти съ малымъ участіемъ ума, разсужденія, логики и безъ всякаго участія воображенія, фантазіи, ассоціаціи идей. Такимъ образомъ, высшіе и болѣе активные центры головного мозга частью атрофируются, частью не развиваются равномѣрнымъ образомъ, нарушая стройность психологическихъ отправленій. Печальными послѣдствіями такой системы школьнаго обученія являются, съ одной стороны, пониженіе количества знаній, а съ другой—отсутствіе любви къ знанію, добытому путемъ тяжелаго механическаго труда». Доказавши всю необходимость допущенія обученія на народныхъ языкахъ въ школахъ, посѣщаемыхъ инородческимъ населеніемъ, докладчикъ отмѣчаетъ печальные факты слабаго развитія у насъ грамотности, рецидивизма безграмотности и несочувствія къ школѣ со стороны отцовъ и матерей, «относящихся къ ней по настоящее время порой сдержанно, порой отрицательно». Причину этого печальнаго явленія онъ видитъ отчасти въ полнѣйшемъ игнорированіи мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ совре-

менной народной школѣ, а отчасти—въ тѣсно-связанномъ съ нимъ «изгнаніи и недопущеніи книгъ, напечатанныхъ на мѣстныхъ языкахъ, въ школьныя библіотеки». Вполнѣ справедливо замѣчаетъ г. Немоловскій, что чтеніе книгъ на малопонятномъ языкѣ дома безъ помощи учителя и затруднительно, и не можетъ доставлять удовольствія, «при необходимости напряженія вниманія и вдумчивости надъ отдѣльными словами и оборотами плохо усвоенной рѣчи». Мало того, такое чтеніе дѣлаетъ невозможнымъ «семейное, домашнее чтеніе, долженствующее столь благотворно дѣйствовать и на ученика, и на среду, его окружающую. Что прочтетъ школьникъ своему отцу, матери, своей сестрѣ, своему товарищу, которымъ даже слова молитвы Господней будутъ чуждыми и непонятными звуками?»... Отъ этихъ общихъ соображеній и разсужденій докладчикъ переходитъ къ частнымъ фактамъ, вполнѣ подтверждающимъ ихъ справедливость. Между прочимъ онъ отмѣчаетъ статистически провѣренный фактъ, что наименьшій процентъ рецидивизма безграмотности замѣчается среди новобранцевъ московскаго округа, значительно большій у призывныхъ харьковскаго округа и наибольшій въ кіевскомъ военномъ округѣ. Останавливается онъ также и на томъ странномъ явленіи, что въ губерніяхъ малороссійскихъ, бессарабской и т. д. открыто по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ и гораздо меньше библіотекъ, читаленъ и другихъ самообразовательныхъ учрежденій, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Нельзя не согласиться съ объясненіемъ, которое даетъ этому на первый взглядъ загадочному явленію почтенный докладчикъ. «Ничѣмъ инымъ,—говоритъ онъ,—какъ отсутствіемъ жажды къ знанію, любви къ чтенію и самообразованію, которыхъ не можетъ привить народу современная школа во многихъ окраинахъ Россіи, нельзя объяснить этихъ печальныхъ фактовъ»...

Вполнѣ раздѣляя взглядъ г. Немоловскаго на роль мѣстныхъ языковъ въ народныхъ школахъ, отъ души присоединяемся къ его пожеланію, чтобы: 1) былъ допущенъ мѣстный языкъ, какъ средство и орудіе преподаванія въ народныхъ школахъ, 2) чтобы школьныя библіотеки были пополнены книгами на мѣстныхъ языкахъ и 3) въ частности, въ отношеніи украинскаго языка, чтобы былъ отмѣненъ «законъ $^{18}/_{30}$ мая 1876 г., запрещающій между прочимъ печатаніе и изданіе для народа книгъ популярно-научнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія, воспрещающій также различныя сценическія представленія, народныя чтенія и даже печатаніе текста нотъ на украин-

скомъ языкѣ, которымъ говоритъ двадцать милліоновъ населенія Россіи».

На ту же точку зрѣнія сталъ и Лохвицкій уѣздный комитетъ. «Въ тѣсной связи съ вопросомъ о программѣ школьнаго образованія,—читаемъ на стр. 11—13 «Докладовъ редакціонной комиссіи»,—стоитъ вопросъ о языкѣ этого преподаванія. Въ настоящее время всѣ книги для первоначальнаго обученія и самый языкъ, на которомъ ведется преподаваніе во всѣхъ малороссійскихъ губерніяхъ—великорусскій, также, какъ и въ губерніяхъ великороссійскихъ. Между тѣмъ для громадной массы крестьянскихъ дѣтей Полтавской, Харьковской, Кіевской, Черниговской, Екатеринославской губерній языкъ великороссійскій не вполнѣ понятенъ, и дѣти, сверхъ обычныхъ трудностей усвоенія грамоты, должны преодолѣвать одновременно еще непомѣрную трудность усвоенія ея на языкѣ, не вполнѣ имъ понятномъ; они на первыхъ страницахъ букваря наталкиваются на совершенно непонятныя слова: «рига», «радуга»; встрѣчаютъ слова «соха», «товаръ», «луна», «дружина», «люлька» въ совершенно чуждомъ ихъ пониманію смыслѣ. При этомъ они должны выслушивать всѣ объясненія учителей на томъ же не вполнѣ понятномъ имъ языкѣ. Такимъ образомъ крестьянскія дѣти въ малороссійскихъ губерніяхъ поставлены по отношенію къ усвоенію ими начальнаго образованія въ условія гораздо худшія, чѣмъ дѣти губерній великороссійскихъ, и дѣйствительно, успѣхи ихъ въ общемъ гораздо ниже». Подкрѣпивъ это утвержденіе ссылкой на авторитетное мнѣніе знаменитаго педагога Ушинскаго, являющагося, какъ извѣстно, полнымъ сторонникомъ преподаванія на украинскомъ языкѣ, Лохвицкій комитетъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что книжки, изданныя для украинскаго народа даже на его территоріи (напр., Харьковскимъ Обществомъ грамотности) расходятся преимущественно въ великороссійскихъ губерніяхъ, а не украинскихъ. Крестьянинъ-украинецъ читаетъ гораздо меньше, чѣмъ великороссъ. «Если крестьянинъ-великороссъ—говоритъ предсѣдатель Харьковскаго Общества грамотности, профессоръ Багалѣй,—неохотно читаетъ книжки по сельскому хозяйству или медицинѣ, то поселянинъ-малороссъ *совсѣмъ отказывается* отъ нихъ и, слѣдовательно, лишается могучаго средства для поднятія своей сельско-хозяйственной культуры, для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста мало-

росса сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи». Въ силу изложенныхъ основаній, Лохвицкій уѣздный комитетъ считаетъ весьма желательнымъ допущеніе преподаванія въ школахъ на украинскомъ языкѣ. При этомъ «естественной дополнительной мѣрой должно служить допущеніе къ печатанію книгъ и періодическихъ изданій на малороссійскомъ языкѣ, въ особенности книгъ по сельскому хозяйству и медицинѣ... Настаивая на этой мѣрѣ, Лохвицкій комитетъ только присоединяется къ тѣмъ ходатайствамъ и пожеланіямъ, которыя издавна заявлялись многими земствами».

Мы привели мнѣнія людей, стоящихъ близко къ народу и безъ сомнѣнія хорошо знакомыхъ съ его нуждами и потребностями. Эти безпристрастныя, самой жизнью продиктованныя мнѣнія еще лишній разъ показываютъ, въ какомъ направленіи долженъ быть у насъ рѣшенъ вопросъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія народа. *Дать народу соотвѣтственную духовную пищу на доступномъ ему языкѣ*—въ этомъ, говоря кратко, и состоитъ рѣшеніе вопроса. Попытки такого рѣшенія давно составляютъ предметъ заботы украинскихъ народныхъ дѣятелей и даже въ настоящей книжкѣ нашего журнала читатель найдетъ сообщеніе объ одной изъ попытокъ такого рода (см. замѣтку «Предполагаемое украинское изданіе»). Необходимо, чтобы обстоятельства, мѣшающія осуществленію указанныхъ попытокъ, были, наконецъ, устранены, и людямъ, желающимъ трудиться для поднятія культурности въ народной средѣ единственно плодотворными средствами, была, наконецъ, предоставлена возможность перейти отъ словъ къ дѣлу.

Предполагаемое украинское изданіе «Кіевская Газета» (№ 16) сообщаетъ, что украинскими писателями г.г. Чикаленкомъ и М. Левицкимъ возбуждено предъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ еженедѣльный популярный журналъ на украинскомъ языкѣ—«Селянинъ», съ ежемѣсячными беллетристическими приложеніями. Предпріятіе г.г. Чикаленка и Левицкаго является не первой попыткой изданія популярнаго органа на украинскомъ языкѣ, но къ сожалѣнію всѣ дѣлавшіяся въ этомъ направленіи попытки не имѣли успѣха. Между тѣмъ дѣйствительность указываетъ на крайнюю необходимость подобнаго изданія; въ послѣднее хотя бы время цѣлый рядъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйствен-

ной промышленности констатировалъ крайнюю недостаточность знаній въ сельской средѣ и между причинами этой недостаточности подчеркнулъ отсутствіе популярныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ. Упомянутый журналъ, редактируемый извѣстными популяризаторами, могъ бы до нѣкоторой степени заполнить существующій пробѣлъ и сдѣлаться проводникомъ знаній въ темной сельской средѣ. Нужно надѣяться поэтому, что подлежащія сферы обратятъ, наконецъ, вниманіе на крайнюю необходимость въ популярномъ органѣ и къ разрѣшенію его не встрѣтится препятствій.

Записка о кобзаряхъ и лирникахъ. По предложенію предсѣдателя бывшаго въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда графини П. С. Уваровой, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ подробно мотивировалъ состоявшееся на съѣздѣ постановленіе о возбужденіи ходатайства о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ, въ виду ихъ историческихъ заслугъ, какъ хранителей старинныхъ пѣсенъ и преданій. Докладная записка по этому поводу представлена въ предварительный комитетъ XIII археологическаго съѣзда, первое собраніе котораго назначено въ Москвѣ 4-го января. Въ запискѣ проведена та мысль, что отнесеніе традиціонныхъ народныхъ пѣвцовъ—кобзарей и лирниковъ—къ числу профессіональныхъ нищихъ и проистекающее отъ того ограниченіе ихъ дѣятельности представляется глубокимъ недоразумѣніемъ и большой несправедливостью въ приложеніи къ этимъ совершенно безпомощнымъ слѣпымъ людямъ, имѣющимъ за собой немаловажное историческое значеніе. («Волынь», № 2).

На выставкѣ историческихъ костюмовъ въ Петербургѣ. Украинскій отдѣлъ на первой международной выставкѣ историческихъ и современныхъ костюмовъ и ихъ принадлежностей законченъ. Присланныя на дняхъ изъ Чернигова вещи изъ Украинскаго музея (коллекціи Тарновскаго) размѣщены. Имѣются подлинныя гетманскія булавы (обыкновенная и походная); остатки старинныхъ матерій, употреблявшихся на плахты; подлинныя женскія одежды: кунтушъ дочери гетмана Апостола; портретъ В. Л. Кочубея, генеральнаго судьи, его судейская булава и его чернильница; старинные пояса польскаго и малороссійскаго образца; запорожское оружіе и т. п. Для любителей

украинской старины эти вещи, добытыя съ большимъ трудомъ изъ черниговскаго музея (собранiе В. В. Тарновскаго), представятъ несомнѣнно большой интересъ. («Бирж. Вѣдомости», № 6).

Публичныя лекцiи по исторiи Украины. Г-номъ Фотинскимъ предложенъ въ Житомирѣ рядъ лекцiй по исторiи украинскаго козачества. Программа лекцiй, составленная подробно и широко, охватываетъ собою въ сущности всю исторiю Украины со времени появленiя на аренѣ исторической жизни козачества и до уничтоженiя Запорожья и послѣднихъ остатковъ автономiи на Украинѣ. Главною своею задачею г. Фотинскiй поставилъ выясненiе причинъ, какъ вызвавшихъ возникновенiе козачества, въ сословномъ смыслѣ, и способствовавшихъ его политической роли въ исторiи южной Руси, такъ и сдѣлавшихъ это сословiе историческимъ анахронизмомъ и приведшихъ къ его уничтоженiю. Эти причины, по мнѣнiю лектора, заключаются въ административномъ строѣ южной Руси въ литовско-польскую эпоху и въ обусловленныхъ имъ экономическихъ и религiозныхъ явленiяхъ. Выясненiю этихъ внутреннихъ причинъ г. Фотинскiй и отвелъ первое мѣсто въ своихъ лекцiяхъ, излагая фактическую исторiю козачества съ возможною краткостью и указывая для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ исторiей лишь соотвѣтственную литературу предмета («Волынь» 1902 г., № 274).

Лекцiя по этнографiи Украины. 19-го января въ аудиторiи Историческаго музея въ Москвѣ Ѳ. С. Красильниковымъ прочтена публичная лекцiя «О Малороссiи и малороссахъ» по слѣдующей программѣ: Географическiй очеркъ. Краткая исторiя до присоединенiя. Историческiя пѣсни: любовныя, бытовыя, чумацкiя. Лирники и кобзари. Характеръ малоросса, внѣшность его, одежда, жилище, пища, занятiя, нравы и обычаи, свадьба, похороны, поминовенiя, повѣрiя и суевѣрiя. Народные обычаи на Рождество, Новый годъ, Масленицу, Красную горку, Троицынъ день, Ивана-Купала и др. Чтенiе сопровождалось свѣтовыми картинами и исполненiемъ мотивовъ малорусскихъ пѣсенъ. Лекторъ изложилъ послѣдовательно историческiе моменты жизни Малороссiи, остановился на характеристикѣ малорусской музыки и пѣсенъ и далъ понятiе о народномъ бытѣ малороссовъ.

Доходъ отъ лекціи (около 200 руб.) назначается въ пользу учебной мастерской, бывшей прежде Пречистенскаго попечительства, а теперь самостоятельной, безплатно снабжающей 42-хъ бѣднѣйшихъ дѣвочекъ пищей, одеждой, обувью и пр. („Русск. Вѣдомости" № 14).

Шевченко въ опалѣ Въ № 239 газ. „Галичанинъ" въ корреспонденціи изъ Добромиля, сообщается, что 9 октября въ Тарнавѣ состоялся съѣздъ духовенства Добромильскаго деканата, на которомъ постановили: т. к. въ изданномъ Обществомъ „Просьвіта" полномъ собраніи сочиненій Шевченка нѣкоторыя стихотворенія (напр. „Иванъ Гусъ") „содержаніемъ своимъ сопротивляются (sic!) религійности (!) и нравственности" и т. к. эти сочиненія „прилѣжно" читаетъ школьная молодежь, „якъ мужеская, такъ и женская", а гимназическая молодежь, проникнутая „украинизмомъ" (sic!) и „люди злой воли", распространяютъ это изданіе среди простого народа, то въ результатѣ получается „развратъ" для молодежи и простонародія, а дѣятельность душепастырей сильно затрудняется. Въ виду этого добромильскій деканатскій съѣздъ проситъ обратить на этотъ предметъ должное вниманіе, „и якъ были запрещены книжечки „съ упавшимъ съ неба листомъ", такъ точно должны быть подвергнуты опалѣ и изданія Шевченка съ нерелигіозными и безнравственными стихотвореніями...

Явленіе не новое... Какъ извѣстно, чуть ли не съ первыхъ дней доступа сочиненій Шевченка въ болѣе широкіе круги галицкаго общества, противъ нихъ (сочиненій) изъ года въ годъ ведется кампанія въ опредѣленныхъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе интересъ и уваженіе къ нимъ со стороны галицкихъ украинцевъ не только не уменьшается, но съ каждымъ днемъ все больше и больше растетъ, такъ что кампанія противниковъ остается безрезультатной. «Всуе бдѣ стрегій»...

Излишекъ заботливости или что-либо иное? Изъ канцеляріи Общества им. Михаила Качковскаго во Львовѣ, принадлежащаго партіи «твердоруссовъ», которое распространяетъ въ народѣ, въ читальняхъ им. Качковскаго, всевозможныя народныя изданія на томъ-же язычіи, на которомъ издается и газета «Галичанинъ» и др. изданія «твердоруссовъ»,—въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Краевую Школьную Раду от-

правлено письмо, въ которомъ просятъ послѣднюю обратить вниманіе на нѣкоторые отрывки въ учебникѣ «Руска Читанка для шкіл виділових, Львів, 1902», «несходныи съ педагогичными цѣлями народной школы и производящіи даже вредное вліяніе на сердце и умъ молодежи».

Конечно, всякій согласится съ тѣмъ, что школьные учебники, въ особенности учебники родного языка и литературы, должно составлять весьма умѣло, такъ, чтобы они могли давать здоровую пищу для дѣтскаго ума, развивать его духовныя силы, дѣйствовать на его воображеніе. А для этого они должны какъ можно ближе стоять къ дѣйствительной жизни, и знакомить ребенка съ реальными фактами жизни, не ограничиваясь лишь исторіями нравоучительно-поучительнаго и добродѣтельнаго характера, при полномъ игнорированіи отрицательныхъ явленій. Обратимся теперь къ инкриминируемымъ Обществомъ Качковскаго отрывкамъ и увидимъ насколько справедливы обвиненія, взведенныя на «Читанку».

«Въ названной Читанцѣ»,—читаемъ мы («Приложеніе къ Галичанину», ч.ч. 264 и 265»),—«въ уступѣ 17 идеализуется сельскій хлопакъ Проданъ, который играетъ найлучше на «сопівці», найлучше гудить на трембитѣ и на скрипцѣ, вытинаетъ «дрібненького», присвиступтъ, приспѣвуетъ и приговорюетъ, що ажъ хата ходитъ, «а як возьме яку в танець, то аж духу не стане». *Такого рода идеальный образецъ можетъ навести молодежъ лишь на дорогу легкомыслія* (?!)»... Члены Общества Качковскаго, повидимому, наивничаютъ,—они дѣлаютъ видъ, что «мужицкія» и другія дѣти воспитываются подъ стекляннымъ колпакомъ, вдали отъ суетнаго міра, и «легкомысленныя картины», подобныя цитированной, настолько чужды дѣтскому пониманію, настолько ему неизвѣстны, что одно лишь упоминаніе о нихъ въ книгѣ можетъ повести дѣтей «на дорогу легкомыслія».

Раздѣлавшись такъ съ «хлопакомъ Проданомъ», Общество приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ выдержекъ или голословныхъ ссылокъ на страницы «Читанки», гдѣ, по его выраженію „поддостаточно эротики". Не угодно ли будетъ узнать, что слѣдующій отрывокъ изъ „Тополи" Шевченка—„есть также эротическаго содержанія»:

„Полюбила чорнобрива
Козака дівчина,
Полюбила—не спинила.

Як би знала, що покине,
Була б не любила.
. . . .
Там десь милий, чорнобривий
По полю гуляе,
А я плачу, літа трачу—
Його виглядаю"...

Эротическаго содержанія оказывается также и „Юрыся" Кулиша... И вообще, всякія выраженія, въ которыхъ говорится, что „дивчына чорнявенька", глаза у нея „як тернові ягідки", „бровоньки—як на шнурочку"—все это „едва ли можетъ составлять спасительную лектуру для молодежи въ такомъ возрастѣ, когда у нея пробуждаются половыя страсти, которыи лишь могутъ вспламенитись подобными впечатлѣніями" (!). Дѣйствительно, это „si non é vero—é ben trovato!" Г.г. члены Общества, вѣроятно, не были бы обезпокоены, если бы о той же „дивчынѣ" говорилось, что глаза ея—„як у жаби", брови,—„як у рудоі миші" и т. п.! Необычайно цѣломудренные г.г. члены!!

Наконецъ, отрывокъ на стр. 219. „Храм у Сторонці"—„есть прямо богохульствомъ!" Обвиненіе слишкомъ серьезное, чтобы не остановиться на немъ. Оказывается слѣдующее: „церковныи праздники установлены въ память святыхъ и Угодниковъ Божіихъ и должны являтись моментами, въ которыхъ христіане имѣютъ наполнити свои сердца набожностію и направити свои чувства и мысль къ Богу и его закону. Между тѣмъ авторъ представляетъ праздникъ святый въ такомъ видѣ, якобы опредѣленіемъ его было, щобы дѣвчата и паробкы смѣялись, крутили, танцовали, ѣли, пили, и веселились". Ясное дѣло, что и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, г.г. члены Общества прибѣгли попросту къ извѣстному пріему, инсинуаціей именуемому, и обо всѣхъ этихъ пустыхъ нападкахъ не стоило бы и говорить, если бы они не выходили изъ предѣловъ терпимаго вздора.. Но дѣло въ томъ, что съ этимъ вздоромъ обращаются за воздѣйствіемъ къ правительственному учрежденію и имѣютъ въ виду, достигнуть успѣха. Трудно повѣрить, чтобы «Краева Шкільна Рада», въ числѣ членовъ которой есть и украинцы, обратила какое-либо вниманіе на явно нелѣпыя обвиненія.

Новая эра въ „Обществѣ Качковскаго“. «Общество Качковскаго», принадлежащее партіи «староруссовъ» и распространявшее до сихъ поръ въ основываемыхъ имъ читальняхъ для народа изданія на той неудобочитаемой смѣси, которую тѣмъ не менѣе, создатели и благотворители ея называютъ „русскимъ языкомъ“, существующимъ будто бы въ Галичинѣ—въ настоящее время сдѣлало шагъ впередъ и изданія свои ведетъ на чисто русскомъ языкѣ, котораго, безъ сомнѣнія, въ Галичинѣ не существуетъ. Само собою разумѣется, если до сихъ поръ народъ въ изданіяхъ Качковскаго узнавалъ хотя отчасти родной языкъ, то въ нынѣшнихъ великорусскихъ брошюрахъ находитъ совсѣмъ ужъ мало родственнаго. Недавно въ Обществѣ Качковскаго, какъ сообщаетъ „Руслан“ (№ 284), получено письмо одного крестьянина слѣдующаго содержанія: „посилаю 2 к(ороны), членский внос на рік 1902 і прошу присилати книжочки в нашой руской мові, бо діставем дві книжочки од общества одна Ніч перед Рождест., друга Іван Дурак не єсть писані нашов мовов (?) нам таких не потрібно. Симеон Притула“.

Вѣче въ Станиславовѣ (въ Галичинѣ). Стараніями филіи Общества „Просьвіта“ состоялось 8 декабря въ Станиславовѣ вѣче, на которомъ, несмотря на будничный день, присутствовало болѣе 500 крестьянъ, нѣсколько десятковъ священниковъ и множество станиславскихъ мѣщанъ, и интеллигенціи. Вѣче открылъ о. Барышъ изъ Угринова рефератомъ „Про наше шкільництво“, въ которомъ, остановившись вкратцѣ на ошибкахъ и недостаткахъ школьнаго дѣла въ Австріи, изобразилъ яркими примѣрами преслѣдованіе украинскаго школьнаго образованія въ восточной Галиціи, гдѣ умышленно стараются держать крестьянъ во тьмѣ съ своекорыстными цѣлями. Совершенная неправда, будто въ Галичинѣ украинскихъ народныхъ школъ больше, чѣмъ польскихъ, такъ какъ украинскія школы—по большей части—утраквистическія, и ребенокъ, пройдя курсъ такой школы, набиваетъ себѣ голову баснями о Кракусахъ и Вандахъ. Референтъ протестовалъ также противъ занесенія въ число Поляковъ тѣхъ Русиновъ, которые исповѣдываютъ латинскій обрядъ. Коснувшись средней школы, ораторъ справедливо замѣтилъ, что по своей численности Русины должны имѣть не $3^1/_2$ украинскихъ гимназій, но и 24 было бы мало, а Львовскій университетъ долженъ быть всецѣло украинскимъ. Въ концѣ референтъ обратился ко всему украинскому народу съ призывомъ къ борьбѣ за свои

исконныя права и къ просвѣтительной дѣятельности. Въ обсужденіи этого вопроса принимали участіе многіе изъ присутствующихъ, и между прочимъ М. Петрицкій предложилъ резолюцію съ требованіемъ отъ правительства основанія украинскаго университета во Львовѣ путемъ ежегоднаго открытія 5 каѳедръ („Руслан", № 268).

Украинскіе курсы въ Львовскомъ университетѣ. На филологическомъ факультетѣ Львовскаго университета по-украински въ настоящее время читаются слѣдующіе курсы: 1) проф. Грушевскій—исторія Литвы и Польши; 2) проф. Студынскій—исторія украинской литературы до конца XV в.; 3) проф. Колесса—исторія украинской литературы XIX в.; 4) проф. Кокоруздъ—украинскій языкъ и отличительныя черты его отъ польскаго. („Извѣстія по лит. наук. и библіогр." 1902 г., № 2).

Избраніе галицкаго ученаго въ Академію наукъ. Въ срединѣ декабря Академіей Наукъ избранъ въ члены-корреспонденты молодой галицкій ученый Володимиръ Гнатюкъ, редакторъ „Літературно-Наукового Вістника" и дѣятельный членъ и сотрудникъ „Наукового Товариства ім. Шевченка». Г. Гнатюкъ извѣстенъ многочисленными и солидными изслѣдованіями въ области украинской этнографіи и письменности, въ особенности касающимися почти не затронутой научными изслѣдованіями Угорской Руси.

Привѣтствуемъ по поводу избранія г. Гнатюка важный фактъ признанія Академіей Наукъ цѣнныхъ научныхъ заслугъ одного изъ талантливыхъ галицко-украинскихъ ученыхъ, сгруппировавшихся въ „Науковім Товаристві ім. Шевченка".

Первый Русинъ въ Палатѣ Господъ. Въ Австрійскую Палату Господъ, въ составъ которой входятъ принцы царствующаго дома, владѣтели майоратовъ, архіепископы (въ томъ числѣ и львовскій митрополитъ), а также по назначенію императора нѣкоторыя лица, оказавшія выдающіяся услуги церкви, государству, наукѣ и искусствамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года назначенъ, как сообщаетъ «Руслан» (№ 276) между прочимъ первый (не считая львовскихъ митрополитовъ) русинъ Владиславъ Федоровичъ, владѣтель Викна

(Окна), Товстого, Шляхтинець и Черниховецъ (въ повѣтахъ Скалатскомъ, Збаражскомъ и Тернопольскомъ), оказавшій не мало услугъ для украинскаго національно-просвѣтительнаго и культурнаго развитія въ Галичинѣ. Въ 70 г.г. подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ украинскихъ дѣятелей въ особенности Василія Ильницкаго, онъ отдался дѣятельности просвѣтительной и культурной. Въ «Правді» было помѣщено его изслѣдованіе по философіи, затѣмъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ «головою» общества «Просьвіта», которому, между прочимъ, принесъ въ даръ 14.000 гульденовъ. Имъ основаны четыре промышленныя школы: въ Викнѣ—для выдѣлки «килимівъ», въ Товстомъ—образцовая ганчарская, «штельмахивська» и «ковальска»; издѣлія ковровъ въ Викнѣ пріобрѣли европейскую извѣстность благодаря оригинальности узоровъ, заимствованныхъ изъ чрезвычайно богатаго собранія ихъ въ Викнинскомъ замкѣ, постоянной резиденціи Федоровичей. Въ 1887 г. Влад. Федоровичъ принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ этнографической выставки въ Тернополѣ въ честь великаго князя Рудольфа, на которой была прекрасно представлена галицкая Русь; цѣнная памятка объ этой выставкѣ—альбомъ фотографическихъ снимковъ, имѣющійся и въ обществѣ «Просвіта».

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что позже, съ 80-тыхъ годовъ Федоровичъ пересталъ выступать, какъ дѣятель національно-украинскій, и если можно говорить о его заслугахъ въ этомъ направленіи, то лишь въ прошломъ. Въ настоящее время онъ посвящаетъ свои досуги научно-философскимъ изслѣдованіямъ и занятіямъ археологіей. Въ его замкѣ въ Викнѣ, кромѣ богатѣйшей библіотеки и архива, имѣется солидная коллекція археологическихъ древностей изъ Подольскихъ (Подилля галицького) кургановъ и могилъ, раскопанныхъ частью самимъ Федоровичемъ, частью приглашенными имъ археологами, среди которыхъ Шараневичъ, а Петрушевичъ и В. Б. Антоновичъ были частыми гостями въ Викнѣ.

По поводу выборовъ Федоровича въ Палату Вельможъ изъ Черновицъ была прислана избранному слѣд. телеграмма: «Першому представителеви Руси в палаті вельмож шле щирий привіт і низький поклін клюб буковинських руських послів,—др. Стоцкий, голова». (Буковина, ч. 146).

Съѣздъ національно-демократической партіи. Два дня, 13 и 14 декабря, происходилъ во Львовѣ съѣздъ делегатовъ національно-

демократической партіи. На очередь были поставлены вопросы: объ организаціи, стачкѣ и академическомъ фондѣ. Относительно второго пункта была постановлена слѣдующая резолюція: «организація стачекъ нужна тамъ, гдѣ господствуетъ злоупотребленіе трудомъ крестьянина-землепашца и такъ какъ, въ виду этого, стачки обязательно возникнутъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и въ будущемъ (1903) году, то «Народний Комітет» долженъ принять всяческія мѣры, чтобы не допустить прекращенія стачекъ».

Затѣмъ, по предложенію д-ра Олесницкаго, рѣшено основать во Львовѣ бюро юридической помощи при «Народномъ Комитетѣ», которое будетъ имѣть своей задачей охрану интересовъ украинскаго населенія въ странѣ и въ каждый нужный моментъ подавать юридическую помощь всѣмъ, кто понесъ потери изъ за сельско-хозяйственной стачки или находится въ заключеніи. Что касается академическаго фонда (суммы, собранной на студентовъ—сецессіонистовъ), постановлено отдать весь фондъ «Народному Комитету» въ Львовѣ для выдачи субсидій стачечникамъ.

Затѣмъ, по предложенію г. Гурика, рѣшено и въ будущемъ году организовать и провести стачки, въ особенности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Галицкаго Подолья—въ противовѣсъ колонизаціонной дѣятельности польскаго центральнаго комитета. Планъ проведенія стачекъ выработанъ тайнымъ стачечнымъ комитетомъ, сдѣлавшимъ соотвѣтствующія постановленія на секретномъ собраніи.

На съѣздѣ были также затронуты вопросы объ отношеніи къ сейму и парламенту. По первому вопросу постановлено слѣдующее рѣшеніе: «принимая во вниманіе, что Галицкій сеймъ въ теперешнемъ составѣ приноситъ вредъ украинскому населенію Галичины, и вся политика большинства этого сейма направлена противъ интересовъ и національнаго существованія Русиновъ, и что господствующая въ странѣ партія поляковъ въ послѣднее время открыла дѣйствія съ цѣлью окончательно погубить Русиновъ, какъ народность—Народный Съѣздъ обращается къ своимъ посламъ, чтобы они соотвѣтственно съ этимъ держали себя въ сеймѣ и выступали противъ польскаго большинства и его дѣятельности въ сеймѣ съ самой рѣшительной оппозиціей». Такое же постановленіе сдѣлано относительно парламента.

Наконецъ, съѣздъ избралъ правленіе національно-демократической партіи, въ составъ котораго вошли: др. Е. Левицкій, др. Николай Шухевичъ, Лонгинъ Цегельскій, Кулачковскій и проф. Шухевичъ.

Съѣздъ закрылся при всеобщемъ воодушевленіи послѣ рѣчи посла священ. Богачевскаго, въ которой послѣдній отмѣтилъ, что нынѣшній «Народный Съѣздъ» удался необычайно во всѣхъ отношеніяхъ, и что въ общемъ къ нему интересѣ, въ особенности со стороны крестьянъ, и въ серьезности постановленій и рѣшеній можно видѣть залогъ благопріятнаго исхода борьбы, навязанной ему польскимъ гакатизмомъ. («Буковина», ч. 150, «Руслан», ч. 281).

Мертвая ли глыба нашъ народъ? Такой вопросъ поставилъ корреспондентъ газеты «Руслан» (№ 285). Въ отвѣтъ какому-то г. Милковскому, назвавшему галицкихъ украинцевъ «мертвой глыбой», корреспондентъ приводитъ въ доказательство любопытную статистику изъ м. Угнева (Равскаго повита) которое, несмотря на неудовлетворительныя экономическія условія, обучаетъ десятки своихъ дѣтей въ разныхъ школахъ. Въ истекшемъ 1902 году въ школахъ внѣ Угнева обучалось 29 душъ мужского и женскаго пола—угневскихъ украинскихъ горожанъ, а именно: во львовскомъ университетѣ 5, вѣнскомъ—1, во львовской гимназіи—8, въ перемышльской—6, въ коломыйской—1, въ учительской семинаріи въ Соколѣ—1, въ учительской семинаріи во Львовѣ—1, въ народной школѣ въ Равѣ Руськой—4, въ женской учительской семинаріи во Львовѣ—1, въ институтѣ имени св. Ольги—1.

Къ этому надо добавить, что болѣе 20 русиновъ изъ Угнева занимаютъ солидное общественное положеніе.

По тому же вопросу имѣемъ матеріалъ и въ № 278 той же газеты. Статистика еще болѣе любопытна, такъ какъ касается 2-хъ обыкновенныхъ селъ—Жужель и Цебловъ, населеніе которыхъ не ограничивается одними мѣстными школами, но отправляетъ своихъ дѣтей въ высшія учебныя заведенія для завершенія образованія. Оказывается слѣдующее: учащихся мужскаго пола—въ гимназіяхъ львовскихъ—7, ярославской—3, въ перемышльской—2, въ учительской семинаріи въ Соколѣ—4, въ промышленной школѣ во Львовѣ—1, въ Римской коллегіи—1, получили учительскія мѣста—3. Учащихся женскаго пола: во Львовѣ въ Василіанской женской школѣ—1, въ Соколѣ въ частной учительской семинаріи—1, въ Рожджаловѣ на учительской должности—1, въ Закопаномъ, въ женской сельскохозяйственной школѣ—4, въ Жужелѣ въ женской школѣ при монастырѣ—9.

«Такихъ селъ, замѣчаетъ редакція, нашлось бы у насъ сотни» и проситъ читателей присылать фактическія данныя. Уже изъ приведенныхъ фактовъ достаточно ясно, можно ли говорить о невѣжествѣ и инертности галицкаго простонародья.

Народныя пѣсни въ Австріи. Общество «Die Universal Edition Actiengesellschaft in Wien, Maximilianstrasse, № 11» задумало выпустить грандіозное изданіе подъ заглавіемъ „Das Volkslied in Oesterreich", гдѣ будутъ помѣщены перлы народнаго пѣсеннаго творчества, вмѣстѣ съ нотами, всѣхъ австрійскихъ народовъ въ такой формѣ и такомъ объемѣ, какихъ донынѣ еще не было.

Въ качествѣ матеріала для этого предпріятія слѣдуетъ присылать только что вышедшія изъ печати изданія, затѣмъ рукописи еще не напечатанныхъ пѣсенъ и отдѣльные, для этой цѣли приготовленные, сборники изъ народныхъ устъ и списки изъ музыкальныхъ архивовъ. Общество выплачиваетъ расходы за приготовленіе такихъ матеріаловъ. Общество будетъ помѣщать оригинальные тексты, а также и хорошіе переводы. Этимъ капитальнымъ предпріятіемъ заинтересовалось Министерство Просвѣщенія и циркулярно предписало подчиненнымъ своимъ прійти Обществу на помощь („Русланъ", 275). Было бы крайне печально, если бы галицкіе композиторы и представители музыки не приложили усилій къ тому, чтобы наилучшимъ образомъ представить галицко-украинское народное пѣсенное творчество въ капитальномъ трудѣ Вѣнскаго Общества.

Альбомъ старинныхъ церквей. Такой альбомъ предлагаетъ издать «Галичанинъ» (№ 282) въ Галичинѣ. Старинныхъ церквей, по заявленію газеты, найдется еще довольно много. Въ альбомъ должны войти фотографическіе снимки церквей съ обозначеніемъ мѣста, года основанія и другихъ данныхъ. Изданіемъ такого альбома „могло бы занятись наше многозаслуженное Общество им. Михаила Качковскаго и разослати его яко книжечки Общества для своихъ членовъ". Конечно, разослать не трудно, но гораздо труднѣе издать проектируемый альбомъ, особенно тѣмъ путемъ, какой рекомендуетъ авторъ статьи (Николаевичъ), а именно—путемъ обращенія къ духовенству съ просьбой о содѣйствіи. Не знаемъ, быть можетъ Галицкое

духовенство слишкомъ не похоже на наше, но все-таки сомнѣваемся, чтобы изъ проекта «Галичанина« что-либо вышло.

Статистика украинскаго населенія въ Галичинѣ. Изъ отчетовъ переписи населенія въ Австрійскихъ земляхъ въ 1890 и 1900 г.г. видно, что первое мѣсто въ Австріи занимаютъ нѣмцы (8.461.580 и 9.170.936), второе чехи (5.472.879 и 5.955.397), третье поляки (3.719.232 и 4.259.152) и четвертое—*русины (3.105.221 и 3.375.576)*. Затѣмъ идутъ словинцы (около 3 мил.), сербо-хорваты (811.380), итальянцы (727.102), румыны (230.963) и мадьяры (9.516) (?).

Такимъ образомъ Русины стоятъ въ отношеніи количества населенія на четвертомъ мѣстѣ, но въ отношеніи политическомъ чуть ли не въ самомъ концѣ. Изъ тѣхъ же отчетовъ явствуетъ, что въ теченіе 10 лѣтъ относительно больше всего возросли поляки, (въ Силезіи и отчасти въ Галичинѣ,—съ 15.84% до 16.61%). За то потеряли больше всего нѣмцы вм. (36,05%—35.68%) и отчасти чехи (вм. 23,32%—23,23%). Число русиновъ за 10 лѣтъ возросло на $^1/_4$ милліона, но въ % отношеніи уменьшилось на 0,05% (вм. 13.22%—13,17%). (Руслан, № 273).

Старыя пѣсни. Въ № 9617 газ. «Новое Время» нѣкій анонимъ, именующій себя, вѣроятно изъ скромности, «Русской Правдой» излился потокомъ глубокофилологическихъ замѣчаній въ статьѣ «Русинъ» и «русскій», будто бы выясняющей галицкія (польско-русинскія) отношенія. Чтобы видѣть, насколько г-жа Русская Правда выясняетъ ихъ, достаточно будетъ указать на такіе, обычные на столбцахъ «Новаго Времени», пріемы: различіе между «русиномъ» и „русскимъ“ существуетъ лишь въ воображеніи австрійскихъ властей, нѣмецко-еврейскихъ (!) публицистовъ Вѣны и Будапешта и польскихъ шовинистовъ: австрійскія власти, а вмѣстѣ съ ними и *поляки* кокетничаютъ съ галицкими украйнофилами—это ужъ совсѣмъ что-то несуразное, даже со стороны пріютившейся въ „Новомъ Времени“ г-жи Русской Правды, какъ бы она ни старалась наивничать. „Кому же неизвѣстна,—патетически восклицаетъ Русская Правда,—попытка этихъ господъ *создать* разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ особую „украинскую“ или „руськую народность“ и т. п. А 10-ю строками ниже можно прочесть, что „поляки перестаютъ теперь поддерживать „украинофи-

ловъ“ и содѣйствовать «эволюціи русинской національной идеи». Вообще, статья написана, какъ подобаетъ такой важной особѣ, какъ Русская Правда,—съ великимъ апломбомъ, но отъ этого не становится, конечно, не правдивѣе, ни содержательнѣе.

Новое Общество въ Буковинѣ. Въ Черновцахъ основалось новое «Руське Товариство історичне», цѣль котораго способствовать научному развитію исторіи, етнографіи, статистики и исторіи искусства; особое вниманіе будетъ удѣляться, конечно, галицкой и буковинской Руси. Во главѣ новаго общества стоятъ: председатель—проф. Владимиръ Мыльковычъ, товарищъ-председателя—проф. Степанъ Смаль-Стоцькый, секретарь—Осип Маковей, кассиръ—Миронъ Кордуба. Новое общество имѣетъ въ виду не только моральную и матеріальную помощь для отдѣльныхъ работъ, но также будетъ обращать вниманіе и на веденіе коллективныхъ трудовъ, напр. собираніе древностей, изданіе грамотъ, составленіе географическаго словаря и т. д. Ежемѣсячно общество будетъ устраивать засѣданія, на которыхъ будутъ читаться доклады и сообщенія. Общество намѣрено издавать свой собственный органъ, а также заняться популяризаціей науки среди общества. („Руслан“ 1902, № 267).

Тоже новое Общество. Въ газетахъ появилось сообщеніе о новомъ обществѣ, задающемся, впрочемъ, весьма старыми цѣлями. «15 декабря, въ помѣщеніи Русскаго Собранія, въ Петербургѣ состоялось учредительское собраніе галицко-русскаго благотворительнаго общества. Собраніе открылось рѣчью одного изъ учредителей общества В. С. Драгомирецкаго, изъ которой видно, что общество возникло для созданія въ центрѣ Россіи звена, связующаго Прикарпатскую Русь съ столицей русскаго народа. Объединеніе это идетъ уже въ теченіе долгаго времени, но подвигается впередъ чрезвычайно медленно, благодаря противодѣйствію на мѣстѣ нѣмцевъ и поляковъ. Учредители общества, въ концѣ-концовъ, пришли къ заключенію, что сдѣлать что-либо въ Галиціи не возможно, и что толчекъ ихъ дѣлу долженъ быть данъ изъ центра Россіи. Идея учрежденія общества возникла еще 8 лѣтъ тому назадъ, но добиться разрѣшенія надлежащаго устава удалось лишь осенью текущаго года. Главныя цѣли открывающагося общества—благотворительность и распространеніе среди галичанъ русскаго языка, чтобы они жили вполнѣ русской жизнью. Послѣ избранія

предсѣдателемъ собранія члена совѣта министра народнаго просвѣщенія А. С. Будиловича, онъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что центральная Русь въ большомъ долгу предъ Червонной Русью, за то, что она какъ бы не желаетъ замѣчать ея существованія; между тѣмъ, въ ней-то и лежитъ разрѣшеніе многихъ серьезныхъ и важныхъ для Россіи вопросовъ. Послѣ рѣчи А. С. Будиловича, былъ выбранъ составъ совѣта общества. Предсѣдателемъ общества избранъ А. С. Будиловичъ, товарищемъ его—инженеръ I Н. Ливчакъ, секретаремъ—В. С. Драгомирецкій, членами совѣта: докторъ Добрянскій, оберъ-секретарь сената Б. Ю. Ходобай, магистръ международнаго права А. Н. Штиглицъ, В. В. Комаровъ, ген.-лейт. Н. П. Писаревскій и инж. Чайковскій. Въ настоящее время въ обществѣ состоитъ 25 членовъ учредителей; капиталъ его равняется 1,100 слишкомъ рублей. Изъ всѣхъ поступающихъ суммъ рѣшено было отчислять 10 проц. на изданіе популярной брошюры о Зарубежной Руси». «С.-Петерб. Вѣд.». Судя по опытамъ прошлаго и по отсутствію указаній на что-нибудь новое и оригинальное въ пріемахъ дѣйствія этого общества, что-то плохо вѣрится въ благіе результаты его дѣятельности для нашихъ закордонныхъ братьевъ.

Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. 4-го, 5-го и 6-го сего января въ домѣ императорскаго московскаго археологическаго общества происходили, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, засѣданія предварительнаго комитета по устройству лѣтомъ 1905 года въ г. Екатеринославѣ XIII-го археологическаго съѣзда. Въ засѣданіяхъ участвовало около 60 депутатовъ отъ университетовъ, духовныхъ академій и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, археологическихъ и иныхъ учебныхъ обществъ, въ томъ числѣ и екатеринославскаго научнаго общества, правительственныхъ архивовъ, музеевъ губернскихъ учебныхъ архивныхъ комиссій, губернскихъ статистическихъ комитетовъ, екатеринославскаго городского общественнаго управленія и екатеринославскаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда.

Въ результатѣ совѣщаній было принято, что XIII съѣздъ долженъ состояться въ г. Екатеринославѣ съ 15-го по 27-е августа 1905 года, что занятія его будутъ распредѣлены по тѣмъ же 9-ти отдѣленіямъ или секціямъ, что и на XII-мъ харьковскомъ съѣздѣ, съ

тѣмъ измѣненіемъ, что IV секція должна получить названіе «Древности юридическія; бытъ хозяйственный, домашній и военный», а IX-я—«Археографія и архивовѣдѣніе». Правила съѣзда приняты, вообще, тѣ же, что и для предшествовавшихъ съѣздовъ, съ небольшими лишь измѣненіями въ редакціи нѣкоторыхъ параграфовъ. Екатеринославскіе депутаты Я. Г. Гололобовъ, В. В. Куриловъ, А. С. Синявскій и Д. И. Эварницкій заявили, что, по иниціативѣ екатеринославскаго губернатора гр. Келлера, образованъ мѣстный предварительный комитетъ по устройству съѣзда подъ предсѣдательствомъ екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства М. И. Миклашевскаго, причемъ уже въ настоящее время выяснилось, что для XIII съѣзда могутъ быть отведены вполнѣ достаточныя и подходящія помѣщенія въ зданіяхъ Потемкинскаго дворца, высшаго горнаго училища и екатеринославскаго музея, который будетъ отстроенъ ко времени съѣзда; что екатеринославскій комитетъ и всѣ мѣстные дѣятели готовы работать по указаніямъ московскаго археологическаго общества; что есть возможность произвести археологическія раскопки въ нѣсколькихъ мѣстахъ при содѣйствіи землевладѣльцевъ гр. Канкрина, Миклашевскаго, Струкова, Левшина, Гана, Шишкина и др., что возможно будетъ устроить археологическую и этнографическую выставку и организовать экскурсіи для ознакомленія съ древностями края; что богатый матеріалъ для изслѣдованій представляютъ курганы близъ самаго г. Екатеринослава, и вообще берега Днѣпра, особенно близъ пороговъ и мѣст. Никополя, но желательно было бы произвести раскопки кургановъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, что служило бы продолженіемъ изслѣдованій, производившихся для XII харьковскаго съѣзда, а также въ другихъ мѣстностяхъ Херсонской и Бессарабской губерній. Собраніе благодарило гг. екатеринославскихъ депутатовъ за ихъ сообщенія и за любезную готовность представляемыхъ ими учрежденій послужить интересамъ XIII археологическаго съѣзда. Депутатъ харьковскаго университета проф. Д. И. Багалѣй выразилъ мнѣніе, что, при опредѣленіи работъ предстоящаго съѣзда, необходимо имѣть въ виду: 1) продолженіе работъ предшествовавшаго харьковскаго съѣзда и 2) спеціальныя задачи екатеринославскаго съѣзда. Къ прежнему району изслѣдованій слободской и лѣвобережной Украины слѣдуетъ прибавить Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, въ частности—продолжить нѣкоторыя раскопки въ Харьковской губ. (въ Салтовѣ), по рѣкѣ Донцу и проч. и произвести изслѣдованія по Днѣпру, Орели, Каль-

міусу, сѣверному побережью Азовскаго моря, составить археологическую карту Екатеринославской губерніи, собрать свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ въ этой, Херсонской, Таврической губ. и Донской области, озаботиться собираніемъ памятниковъ запорожской старины. сдѣлать обзоры документовъ, находящихся въ различныхъ архивахъ и касающихся исторіи Запорожья и Новороссійскаго края, собрать коллекціи старинныхъ картъ района и составить карту заселенія Новороссіи въ XVII—XVIII ст., наконецъ, собрать памятники мѣстной церковной старины. Д. Я. Самоквасовъ указалъ на желательность изысканія печенѣжскихъ кургановъ и «готскихъ» могилъ, а проф. Н. И. Веселовскій (депутатъ Императорскаго русскаго археологическаго общества)—на предпочтительность обстоятельной раскопки одного большого кургана типа, сходнаго съ извѣстнымъ чертомлыкскимъ, каковой имѣется, повидимому, на землѣ г. Нечаева-Мальцева; на это г. Синявскій замѣтилъ, что подобный же курганъ находится по близости, на землѣ г. Шишкина, причемъ отъ владѣльца получено разрѣшеніе на раскопку этого кургана. Проф. М. Н. Ясинскій (депутатъ кіевскаго университета) сообщилъ, по порученію общества Нестора-лѣтописца, программу подготовительныхъ работъ по съѣзду, предложенную пр. В. З. Завитневичемъ. Въ программу эту входятъ: организація археологической выставки при съѣздѣ, составленіе археологической карты Екатеринославской губерніи, или собраніе матеріаловъ для нея, производство лѣтомъ 1903, 1904 и 1905 гг. археологическихъ раскопокъ избѣгая, по возможности, кургановъ, такъ называемаго, скиѳскаго періода, организація экскурсій для осмотра днѣпровскихъ пороговъ и Запорожской Сѣчи. Проф. А. А. Кочубинскій (депутатъ Новороссійскаго университета) указалъ на желательность отысканія слѣдовъ культурнаго вліянія итальянскихъ факторій, бывшихъ въ южной Россіи въ XIV вѣкѣ, а пр. А. Н. Красновъ (депутатъ Харьковскаго университета) выразилъ желаніе, чтобы былъ изученъ вопросъ о томъ, какія черты собственной культуры удержали тѣ народности, которыя заселили территорію нынѣшней Екатеринославской губерніи. По предложенію граф. Уваровой, рѣшено обратиться въ ближайшіе къ Екатеринославу университетскіе города—Кіевъ, Одессу и Харьковъ, а также въ другіе важнѣйшіе центры южной Россіи, съ цѣлью привлечь къ участію въ подготовительныхъ работахъ къ съѣзду мѣстныя силы и организовать, гдѣ возможно, мѣстные предварительные комитеты, причемъ намѣчены были и тѣ ученыя общества, къ которымъ необхо-

димо обратиться по этому поводу. Доложено было письмо проф. А. И. Маркевича, въ которомъ онъ указываетъ, что большое значеніе для съѣзда могли бы имѣть популярныя лекціи по археологіи въ различныхъ мѣстностяхъ Новороссіи; по этому поводу было указано, что такія лекціи уже читались въ разныхъ городахъ Екатеринославской губерніи Д. И. Эварницкимъ, и постановлено было просить способствовать осуществленію этой идеи и пр. Маркевича. Севастопольскій городской голова Максимовъ просилъ комитетъ телеграммой «включить Севастополь въ число мѣстъ, которыя члены съѣзда предполагаютъ посѣтить въ августѣ 1905 г.»; комитетъ постановилъ благодарить севастопольское городское общественное управленіе и, по окончаніи съѣзда, предпринять экскурсію въ Севастополь, гдѣ особенно интереснымъ является посѣщеніе развалинъ Херсонеса. Императорское уральское общество любителей естествознанія сообщило, что оно проситъ имѣть въ виду г. Екатеринбургъ въ качествѣ мѣста для собранія XIV археологическаго съѣзда; аналогичныя заявленія получены также изъ Чернигова и Тифлиса. Постановлено обратиться въ черниговскую губернскую земскую управу съ просьбой о выставкѣ въ Екатеринославѣ ко времени съѣзда наиболѣе интересныхъ предметовъ изъ мѣстнаго археологическаго музея Тарновскаго. В. А. Городцовъ указалъ на важность а) опредѣленія юго-восточной границы домонгольской Руси XIII в. и б) выясненія типовъ погребенія печенѣговъ, торковъ, половцевъ и татаръ XIV в. Проф. Кочубинскій замѣтилъ, что для разработки послѣдняго вопроса желательно бы привлечь также мадьярскихъ археологовъ. Въ заключеніе постановлено обратиться къ гг. министрамъ народнаго просвѣщенія и финансовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи членамъ будущаго съѣзда, занимающимся преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ означенныхъ министерствъ, отпуска не только на время съѣзда, но и на время имѣющихъ состояться по окончаніи съѣзда научныхъ экскурсій. («Вѣстникъ Юга», № 319).

Народныя школы въ Галиціи. Въ 1901—1902 г. въ Галиціи всѣхъ народныхъ школъ было: польскихъ—2083, *украинскихъ—1994* и нѣмецкихъ—29 съ 698,153 учениками во всѣхъ школахъ. („Nowa Reforma").

БИБЛІОГРАФІЯ.

Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Переводы „Кобзаря" С. П. Дремцова. Съ иллюстраціями Хохрякова и А. Рылова и фрагментами музыки М. Лысенка. *Выпускъ I-й Цѣна 45 к. Вятка. 1902 г.* in 8⁰, 40 стр.

«Въ наше время, когда такъ больно звучитъ лира, не мѣшаетъ вспомнить о великомъ народномъ поэтѣ, о томъ батькѣ-Тарасѣ, который сквозь невозможныя жизненныя условія, подъ тягчайшими ударами жизни, пронесъ до могилы свято и вѣрно свое чистое, теплое, высокочеловѣческое отношеніе къ народу»,—такъ оправдываетъ г. Дремцовъ задуманное имъ изданіе своихъ переводовъ «Кобзаря».

Нисколько не возражая противъ выставленныхъ г. Дремцовымъ мотивовъ, мы готовы привѣтствовать всякую новую попытку ознакомленія съ музой великаго поэта широкихъ круговъ русскаго общества, для которыхъ чтеніе «Кобзаря» въ подлинникѣ представляетъ затрудненія, такъ какъ русская литература, несмотря на истекшія пятьдесятъ лѣтъ со времени выхода «Кобзаря» въ свѣтъ, и до сихъ поръ не располагаетъ вполнѣ удовлетворительнымъ полнымъ переводомъ его. Несомнѣнно, что отсутствіе полнаго и хорошаго перевода безсмертныхъ произведеній Т. Г. Шевченка, является крупнымъ и чувствительнымъ пробѣломъ для великорусской литературы и общества. Вышедшій въ (1900 году) переводъ «Кобзаря» подъ редакціей г. Бѣлоусова, до нѣкоторой лишь степени содѣйствовалъ уменьшенію этого пробѣла, но цѣликомъ не устранилъ его.

Лежащая передъ нами книжка производитъ пріятное впечатлѣніе прежде всего своею внѣшностью: внѣшность книги вполнѣ опрятна; въ книгѣ—находимъ два портрета Т. Г. Шевченка, воспроизведеніе гравюръ съ картинъ художника Ижакевича и снимки съ картинъ г.г. Хохрякова и Рылова[1]). Правда иллюстраціи заставляютъ желать многаго, но пріемы техники у насъ таковы, что и за то спасибо. Но особенно пріятное впечатлѣніе производитъ тепло написанное авторомъ переводовъ предисловіе. Все оно проникнуто глубокимъ чувствомъ любви и къ самой личности великаго поэта, и къ созданіямъ его музы, и къ тѣмъ основнымъ мотивамъ, какими вдохновлялась лира поэта. Указанію главнѣйшихъ мотивовъ поэзіи Т. Г. Шевченка посвящено главнымъ образомъ предисловіе къ переводамъ «Кобзаря». Обращаемся къ самымъ переводамъ.

Г. Дремцовъ въ своемъ предисловіи говоритъ: «Переводить Т. Г. Шевченка не только трудно, но въ иныхъ случаяхъ почти невозможно, ибо русскій языкъ не можетъ передать красотъ и глубины подлинника и его образнаго характера душевныхъ настроеній. Поэтому переводчикъ поставилъ себѣ скромную цѣль: до нѣкоторой степени служить помощникомъ при чтеніи подлинника, по преимуществу стремясь къ передачѣ настроеній».

Въ этихъ строкахъ предисловія мы находимъ, такимъ образомъ, ключъ къ уразумѣнію нѣсколько страннаго заголовка книжки, въ которомъ рядомъ съ словами «мотивы поэзіи» стоятъ слова: «переводы Кобзаря». Но не въ заголовкѣ, хотя бы и порождающемъ недоразумѣніе, дѣло, а въ томъ, насколько авторъ перевода справился съ своей задачей. Въ составъ перваго выпуска вошелъ переводъ всего лишь десяти стихотвореній изъ «Кобзаря», а именно: «Думы мои, думы мои», «Чого мени тяжко», «Мени трынадцятый мынавъ», «Мынають дни», «Сонъ», (Прощай, свите, прощай, земле), «Не нарикаю я на Бога», «Муза», «Огни горять», «За сонцемъ хмаронька плыве» и, наконецъ, «Заповитъ». Въ общемъ переводы г. Дремцова по своему достоинству должны быть признаны выше и лучше нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ доселѣ переводовъ изъ «Кобзаря», но въ то же время

---

[1]) Кромѣ того, въ текстѣ много виньетокъ, исполненныхъ очень недурно и относящихся къ содержанію стихотвореній: такъ, предъ стих. „Мени трынадцятый мынавъ“ заглавная виньетка изображаетъ хатку въ которой Тарасъ Григорьевичъ провелъ дѣтство.

справедливость требуетъ сказать, что автору не вездѣ удалось справиться съ взятой на себя задачей. Въ мѣстахъ близкихъ къ подлиннику, чувствуется отсутствіе силы и выразительности; въ мѣстахъ, представляющихъ перепѣвы мотивовъ Шевченковой поэзіи голосъ музы г. переводчика звучитъ до такой степени слабо и блѣдно, что и самое тонкое ухо читателя не способно разслышать его, а иногда беретъ даже фальшивыя ноты. Для примѣра возьмемъ хотя бы первое стихотвореніе «Думы мои, думы мои». Въ переводѣ г. Дремцова оно звучитъ вотъ какъ:

Думы мои, думы мои,
Дорогія дѣти,—
Тяжело, мои родныя,
Съ вами жить на свѣтѣ!..

И всегда, всегда больныя,—
Днями и ночами
Вы со мною неразлучны...
Что мнѣ дѣлать съ вами?!

Что васъ вѣтромъ, какъ пылинку,
Въ поле не умчало?!..
Что жъ васъ ночью, какъ ребенка,
Горе не заспало?!..

Конечно, читатели знаютъ, какъ начало этого стихотворенія читается въ подлинникѣ и какъ далекъ отъ него переводъ. Или далѣе слова подлинника:

Не пыталы бъ люде, що въ мене болыть,
Не пыталы бъ, за що проклынаю долю,
Чого нужу свитомъ... «Ничого робыть»
Не сказалы бъ на смихъ...

у г. Дремцова переданы слѣдующимъ образомъ:

Меня-бъ не пытали,
И мнѣ-бъ не сказали
Съ усмѣшкой лукавой.
— «Молчи и терпи»!

Слова подлинника:

Нехай думка, якъ той воронъ,
Литае та кряче,
А серденько соловейкомъ
Щебече, та плаче
Нышкомъ—люде не побачуть,
Та й не засміються...
Не втырайте жъ мои слёзы,
Нехай соби льються,
Чуже поле полываютъ що дня и що ночи.

даютъ мотивъ для такого крайне слабаго перепѣва:—

Какъ воронъ угрюмый летаетъ и вьется,—
Пусть дума моя на просторѣ витаетъ,
Какъ пѣснь соловья тоскливая льется,—
Пусть сердце больное щебечетъ-рыдаетъ.
Пусть горькія слезы въ тиши моей льются,
Незримыя ранней и поздней порой,
Въ чужбинѣ, на поле чужое прольются,—
Въ могилѣ укроютъ чужою землей!

Или, напримѣръ, какъ мало мысли и настроенія подлинника «Чого мени тяжко»? въ слѣдующей передачѣ г. Дремцова:

Отчего же мнѣ тяжко,—такъ грустно и больно?
И о чемъ мое сердце тоскуетъ, скорбитъ?
Ребенокъ голодный, страдая невольно,—
Чего-то все ждетъ и о чемъ-то болитъ...

Но особенно далеки отъ подлинника и слабы послѣднія два стихотворенія: «Огни горятъ и «Заповитъ». Начало перваго стихотворенія истолковано г. Дремцовымъ вотъ какъ:

Залитый свѣтомъ
Залъ... Играетъ
Оркестръ... волной
Веселье льется...

А сердце бѣдное рыдаетъ,—
Тоской въ немъ
Радость отдается...

Слова поэта:

Тилькы я неначе заклятый,
Дывлюся й нышкомъ плачу
Плачу я... Чого жъ я плачу?..
Мабудь шкода, що безъ прыгоды,
Мовъ негода мынула молодисть моя.

переводчику внушаютъ слѣдующія строки:

А я—одинъ,
Больной душою,
Я, какъ отверженный
Средь нихъ
Брожу... Смотрю
Вокругъ съ тоскою...

Потоки горькихъ
Слезъ моихъ
Подъ счастья шумъ
Толпы веселый,
Какъ гнетъ храню
Въ душѣ тяжелый!..

Что касается, «Заповита», то онъ является лишь слабымъ напоминаніемъ подлинника.

Когда я умру,—на Украйнѣ родной
Въ степи, безпредѣльной какъ море,
На старой могилѣ казачьей, святой
Вы тамъ схороните меня на просторѣ...
Чтобъ звукъ ни одинъ не тревожилъ меня
Въ равнинѣ Днѣпровской широкой,
Чтобъ голосъ людской не дошелъ до меня,—
Чтобъ тихо я спалъ, одинокій...
Но видѣть хотѣлъ-бы отчизны родной
Я степь золотую въ безбрежномъ просторѣ!—
Хотѣлъ бы туда я, за синюю даль,
Закинуть мое неослабное горе...
Но слышать хотѣлъ бы, какъ Днѣпръ нашъ родной,
Стремясь чрезъ пороги и кручи,
Поетъ вѣковую Украйны печаль,
И стонетъ, какъ витязь могучій.

Эта слабая передача подлинника вызвала въ нашей памяти полный силы и выразительности переводъ того же «Заповита» на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанный въ „Allgemeine Geschichte der Literatur“ Gustav'яKarpelesa (т. 2-й, стр. 813,—Berlin 1891 г.).

Wenn ich sterbe, so begrabt mich
Auf dem Grabeshügel
Mitten in der weiten Steppe
Meiner Ukraine.
Dass die breitgehenden Auen
Und die Felsenufer
Ich des Dnipr schau'und höre,
Wie der Rauscher rauschet.
Wälzend Feindesblut ins blaue
Meer aus Ukraina
Dann, ja dann will Berg und Auen
Will ich lassen alles,
Fliegen will ich selbst zu Gott und
Beten.—Doch bis dahin
Kenn ich keinen Gott. Begrabt mich
Und erwacht und sprenget
Eure Ketten, tränkt mit schlechtem
Feindesblut die Freiheit!
Und im grossen Kreis', im freien
Neuen sollt ihr meiner
Auch gedenken, nicht mit bösem,
Doch mit stillem Worte.

Указанныя нами лишь въ самыхъ общихъ чертахъ недочеты переводовъ г. Дремцова тѣмъ болѣе непріятны, что на всемъ его трудѣ, какъ въ отношеніи самого перевода такъ и изданія его, лежитъ отпечатокъ необычайно горячей любви и глубокаго уваженія къ поэту и его пѣснямъ печали и слезъ. Въ заключеніе нашей замѣтки мы все же не можемъ не выразить пожеланія г. Дремцову въ дальнѣйшихъ выпускахъ переводовъ «Кобзаря» болѣе успѣшнаго выполненія взятой имъ на себя задачи.

Ф. М.

В. Гринченко. Драмы й комедіи. *У Черниговi. 1902 года. Ст. 400* in *8⁰. Цина 1 р. 50 к.*

Подъ выписаннымъ выше названіемъ вышла въ началѣ текущаго года въ Черниговѣ довольно объемистая, изящно изданная книга, содержащая четыре драмы: «Ясни зори», «Степовый гисть», «Середъ бури», и «Арсенъ Яворенко», и комедію «Нахмарыло»,—принадлежащія перу Б. Гринченка[1]). Всѣ эти драмы принадлежатъ къ числу т. наз. идейныхъ произведеній, при чемъ, къ сожалѣнію, ихъ идейность проявляется значительно въ ущербъ ихъ художественной правдѣ и реализму. Приходится повторить старую истину, что положительныхъ типовъ не создашь, разъ жизнь не даетъ ихъ намъ. А драмы г. Гринченка страдаютъ именно тѣмъ, что авторъ выводитъ въ нихъ героевъ, надѣленныхъ всѣми положительными качествами, людей безусловно симпатичныхъ и желательныхъ въ каждомъ обществѣ, но... къ сожалѣнію, присматриваясь къ жизни, мы не только не находимъ такихъ людей, но даже замѣчаемъ, что и существовать то они такими, какъ ихъ изображаетъ г. Гринченко, при современныхъ условіяхъ жизни врядъ ли могутъ. Что же касается историческихъ его героевъ, то исторія положительно не даетъ намъ указаній на существованіе подобныхъ людей въ старину. Всѣ безъ исключенія дѣятели въ пьесахъ г. Гринченка раздѣляются, выражаясь словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ ком. Самійленка, на «патріотивъ и простыхъ людей». Первые, разумѣется, принадлежатъ къ положительнымъ типамъ. Присмотримся теперь къ содержанію пьесъ. Драма «Ясни зори»—историческая, относящаяся къ XVII ст. Дѣйствіе происходитъ въ саду турецкаго паши въ Крыму, гдѣ работаютъ невольники украинцы; среди нихъ находится молодой козакъ Дмытро, воспитанникъ Кіевской Академіи, женатый, человѣкъ съ необыкновенно развитыми поэтическими наклонностями, великій эстетикъ и любитель красоты. Въ саду встрѣчаетъ его жена паши Амина, тоже родомъ украинка, и съ такою же нѣжной поэтической душою. Оба производятъ другъ на друга

---

[1]) Пьесы, напечатанныя въ этомъ сборникѣ, появляются не впервые: „Ясни зори" и „Нахмарыло" были помѣщены въ „Зорі" за 1897 годъ, а остальныя - въ „Літературно-Наук. Віст." за 1898—901 г. Кромѣ того, драма „Середъ бури" была перепечатана въ альман. „Хвыля за хвылею" (Черн. 1900 г.).

сильное впечатлѣніе, и между ними завязывается романъ. Все идетъ хорошо, пока не появляется жена Дмытра Олена, явившаяся выкупить мужа. Тотъ сначала встрѣчаетъ её холодно, но потомъ, подъ вліяніемъ ея словъ и укоровъ, въ немъ пробуждается его прежняя любовь къ ней, и оба рѣшаютъ бѣжать. Ихъ подслушиваетъ Амина и, сгарая ревностью, рѣшаетъ отмстить Дмытру. Она предаетъ ихъ въ руки турокъ, но проситъ пашу не казнить ихъ а заключить пока въ тюрьму. Между тѣмъ о любви Амины къ Дмытру узнаетъ одинъ приближенный паши, Халиль, опять таки при помощи подслушиванія, и сообщаетъ объ этомъ пашѣ. Амина является въ тюрьму, чтобы насладиться видомъ страданій несчастныхъ супруговъ, но видитъ, что они спокойны и готовы умереть; въ душѣ Амины пробуждаются воспоминанія о религіи, которой она измѣнила, о родномъ краѣ. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній и упрековъ Олены, Амина возвращается къ исповѣданію христіанской религіи; она выпускаетъ на свободу Олену и Дмытра. Но скоро является паша, который и закалываетъ её за измѣну. Драма написана довольно хорошими гладкими стихами, встрѣчаются кое-гдѣ прекрасныя поэтическія мѣста, и еслибы не наличность слишкомъ идеальныхъ героевъ и слишкомъ утрированныхъ злодѣевъ, (напр. Халиль) то заслуживала бы значительнаго интереса; замѣтно въ ней также и присутствіе устарѣлыхъ поэтическихъ пріемовъ (подслушиваніе).

Комедія «Нахмарыло» взята изъ современной жизни. Героемъ ея является молодой сельскій учитель, сынъ помѣщика, искренній народолюбецъ; онъ влюбленъ въ свою ученицу-крестьянку и, пользуясь взаимностью, собирается на ней жениться. Препятствіемъ на пути къ осуществленію ихъ счастья являются «прымхы» (капризъ) дядюшки учителя, которому тотъ является единственнымъ наслѣдникомъ. Дядюшка не можетъ допустить, чтобы его племянникъ женился на простой «мужичкѣ», и угрожаетъ лишеніемъ наслѣдства. Когда же это не дѣйствуетъ, и когда племяннякъ, въ свою очередь, угрожаетъ дядюшкѣ разстройствомъ одной его коммерческой сдѣлки, дядюшка соглашается на этотъ бракъ, и все заканчивается благополучно. Какъ видимъ, герой комедіи надѣленъ всѣми симпатичными качествами: народолюбіемъ, самоотверженіемъ и настойчивостью, качествами, которыхъ лишенъ его противникъ-дядюшка. Не менѣе идеальная особа и возлюбленная учителя. Остается только пожелать, чтобы въ жизни дѣйствительно встрѣчались такія лица, какъ учитель и его невѣста.

Драма «За батька» представляетъ изъ себя кровавую пьесу въ духѣ сумароковскихъ трагедій. Главнымъ мотивомъ дѣйствій ея героевъ является месть: кто мститъ за отца, кто за мужа, кто за сына, кто за брата. Положенія въ драмѣ бываютъ совсѣмъ исключительныя, вдобавокъ пьеса пересыпана массой патетическихъ монологовъ, воззваній, восклицаній. Дѣйствіе въ драмѣ происходитъ наканунѣ возстанія Хмельницкаго, на Украинѣ, но въ какой части—опредѣлить весьма трудно, опредѣленныхъ указаній на это не имѣется. Богатый шляхтичъ Гонтаревськый, мечтающій увеличеніемъ своего состоянія сравниться по могуществу съ Вишневецкими и Острожскими, убилъ изъ засады своего сосѣда Демченка и тяжело ранилъ его сына, который свалился замертво и былъ сочтенъ тоже убитымъ. Затѣмъ Гонтаревскій женился на вдовѣ убитаго Демченка, захватилъ ея имущество, а также имущество воспитываемой ею дальней родственницы, которую Гонтарев. насильно желаетъ выдать замужъ за своего сына. Но его постигаетъ месть со стороны молодого Демченка, спасшагося на Запорожье, и уже оттуда возвратившагося домой въ качествѣ эмиссара Хмельницкаго. Послѣ всевозможныхъ приключеній Демченку удается покончить съ Гонтаревскимъ. Освобожденіе семьи Демченка отъ Гонтар. было вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ и крестьянъ, жившихъ у него въ подданствѣ, отъ жестокаго владѣльца. Въ общемъ, драма «За батька», какъ литературное произведеніе, безусловно, представляетъ изъ себя вещь слабую. Пожалуй, она можетъ еще имѣть успѣхъ на сценѣ, такъ какъ изобилуетъ сценическими эффектами.

Значительно выше, чѣмъ «За батька», стоитъ драма «Середъ бури»—тоже историческая, относящаяся къ эпохѣ Руины. Дѣйствіе происходитъ въ г. Кальныкѣ, занятомъ сторонниками гетмана Дорошенка. Противъ полковника Коваленка, начальствующаго надъ кальницкими козаками, ведется интрига со стороны преверженцевъ партіи Ханенка, съ цѣлью свергнуть его и передать городъ въ руки Ханенка. Интрига эта не удается благодаря геройству жены Коваленка. Пьеса написана серьёзно, и въ ней довольно вѣрно переданъ духъ эпохи Руины съ ея деморализаціей высшихъ классовъ малорусскаго общества и чудовищнымъ развитіемъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ.

Наконецъ, намъ остается еще разсмотрѣть послѣднюю пьесу сборника—драму «Арсенъ Яворенко». Драма эта въ идейномъ и художественномъ отношеніи является лучшею пьесою сборника, хотя и

она страдаетъ обычными недостатками пьесъ г. Гринченка: тенденціозностью, раздѣленіемъ дѣйствующихъ лицъ на безусловно добродѣтельныхъ и безусловно порочныхъ, сценическими эффектами. Арсенъ Яворенко—это украинскій докторъ Штокманъ. Подобно Ибсеновскому герою, Яворенко. молодой ученый агрономъ, является пропагаторомъ новыхъ идей; въ данномъ случаѣ онъ стремится поднять благосостояніе крестьянъ своего села путемъ ирригаціонныхъ работъ на ихъ земляхъ. Но крестьяне не понимаютъ его и не довѣряютъ, на томъ основаніи, что врядъ ли «панъ» искренне и безкорыстно желаетъ имъ помочь, а скорѣе онъ имѣетъ въ виду собственную пользу: только на горькомъ опытѣ убѣдившись въ правильности совѣтовъ Яворенка, крестьяне обращаются къ нему. Положеніе Яворенка тѣмъ болѣе тягостно, что ему приходится переживать тяжкую семейную драму, именно быть покинутымъ любимой женой, совсѣмъ не понимающей и не раздѣляющей его убѣжденій относительно работы на пользу «мужиковъ». Однако Яворенко выходитъ побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій и благо общественное ставитъ выше семейнаго счастія и собственнаго благополучія.

Какъ бы то ни было, пьесы г. Гринченка, несмотря на отмѣченные недостатки, представляютъ цѣнное пріобрѣтеніе для нашего театра, репертуаръ котораго такъ бѣденъ серьёзными и идейными пьесами. По нашему мнѣнію, пьесы г. Гринченка были бы весьма пригодны для постановки на сценахъ народныхъ театровъ, такъ какъ замѣтный въ нихъ дидактическій элементъ, не удовлетворяя вкусамъ болѣе интеллигентныхъ зрителей, можетъ сослужить большую пользу для простой сельской публики, тѣмъ болѣе, что, какъ отмѣтилъ это самъ г. Гринченко [1]), на народъ производятъ большее впечатлѣніе и нравятся типы болѣе, положительные, чѣмъ отрицательные.

Д. Д.

---

[1]) См. его статью „Народные спектакли“ въ „Черниговскомъ Земскомъ Сборникѣ“ за янв. и февр. 1900 г. и отдѣльной брошюрой.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца *Книга шестнадцатая, выпускъ IV. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1902 г.*

Раньше «Чтенія» выходили по одной книгѣ въ годъ. Теперь, начиная съ четырнадцатой книги, они выходятъ выпусками. Четырнадцатая книга вышла въ 3, а пятнадцатая въ четырехъ выпускахъ. Шестнадцатая книга также предположена въ четырехъ выпускахъ. Нельзя, конечно, не привѣтствовать подобное нововведеніе. Оно не даетъ возможности залеживаться отпечатанному уже матеріалу въ типографіи и дѣлаетъ его скорѣе доступнымъ лицамъ, интересующимся имъ. Изданіе книгъ „Чтеній" выпусками предполагаетъ выходъ послѣднихъ въ опредѣленные сроки. Къ сожалѣнію этого, очевидно, нельзя было выполнить при изданіи шестнадцатой книги. До сихъ поръ вышелъ въ свѣтъ только послѣдній—четвертый выпускъ ея. „Первые три выпуска настоящей книги, составляющіе „Гоголевскій сборникъ", гласитъ объявленіе, въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ". Должно быть, кропотливая работа, невольно связанная съ изданіемъ подобнаго рода юбилейныхъ сборниковъ, задерживаетъ и до сихъ поръ выходъ въ свѣтъ „Гоголевскаго сборника", который будетъ очень интереснымъ, по содержанію, если судить по заголовкамъ статей, въ немъ помѣщенныхъ.

Въ четвертомъ выпускѣ XVI т. окончена печатаніемъ статья *проф. Н. П. Дашкевича „Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи"*. Очень интересная по содержанію, статья эта обставлена громаднымъ научнымъ аппаратомъ, какъ обыкновенно умѣетъ обставлять свои статьи Н. П. Дашкевичъ. Написана она живо, порой увлекательно и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Задачей статьи Н. П. Дашкевича является выясненіе того, какъ проникали рыцарскіе идеи и идеалы въ русскія земли? Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ, такой: „рыцарскіе идеи и идеалы проникали въ Русь не въ такой слабой степени какъ можно было бы думать безъ ближайшаго разсмотрѣнія, притомъ вторгались къ намъ дважды, т. е. въ два различные періода русской исторіи, отдѣленные одинъ отъ другаго цѣлымъ вѣкомъ, именно въ столѣтіи XII и первой половинѣ XIII-го и вторично—съ конца XIV-го вѣка вплоть до XVII-го включительно.

Въ первый періодъ западное рыцарство передавало намъ не только свою внѣшность, но и свой кодексъ морали и даже нѣкоторыя изъ созданій своей поэзіи... Въ годы до татарскаго нашествія мы воспринимали лучшія черты западной рыцарственности безъ ея крайностей... Въ свѣтской поэзіи мы получили, повидимому, не мало заманчивыхъ принадлежностей западной романтики, и „Слово о полку Игоревѣ“ можетъ быть признано отчасти и лучшимъ примѣромъ западнаго вліянія: это была какъ бы наша «Пѣснь о Роландѣ» но пѣснь болѣе живописная и поэтическая...

Во второй періодъ проникновенія къ намъ воздѣйствіе рыцарскихъ идей и идеаловъ сказывалось лишь въ Западной Руси.. Съ XVI-го вѣка рыцарскій идеалъ въ смыслѣ религіознаго воодушевленія и служенія защитѣ угнетенныхъ сталъ достояніемъ южно-русскаго козачества и, такимъ образомъ, пересталъ быть сословною принадлежностью, перешелъ въ массу южно-русскаго народа и пріобрѣлъ вполнѣ демократическій отпечатокъ... Запорожская Сѣчь была построена на началахъ внѣсословности и даже внѣнаціонализма. Въ украинской массѣ выработался своеобразный идеалъ «лыцаря», доселѣ памятный народу, какъ живетъ доселѣ въ южно-русской словесности и самое слово «лыцарь»[1]).

Живо написанное и обставленное солиднымъ фактическимъ матеріаломъ изслѣдованіе *проф. М. Н. Ясинскаго „Счисленіе суточнаго времени въ Западной Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII в.в.“* устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ Литвѣ и Польшѣ счетъ суточныхъ часовъ шелъ непрерывно отъ 1 до 24 ч. «Такой способъ счисленія суточныхъ часовъ не былъ извѣстенъ ни грекамъ, ни римлянамъ, ни евреямъ временъ евангельскихъ, ни населенію Вел. Новгорода и Московскаго государства: у всѣхъ перечисленныхъ народовъ велся отдѣльный счетъ для дневныхъ и ночныхъ часовъ». За начало сутокъ въ Литвѣ и Польшѣ принималась полночь или вечеръ. Что касается времени, когда въ Литвѣ стали распространяться механическіе приборы для измѣренія времени, то данныхъ для установленія его нѣтъ; можно думать только, что въ Литвѣ они появились раньше, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ и въ XVI вѣкѣ были уже довольно распространены.

---

[1]) Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. XVI вып. IV стр. 21—22.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, покойный А. М. Лазаревскій помѣстилъ въ настоящемъ выпускѣ очень важные *„гетманскіе универсалы о Кіевскомъ городскомъ хозяйствѣ (1677—1719 г.)"*. Первый изъ нихъ, относящійся къ 1677 г., представляетъ собою охранный листъ, выданный кіевскимъ мѣщанамъ при закупкѣ ими хлѣба въ разныхъ подесенскихъ мѣстахъ черниговскаго и нѣжинскаго полковъ»; 2, 5 и 8 (1698, 17..., 1716)—запрещеніе кіевскимъ козакамъ торговать водкою въ ущербъ кіевскому магистрату; 3-й (1699)—запрещеніе кіевскимъ козакамъ вмѣшиваться въ «права мѣскія ратуша кіевскаго» относительно суда въ «справахъ заграничныхъ людей»; 4-й (1706 г.)—ограждаетъ кіевскихъ мѣщанъ отъ обидъ при отправленіи подводной повинности; 6-й (1712 г.) говоритъ о размѣрѣ пошлины (индукты и электы) при заграничной и внутренней торговлѣ кіевлянъ; 7-й (1714) о сборахъ въ пользу города за торговлю въ Кіевѣ заграничными винами; 9-й (1718)—о разрѣшеніи кіевлянамъ пользоваться строевымъ деревомъ изъ окрестныхъ лѣсовъ, при возобновленіи послѣ пожара своихъ построекъ; 10-й (1719 г.)—о порядкѣ торговли въ Кіевѣ привозными водкою и винами и, наконецъ 11-й (1719 г.)—о правѣ прежнихъ собственниковъ городскихъ лавокъ (въ Кіевѣ) возобновлять ихъ послѣ пожара на прежнихъ мѣстахъ.

Напечатанное В. А. Чаговцемъ *„Свидѣтельство стародавнихъ людей"* даетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ къ исторіи малорусскаго землевладѣлія. Свѣдѣнія относятся къ селамъ Выхвастову, Буровкѣ, Дроздовицѣ, слободѣ Невклѣ, Ловинь, Александровкѣ и селу Полу-боткамъ.

Письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь (1859—1863 г.) сообщены также В. А. Чаговцемъ. Они, конечно, интересны уже потому, что писаны Кулишемъ; кромѣ того они содержатъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ фактовъ какъ изъ литературной дѣятельности Кулиша (напр., исправленіе имъ проповѣдей протоіерея Гречулевича ко 2-му изданію), такъ и вообще для характеристики того времени, когда письма написаны. Всѣхъ ихъ 17, включая и маленькія записочки. Изъ нихъ мы цѣликомъ приведемъ одно письмо, въ которомъ П. А. Кулишъ сообщалъ М. И. Гоголь *о смерти и похоронахъ Т. Г. Шевченка*. Письмо писано 9 марта 1861 года.

«Почтеннѣйшій другъ мой Марія Ивановна! Вѣроятно, и до Васъ дошелъ слухъ о смерти поэта Шевченка. Петербургское общество

выразило полное къ нему сочувствіе. Церковь не могла вмѣстить всѣхъ посѣтителей. Сошлись къ нему на похороны люди разныхъ націй и званій, потому что въ Шевченкѣ публика видѣла поэтическаго дѣятеля народной свободы. Такъ какъ я зналъ, что Шевченка будутъ хоронить не одни украинцы, то и не приготовилъ надгробнаго слова, которое должно было быть на языкѣ украинскомъ; но въ церкви я узналъ, что многіе приготовили украинскіе рѣчи и стихи, а меня начали просить, чтобы я сказалъ что-нибудь... Тогда я обдумалъ небольшую рѣчь и первый говорилъ надъ гробомъ Шевченка [1]). Вы удивитесь, когда я скажу, что великорусскіе посѣтители остались еще больше довольны моимъ словомъ, чѣмъ украинцы. Они никакъ не воображали, чтобъ украинскій языкъ могъ выражаться съ такимъ достоинствомъ о предметахъ высокихъ. Тутъ стояли враги мои Панаевъ и Некрасовъ, но и тѣ очень хвалили мою рѣчь общимъ нашимъ знакомымъ. Многіе плакали, а при выходѣ изъ церкви люди, мало знакомые со мной, тѣснились ко мнѣ, чтобы пожать мнѣ руку и поблагодарить. Дѣло въ томъ, что я взялъ темою свободу мысли и идею народности и высказался такъ рѣшительно, какъ въ небольшомъ кружкѣ близкихъ людей. Моя рѣчь будетъ напечатана, а если не позволятъ, то она есть въ Полтавѣ: я послалъ Пильчикову для прочтенія братіи. За мною говорилъ Бѣлозерскій и за нимъ Костомаровъ—лица, пострадавшія съ Шевченкомъ за благородство убѣжденій. Это было поразительно. Послѣ того говорилъ одинъ полякъ отъ имени Польской націи, которая посредствомъ высшихъ умовъ ищетъ съ нами примиренія, воздавая должную дань уваженія нашему поэту. Потомъ читались стихи на украинскомъ языкѣ. Остальныя рѣчи на украинскомъ и русскомъ языкѣ говорились на кладбищѣ. Студенты несли гробъ Шевченка, который, противъ обычая столичнаго, былъ открытъ. Крышку несли особо. Поэтъ былъ буквально укрытъ лавровыми вѣнками. И теперь еще его могила безпрестанно укрывается свѣжими цвѣтами. Кіевляне просятъ перевезти его прахъ въ Украину, принимая на себя всѣ издержки; а здѣсь тоже собрано болѣе тысячи р. ср. для той же цѣли. Если только правительство не воспрепятствуетъ, то перенесеніе праха Шевченкова будетъ тріумфальнымъ

---

[1]) Отрывокъ изъ этой рѣчи приведенъ въ біографическомъ очеркѣ г. Шенрока.

шествіемъ черезъ города и села украинскіе. Это должно совершиться во исполненіе его завѣта, написаннаго еще въ 1846 году:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі
Середъ степу широкого,
На Вкраіні милій,—
Щобъ лани широкополі,
И Дніпро, и кручи
Були видні, було чути,
Якъ реве ревучій и пр. и пр. [1]).

Въ заключеніе нашего обзора 4-го выпуска шестнадцатой книги Чтеній отмѣтимъ еще двѣ чрезвычайно важныя замѣтки академика А. И. Соболевскаго, помѣщенныя въ отдѣлѣ «Библіографическія рѣдкости». Одна изъ нихъ касается лубочныхъ изданій кіево-печерской лавры 17 и начала 18-го вѣка, религіознаго содержанія, которыя имѣли хорошій сбытъ въ Великороссіи. Подлинники этихъ изданій не сохранились, но за то сохранились рукописи, списанныя, очевидно, съ этихъ изданій. Академикъ А. И. Соболевскій указываетъ теперь, что одно изъ изданій кіево-печерской лавры отъ 1683 года сохранилось въ Ростовскомъ музеѣ.

Въ другой своей замѣткѣ, озаглавленной „Мало извѣстное сочиненіе І. Галятовскаго, А. И. Соболевскій отмѣчаетъ, что брошюра Галятовскаго „Rycerz prawoslavnokatolickiej cerkwi“, упоминаемая проф. И. Ф. Сумцовымъ въ монографіи его объ Іоанникіи Галятовскомъ. но ему неизвѣстная, сохранилась въ прекрасномъ экземплярѣ въ Московской типографской библіотекѣ подъ № 4220—1. Академикъ А. И. Соболевскій сообщаетъ полностью длинное заглавіе этой книги.

Изъ сдѣланнаго нами перечня можно видѣть, какимъ богатствомъ и цѣнностью матеріаловъ отмѣчается четвертый выпускъ XVI книги «Чтеній». Въ этомъ, конечно, несомнѣнная заслуга ея редактора.

Н. В.

---

[1]) Чтенія кн. XVI вып. IV стр. 110—111.

Очаковъ. Краткій историческій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ у стѣнъ Очаковской твердыни, по случаю спуска въ Высочайшемъ присутствіи, крейсера 1-го ранга „Очаковъ" при Лазаревскомъ Адмиралтействѣ Севастопольскаго порта 21-го сентября 1902 года. *Составилъ по порученію начальства лейтенантъ П. И. Бѣловетцъ. Издано при содѣйствіи Севастопольскаго порта. Севастополь, 1902.*

Вслѣдъ за широковѣщательнымъ заглавіемъ слѣдуетъ сжатое предисловіе, въ которомъ сообщаются слишкомъ уже краткія свѣдѣнія о новомъ крейсерѣ, а за симъ идетъ историческій очеркъ «военныхъ дѣйствій русскихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ у стѣнъ Очаковской твердыни». Самъ авторъ называетъ его «краткимъ», но онъ несоразмѣрно кратокъ только для X—XVII вв. и достаточно подробенъ для XVIII и XIX вв. Краткость изложенія военныхъ дѣйствій перваго періода авторъ часто объясняетъ тѣмъ, что у него или „нѣтъ возможности," или „нѣтъ мѣста" (?) сообщать подробности. Говоря о военныхъ дѣйствіяхъ „у стѣнъ Очаковской твердыни", авторъ лишь упоминаетъ о дѣйствіяхъ запорожцевъ—«этой воинственной христіанской республики, безшабашной вольницы», оправдываясь страннымъ мотивомъ, что онъ не можетъ подробно «указывать эти походы (козацкіе) *за неимѣніемъ мѣста*». Нѣсколько страннымъ кажется намъ взглядъ автора на запорожцевъ, какъ на „безшабашную вольницу", когда значеніе Запорожья и цѣлесообразность козацкой борьбы съ Крымомъ вполнѣ установлена исторіей. Все вниманіе автора обращено на военныя дѣйствія въ XVIII и XIX вв.; имъ подробно изложено въ 4-хъ главахъ взятіе Очакова русскими въ 1737 году, первая турецкая война въ 1769—1774 гг., вторая турецкая война въ 1787—1791 гг. и нападеніе союзниковъ на Очаковъ и Кинбурнъ въ Крымскую кампанію 1853—1855 гг. Очеркъ написанъ живо, читается съ интересомъ; внѣшность изданія изящна. Кромѣ портретовъ царственныхъ лицъ, къ очерку приложены также портреты историческихъ дѣятелей и снимки съ картинъ, изображающихъ военныя дѣйствія, а равно множество военныхъ плановъ. Эти многочисленныя приложенія, нерѣдко заключающія матеріалъ для исторической топографіи мѣстности, придаютъ извѣстную научную цѣнность самой книгѣ, несмотря на ея фактическую неполноту относительно событій, предшествовавшихъ XVIII ст.

И. К.

Необходимое объясненіе по поводу рецензіи г Гринченка. *(См. Кіев. Стар. 1903 г. № 1-й).*

Въ видахъ возстановленія истины, я считаю необходимымъ сдѣлать нижеслѣдующее объясненіе по поводу напечатанной въ январьской книжкѣ „Кіев. Стар.“ рецензіи г. Б. Гринченка моихъ брошюръ по народной технической терминологіи.

Въ статьѣ „Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи“. я (см. стр. 4) обращалъ прежде всего вниманіе на то, что „самое наименованіе промысловъ, какъ равно техническіе термины не имѣютъ ничего общаго съ литературными названіями“—и въ доказательство привелъ цѣлый рядъ техническихъ наименованій *туземныхъ* и *литературныхъ*. Не я виноватъ, что оставивъ это безъ должнаго вниманія, г. рецензентъ усмотрѣлъ далѣе—на стр. 6—въ приведенныхъ имъ примѣрахъ—мое изложеніе „довольно сбивчивымъ и неяснымъ“. Рѣшительно не могу уразумѣть—какимъ это образомъ у г. рецензента „выходитъ, какъ будто въ украинской терминологіи нѣтъ или почти нѣтъ ничего украинскаго“, когда я именно послѣднюю противопоставляю отечественной или литературной (стр. 4), и говорю далѣе „вполнѣ аналогична терминологія и по всѣмъ другимъ промысламъ...; между тѣмъ огромное число неграмотныхъ кустарей въ городахъ и селеніяхъ Полтавщины сжились въ продолженіе вѣковъ и въ преемствѣ ряда поколѣній съ терминологіей и техническими пріемами и способами предковъ и другой терминологіи не вѣдали и не вѣдаютъ“ [1]).

За симъ въ § 2 инструкціи я предложилъ приступающему къ собиранію матеріаловъ—„*сперва подробно осмотрѣть* полный наборъ всѣхъ инструментовъ и друг. приспособленій, а также *прослѣдить на дѣлѣ всѣ операціи* кустаря, съ помощію которыхъ постепенно превращался сырой матеріалъ въ готовое издѣліе въ окончательно отдѣланномъ видѣ“, но все это г. рецензентъ проглядѣлъ или оставилъ безъ вниманія. Правда, я не указалъ на то, что „при описаніи необходимы (по замѣчанію г. рецензента) рисунки, чертежи (хоть грубые)“ зная по непосредственному опыту во многихъ случаяхъ не-

[1]) Да, это сказано на с. 4, но то, что говоритъ авторъ на стр. 6 и что приведено въ моей рецензіи, противорѣчитъ этому, да и въ самомъ себѣ заключаетъ нѣсколько противорѣчій, которыя я и указалъ. Б. Г.

сподручность подобной работы, да и не считаю это существенно необходимымъ для „толковаго“ словаря, тогда какъ безъ рисунковъ и чертежей немыслимъ спеціально техническій словарь, о которомъ я не помышлялъ [1]).

Что касается самого словаря, то раздѣливъ его на три отдѣла, я ясно сознавалъ, что „безспорно, принятая на этотъ разъ классификація кустарно-промышленной терминологіи, въ видѣ первоначальнаго опыта систематической разработки толковаго словаря, не можетъ удовлетворить *строгихъ научныхъ* требованій». Понималъ я хорошо также и то, что „собранныя во время экспедицій, попутно народныя поговорки и изреченія, конечно, *не относятся къ технической терминологіи...*“ и т. д. [2]) (предисл. 6) но едва-ли это давало г. рецензенту право выразить, что „съ такимъ же точно основаніемъ можно было бы включить въ словарь и весь сборникъ, напр. Номиса“. Вѣдь по поводу собранныхъ мною поговорокъ и изреченій, я объяснилъ (стр. 71), что „на этотъ разъ сдѣлана попытка группировки матеріала по главнѣйшимъ предметамъ—въ видѣ характеристикъ быта земледѣльцевъ, нѣкоторыхъ кустарей и ремесленниковъ“, въ томъ числѣ введена рубрика „характеристика отдѣльныхъ лицъ“ (стр. 73).

Наконецъ, если обратить вниманіе на сдѣланное мною (стр. 4) объясненіе различія между кустаремъ и ремесленникомъ; если принять въ соображеніе, что могъ быть собранъ матеріалъ по терминологіи только 25 промысловъ, и что „громадное большинство сельскихъ занятій и промысловъ, не имѣющихъ *кустарнопромышленнаго* характера остается до настоящаго времени безъ систематическаго обслѣдованія“,—то станетъ понятнымъ включеніе въ „особое прибавленіе“ (стр. 55—56) терминологіи случайно или попутно собранной по нѣ-

---

[1]) Въ рецензіи говорится ясно, что для неопытнаго собирателя матеріала указанія г. В недостаточны. Стоитъ просмотрѣть хотя бы рядъ томовъ „Материялів до україньско-р. етнологіи“, чтобы не согласиться съ авторомъ и относительно несущественности рисунковъ въ матеріалахъ для техническаго словаря. Б. Г.

[2]) Но въ такомъ случаѣ ихъ и слѣдовало издать отдѣльно и не разбивать на рубрики *по промысламъ* рядъ общеупотребительнѣйшихъ выраженій и пословицъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ къ промысламъ даже и отдаленнаго отношенія (стр. 72 и слѣд.), а тѣмъ болѣе не включать въ первые два отдѣла такихъ, напр., словъ какъ *холодокъ* (тѣнистое мѣсто)—въ терминологіи *сапожничества*! (стр. 24). Б. Г.

которымъ промысламъ. Терминологія же, по указаннымъ г. рецензентомъ промысламъ, оказывается не „разорванною на двѣ части“ потому, что съ моей точки зрѣнія установлено различіе между кустарными промыслами и сельскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего и матеріалъ разгруппированъ такъ, а не иначе по отдѣламъ[1]).

Скажу въ заключеніе, что алфавитнаго указателя я не успѣлъ составить при отсылкѣ рукописи для напечатанія въ трудахъ Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда.

Настоящимъ объясненіемъ считаю вопросъ исчерпаннымъ окончательно.

В. Василенко.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Разсмотрѣны для этой книжки слѣдующіе журналы конца 1902 года и начала 1903 года: 1) Русскій Архивъ, 1903 года № 1; 2) Русская Старина, 1903 г. № 1; 3) Историч. Вѣстникъ, 1902 г. № 12 и 1903 г. № 1; 4) Вѣстн. Европы, 1903 г. № 1; 5) Русская Мысль, 1902 г. № 12; 6) Міръ Божій, 1903 г. № 1; 7) Русскій Вѣстникъ, 1903 г. № 1; 8) Научное обозрѣніе, 1902 г. № 12; 9) Русская Школа, 1902 г. № 12; 10) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1902 г. № 12; 11) Варшав. Университет. Извѣст. 1902 г. № 6, 7 и 8; 12) Земскій Сборн. Черниговской губ. № 12; 13) Літерат.-Науковий Вістн. 1903 г. № 1; 14) Wisła, 1903 г. № 1.

Историческій Вѣстникъ, 1902 г. № 12.

Г. Градовскій.—«Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ» (стр. 933—940). Здѣсь передано три эпизода встрѣчъ автора съ Императ. Александромъ 2-мъ. Первая встрѣча—въ Харьковѣ въ 1859 г., когда авторъ былъ еще студентомъ и былъ свидѣтелемъ посѣщенія импер. Александромъ 2-мъ этого города и между прочимъ университета. Второй эпизодъ, наиболѣе интересный, относится къ 1868 году, когда им-

---

[1]) Но вѣдь это различіе *экономическаго* характера и достаточно взглянуть на указанные мною (стр. 27 рецензіи) отдѣлы, чтобы увидѣть, что нѣтъ никакой надобности и неудобно сохранять его въ *филологической* работѣ; впрочемъ, это и безъ того ясно. Б. Г.

ператоръ посѣтилъ въ Петербургѣ больного А. П. Безака, кіевскаго генералъ-губернатора, при которомъ, въ качествѣ чиновника, состоялъ г. Градовскій. Третій случай встрѣчи—у граф. А. Д. Блудовой въ Петербургѣ въ 1873 г.

1903 г. № 1.

Г. К. Градовскій—«Полвѣка назадъ» (Отрывокъ изъ воспоминаній) (стр. 103—117).

Здѣсь находимъ нѣсколько очень блѣдныхъ картинокъ изъ жизни Харькова въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, т. е. въ тѣ годы, когда авторъ воспоминаній учился въ харьковской гимназіи.

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографія»* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Малороссіи: 1) *В. И. Ясевичъ-Бородаевская.* Сектантство въ Кіевской губерніи: баптисты и малеванцы. Спб. 1902 г. (стр. 319—322); 2) *Гоголь на родинѣ.* Альбомъ художественныхъ фототипій и геліогравюръ. І. Хмѣлевскаго. Полтава 1902 г. (стр. 343).

Помѣщенъ краткій некрологъ *П. А. Грабовскаго,* о которомъ статью мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ (стр. 404).

Вѣстникъ Европы, 1903 г. № 1.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.—«Моя жизнь и академическая дѣятельность 1832—1884 г. г. Воспоминанія и замѣтки» гл. I—III (стр. 138—197). Въ первыхъ трехъ главахъ этихъ воспоминаній, принадлежащихъ перу заслуженнаго профессора Кіевскаго университета А. В. Романовича-Славатинскаго, читатель съ удовольствіемъ прочтетъ живо изображаемые моменты изъ жизни дѣтства и гимназическихъ лѣтъ ученія автора. Всѣ эти моменты связываются съ мѣстами и лицами, принадлежащими нашей Малороссіи: сначала характеризуется помѣщичій кругъ переяславскаго и лохвицкаго уѣздовъ; затѣмъ, въ періодъ дѣтскаго ученія въ Кіевѣ въ 1843 и 1844 г. г., даются коротенькія замѣтки объ университетской средѣ, съ которой авторъ воспоминаній былъ немного знакомъ, живя въ зданіи университета во время приготовленія къ гимназическому ученію; наконецъ, особенно любопытными являются воспоминанія изъ періода ученія въ Нѣжинѣ, до самого окончанія гимназическаго курса.

Русская Мысль, 1902 г. № 12.

Въ статьѣ *«Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ»* напечатана записка Т. Г. Шевченка при посылкѣ экз. Кобзаря для передачи А. И. Герцену (стр. 165). См. объ этой запискѣ въ отдѣлѣ «Документы, извѣстія и замѣтки».

Въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщенъ маленькій отзывъ о книгѣ *А. Крымського* «Пальмове гылля». Звеныгородка 1902 р. (стр. 421).

Міръ Божій, № 1.

Въ отдѣлѣ *библіографическомъ* помѣщенъ отзывъ *М. Славинскаго* о книгѣ Т. Г. Шевченко. Переводъ С. П. Дремцова, Вып. 1-ый. Вятка, 1902 г. Цѣна 45 к.» (стр. 59—61).

Научное Обозрѣніе, декабрь.

Ив. Стешенко.—«Новѣйшая украинская поэзія». Стр. 36—55.

Работа г. Стешенка представляетъ собой попытку освѣтить и объяснить развитіе новѣйшей украинской поэзіи, отмѣтить ея характерныя черты и особенности,—попытку, нужно сказать, автору совершенно не удавшуюся. Поражаетъ читателя какой-то странный масштабъ, съ которымъ авторъ подходитъ къ оцѣнкѣ украинскихъ писателей. Такъ, напр., оказывается, что „продолжая дѣло предшественниковъ (Котляревскаго и А.-Гулака), Шевченко, *понятно (?), не создалъ ничего новаго и оригинальнаго* (курсивъ вездѣ нашъ), что дало бы основаніе думать о постоянной жизни и способности къ развитію украинской поэзіи“ (стр. 41), между тѣмъ какъ г. Старицкій „сказалъ новое слово въ поэзіи въ отношеніи своихъ предшественниковъ“ (стр. 48). Точно также, упомянувъ лишь о Щоголевѣ, Кулишѣ, Конисскомъ и Руданскомъ и ни словомъ не обмолвившись, напр., о г. Гринченкѣ, г. Стешенко отводитъ почетное мѣсто—г-жамъ Старицкой и Романовой. Впрочемъ о первой изъ названныхъ писательницъ самъ г. Стешенко, открывши даже „ея (!) школу“ среди современныхъ украинскихъ поэтовъ, принужденъ сознаться, что „окончательно опредѣлить ея направленіе довольно трудно“, такъ какъ она „пишетъ слишкомъ мало“ (стр. 52). „Тяжелая рука“ Шевченка оказывается повинной въ томъ, что „почти всѣ виднѣйшіе его преемники-поэты допускаютъ неуклюжесть освястихащенную (,!) ихъ великимъ учителемъ“—это утвержде-

ніе читатель найдетъ на стр. 45 работы г. Стешенка. Не обошлось также безъ странныхъ и для читателя непонятныхъ противорѣчій, взаимно другъ друга уничтожающихъ. Такъ напр., говоря о поэзіи Шевченка, г. Стешенко на стр. 44 замѣчаетъ: „какъ бы близко ни подошла она (поэзія Шевченка) къ западной поэзіи, за ней все-таки числился одинъ дефектъ,—именно отсутствіе обращенія къ интеллигенціи и малое развитіе субъективной лирики", а *буквально черезъ пять строчекъ* Шевченко уже является „яркимъ представителемъ" той самой субъективно-интеллигентной, по выраженію г. Стешенка, лирики, отсутствіе или малое развитіе которой было ему поставлено въ дефектъ.

Русская школа, декабрь.

Калишевичъ Н.—«Среднее и начальное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ» (окончаніе). Стр. 96—119.

На основаніи данныхъ изъ отчетовъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, статья г. Калишевича даетъ очеркъ положенія школьнаго дѣла въ названномъ округѣ.

Бѣлоконскій И. П.—«Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1902 г.» (окончаніе). Стр. 173—179.

Въ отдѣлѣ библіографіи данъ отзывъ объ извѣстной книгѣ проф. Мандельштама „О характерѣ гоголевскаго стиля".

Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VII.

Проф. Филевичъ И. П.—«Изъ исторіи Карпатской Руси» (продолженіе). Стр. 1—32.

Въ настоящей части своего изслѣдованія авторъ излагаетъ событія 1848 года, удѣляя больше вниманія внѣшнимъ проявленіямъ политическаго положенія, чѣмъ внутренней жизни народа. Что касается русиновъ, то авторъ продолжаетъ упорно именовать и считать ихъ „русскими", несмотря на то, что этому противорѣчатъ приводимые имъ же самимъ факты.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, декабрь.

Въ приложеніи продолжается печатаніе „Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Черниговскаго полка", подъ редакціей Н. П. Василенка.

Літературно науковий Вістник, січень.

Зміст: Із поезий *Лесі Украінки.*—*О. Кобилянська*—Через море (нарис).—*Ів. Франко*—Лісова ідилля (поема).—*М. Старицький*—Заклятий скарб (подільська легенда).—Дрібні малюнки: В лісі, *Е. Ярошиньскоі*, Береза, *Я. Жарка*; В читальні, *Н. Николаєва*; Остап Мельниченко, *М. Корчинського*; На кладовищі, *О. Д-ка.*—*Вол. Короленко*—Оповідане про Фльора-Римлянина і про Агріппу-царя.—Із поезий Гете, переклад *Куліша.*—Оліва Шрайнеръ—мріі і сни, переклад *Насті Грінченко.*

Де-що про Закопане, *Вол. Шухевича*—Данська література по р. 1870, *Ю. Брандеса.*—Де-що про бандуристів та лірників, *Г. Хоткевича.*—Наукові листки.—Хроніка і бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 журнала «Молода Україна» помѣщена статья С. Людкевича *«Про композиции до поезіи Шевченка»*. Авторъ отмѣчаетъ трудность переложенія на музыку стихотвореній Шевченка, которая объясняется особымъ характеромъ послѣднихъ: указываетъ на неудачныя музыкальныя произведенія на слова Шевченка галицкихъ композиторовъ пр., Воробкевича и о. Кишакевича, признавая единственнымъ въ этой области талантливымъ композиторомъ Н. В. Лисенка, хотя и въ его «Хустыни» замѣтна неорганичность композиціи. Вообще же, авторъ не совѣтуетъ браться за произведенія Шевченка композиторамъ безъ высшаго музыкальнаго образованія и глубокаго знанія украинской народной поэзіи.

По поводу истекшаго 9 января столѣтія со дня смерти послѣдняго украинскаго гетмана—гр. Кирилла Разумовскаго «Кіевская Газета» (№ 9) помѣстила его портретъ и статью г. Лащенка: «Къ столѣтію со дня смерти послѣдняго украинскаго гетмана—графа Кирилла Разумовскаго». Въ своей статьѣ г. Лащенко излагаетъ причины, приведшія къ уничтоженію гетманщины и біографію послѣдняго гетмана, а также даетъ сжатую, но достаточно опредѣленную характеристику его личности. Подобныя же замѣтки появились въ

«С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 8) и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" (№ 18, статья г. П. Быкова).

Въ № 20 «Кіевской Газеты» помѣщена замѣтка г. Мировця по поводу статьи объ украинской литературѣ въ англійскомъ журналѣ «The Athenaeum» („Англичанинъ объ украинскомъ изданіи"). Передавъ содержаніе статьи англійскаго журнала, г. Мировець особенно подчеркиваетъ то обстоятество, что *англійскій* журналъ, *англійскіе* слависты интересуются украинской литературой и относятся къ ней благожелательно и безпристрастно, тогда какъ многіе изъ органовъ *русской* прессы и нѣкоторые изъ *русскихъ* славистовъ „къ украинству и украинской литературѣ относятся или съ враждою, или съ холоднымъ презрѣніемъ и плохо скрываемымъ пренебреженіемъ, или—наичаще—съ полнымъ равнодушіемъ... и если бы могли, то съ удовольствіемъ уничтожили бы и ненавистный имъ украинскій языкъ, и возмущающую ихъ украинскую литературу". „Не странно ли это?"—такимъ вполнѣ понятнымъ вопросомъ заканчиваетъ свою замѣтку г. Мировець.

Въ № 358 „Кіевской Газеты" помѣщена интересная замѣтка г. Мировця—«Къ вопросу о мѣстномъ элементѣ въ народномъ образованіи». Изложивъ содержаніе уже извѣстнаго нашимъ читателямъ доклада г. Немоловскаго въ хотинскомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйств. промышленности, г. Мировець такъ заканчиваетъ свою замѣтку: «Намъ кажется, что не далеко ужъ то время, когда на вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ народной школѣ будутъ смотрѣть, какъ на вопросъ исключительно школьный и отнюдь не политическій. Тогда исчезнетъ боязнь всякаго рода «измовъ» и «фильствъ», тогда прекратятся излишнія подозрѣнія въ отношеніи къ многимъ самоотверженнымъ дѣятелямъ на нивѣ народнаго просвѣщенія,—и народное образованіе пойдетъ болѣе вѣрными, смѣлыми и быстрыми шагами... Мы твердо вѣримъ, что не далеко ужъ то время: gutta cavet lapidem non vi, sed saepe cadendo»...

„Slovanský Prehled" въ 3 выпускѣ за декабрь помѣстилъ статью В. Гнатюка „Украинскій языкъ и русская цензура" и нѣсколько не-

большихъ замѣтокъ, касающихся украинской общественной жизни и литературы.

Въ № 304 газеты „Вѣстникъ Юга“ г-номъ Ков.-Кол. помѣщенъ фельетонъ „Изъ новостей малорусской литературы“, содержащій обзоръ послѣднихъ книжекъ „Кіевской Старины“ за прошлый годъ. Авторъ фельетона останавливается на украинскихъ произведеніяхъ г.г. Яновской, Винниченка и Чернявскаго, а также и на статьѣ С. Ефремова „Въ поискахъ новой красоты“.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ (№ 20) помѣщенъ отзывъ о вышедшей недавно книгѣ „Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського“. О той же книгѣ даны отзывы въ № 391 „Кіевскаго Слова“ и „Волыни“ № 7.

Въ № 10 „Волыни“ данъ сочувственный отзывъ о книгѣ Андрея Конощенка „Украиньски писни зъ нотамы. Друга сотня“. Въ № 8 той же газеты помѣщена рецензія на сборникъ стихотвореній И. Федорченка „Въ чаду мрій“; рецензію на послѣднюю книжку находимъ также въ III выпускѣ харьковскаго журнала „Мирный Трудъ“.

Въ № 4 „Приложеній къ Вятскимъ губ. Вѣдомостямъ помѣщенъ сочувственный отзывъ о переводахъ изъ „Кобзаря“ С. П. Дремцова.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“; № 22 напечатанъ переводъ съ малорусскаго разсказа Павла Смутка „Марійка“; малорусскій оригиналъ помѣщенъ въ изданіи „Литературный збирныкъ“, посвященное памяти А. Конисскаго, Кіевъ 1903 г.

Въ №-рахъ 18 и 19 газеты „Волынь“ помѣщена обстоятельная характеристика литературной дѣятельности покойнаго. П. А. Грабовскаго („Памяти П. А. Грабовскаго“), принадлежащая г-ну Мировцю.

Некрологи П. А. Грабовскаго помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Сибирскій Листокъ“ (№ 96 за 1902 г.), „Югъ“ (№ 1382), „Кіевское Слово“ (№ 5374), „Волынь“ (№№ 276 и 13) „Харьковскія губ. Вѣдомости“ (№ 335) и «Кіевская Газета» (№ 350).

Въ № 17 газеты „Волынь“ находимъ отзывъ о 1-мъ томѣ „Творивъ Степана Руданського“; въ № 19 той же газеты помѣщена сочувственная рецензія на „Збирныкъ поэзій М. Чернявського—Зори“.

Въ № 1 „Волыни“ за настоящій годъ напечатанъ въ русскомъ переводѣ очеркъ г-жи Кибальчичъ „Отрывки изъ автобіографіи Идеи“. Съ № 20 той же газеты начатъ печатаніемъ переводъ разсказа, принадлежащаго г-ну Гринченко,—„Якъ я вмеръ“.

Разсказъ украинскаго писателя В. Стефаныка „Кленові листки“, переведенъ на польскій языкъ.

Въ № 329 „Харьковскихъ губ. Вѣдомостей“ помѣщена корреспонденція г. Василенка изъ Полтавы—„Бандуристы и лирники“, содержащая отзывъ объ извѣстномъ полтавскомъ концертѣ народныхъ пѣвцовъ.

Въ № 335 «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» за прошлый годъ помѣщена этнографическая замѣтка И. Б—ева «Сочельникъ у валашскихъ хохловъ», содержащая описаніе народнаго празднованія сочельника у украинцевъ, живущихъ среди молдаванъ.

При разборѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти проф. Императорской военно-медицинской академіи Ѳ. И. Пастернацкаго, найдена среди другихъ рукописей и замѣтокъ вполнѣ готовая къ печати рукопись покойнаго, озаглавленная: «Полѣсье въ климатическомъ и санитарно-бытовомъ отношеніи и его обитатели». Конференція академіи, до свѣдѣнія которой было доведено объ этомъ обстоятельствѣ, постановила напечатать этотъ посмертный трудъ покойнаго профессора Ѳ. И. Пастернацкаго въ «Извѣстіяхъ» Императорской военно-медицинской академіи. («Извѣстія по литер. наук. и библіографіи», 1902 г., № 2).

На елкѣ, устроенной 27 декабря въ школѣ станицы Новотиторовской (Кубанской области) особенно сильное впечатлѣніе на присутствующихъ было произведено чтеніемъ украинскихъ стихотвореній, исполненныхъ учениками мѣстной школы. Прочитаны были басни Глѣбова: «Вовкъ та ягня» и «Жаба та вилъ» и стихотвореніе Кулиша «Чумацьки диты». («Кубанск. Обл. Вѣдомости», № 4).

Въ № 1382 газеты «Югъ» помѣщена замѣтка по поводу солдатскихъ спектаклей. Авторъ замѣтки рѣшительно возстаетъ противъ «драматическаго мусора, написаннаго суконнымъ языкомъ, съ кисло-сладкой приторной тенденціей», господствующаго на сценѣ солдатскаго театра и предлагаетъ эти бездарныя произведенія замѣнить болѣе подходящими пьесами. «Мы говоримъ здѣсь,—продолжаетъ авторъ,—о малороссійскихъ одно или двухъ-актныхъ произведеніяхъ, таковы: «По ревизіи», «Кумъ мирошныкъ», «Бувальщина», «Риздвянный вечиръ», «Гласный», «Якъ ковбаса та чарка, то минется й сварка», «Простакъ», «Досвиткы», «Москаль Чаривныкъ», «За двома зайцямы», «Запорожець за Дунаемъ», «Пошылысь у дурни» и т. д. Пьесы эти, написанныя безъ предвзятыхъ тенденцій, выхвачены талантливыми писателями изъ глубины народной жизни—родной и понятной солдату—простолюдину. Пьесы эти художественны, сценичны, не особенно трудны для постановки и доставили-бы солдату громадное эстетическое наслажденіе, минуты неподдѣльнаго веселья».

Въ „Русск. Вѣдомост.“ (№ 21) помѣщена довольно большая статья объ историческомъ музеѣ Черниговскаго земства (бывшемъ В. В. Тарновскаго).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

А. . . а Н.—Козакъ изъ украинской оперы „Катерына“. Спб. Ц. 60 коп.

Богородицкій В. А.—Склоненіе въ аріо-европейской грамматикѣ. Вып. 4. Казань, 1902. Ц. 80 к.

Винниченко В.—Биля машыны. Оповидання. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“. Стор. 24. Кіевъ, 1902.

Голубовскій П. проф.—Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ защиты таборомъ? Москва. 1901. Ц. 25 к.

Гульдманъ В.—Помѣстное землевладѣніе въ Подоліи. Изд. 2-е, дополнен. Стр. 250. Каменецъ-Подольскъ, 1902.

Ефремовъ С.—Въ поискахъ новой красоты. Замѣтки читателя. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Стр. 113. Кіевъ, 1902.

Конисъкый-Перебендя О. Я.—Творы, томъ IV. Стор. 284. Одесса, 1903. Ц. 80 коп.

Косач Л. і Квітка К.—Дитячі гри, пісні й казки з Ковельщини, Лущини та Звегельщини на Волині. Изд. О-ва изслѣдователей Волыни. Стор. 37. Кіевъ, 1903. Ц 25 коп.

Краснянскій В.—Минскій департаментъ Великаго княжества Литовскаго (эпизодъ изъ исторіи войны 1812 г.) Спб. 1902. Ц. 60 к.

Кужеля А.—Коломийка на фортепян. VIII вып. „Видавництва музичного Станиславівського Бояна". Ц. 60 сот.

Лебедевъ Л. С.—Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Харьковъ, 1902. Ц. 2 руб.

Любичъ-Кошуровъ I.—Зеленыя святки. Изъ украинскихъ сказаній (Записано со словъ лирныка). Москва, 1902. Ц. 50 коп.

Морозовъ Ю.—О городищахъ харьковской губерніи. Харьковъ, 1901. Ц. 30 коп.

Рѣдинъ Е. К.—Икона „Недреманное око". 2 вып Харьковъ, 1902. Ц. 65 к.

Его же.—О лицевыхъ Синодикахъ, поступившихъ въ распоряженіе Харьк. предварит. Комитета XII арх. съѣзда. Харьковъ, 1902. Ц. 1 руб.

Его же.—Исторія искусства и русскія художественныя древности. Харьковъ, 1902. Ц. 50 к.

Смирновъ Я. И.—О бронзовомъ водолеѣ зап.-европ. работы, найденномъ въ харьковской губерніи, и другихъ подобныхъ находкахъ въ предѣлахъ Россіи. Харьковъ, 1902. Ц. 1 руб.

Тобилевичъ (Карпенко-Карый) Ив.—Драмы и комедіи, томъ III. Стор. 434. Одесса, 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой Лев.—Крейцерова соната. Вид. Видавничоі Спілки. Стор. 185, in 16⁰. У Львові, 1902. Ц. 1 кор.

Франко Іван.—Захар Беркут, повість з громадянського життя Карпатськоі Руси в XIII в. Вид. Видавничоі Спілки. Стор. 224. У Львові, 1902. Ціна 1-60 кор.

Чераковъ А.—Ѳ. В. Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. Біографическій очеркъ. Москва, 1902. Ц. 60 коп.

Чириковъ Г. Каменныя бабы въ харьковской губерніи. Харьковъ, 1901. Ц. 30 коп.

Як повстала наша земля і який буде ій кінець. Вид. т-ва „Руска Бесіда“, ч. 167. Ціна 15 кор.

Яновська Л.—За высокымъ тыномъ. Оповидання. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“. Стор. 23. Кіевъ, 1902.

Ясинскій М.—Счисленіе суточнаго времени въ Западной Руси и Польшѣ въ XVI—XVII в. Кіевъ, 1902. Ц. 20 к.

тикѣ въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова, и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова»—Большая Владимірская, домъ № 43.

За Редактора *Т. В. Локоть.* Издательница *В. М. Антоновичъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1903 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университескаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универ. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

«*Университетскія Извѣстія*» въ 1903 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ «*Извѣстій*» безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе «*Университетскихъ Извѣстій*» 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается

«Университетскія Извѣстія» высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. О г л о б л и н у въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ*.

Только благодаря тому обстоятельству, что издатель журн. является въ то же время издат. всѣхъ произведеній Вас. Ив. Немировича-Данченко, и можно давать такія цѣнныя приложенія.

5) Настольное роскошно-иллюстрир. изданіе ПОЭМА ГЕТЕ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **12** пѣсенъ до *20 печ. листовъ 160 стр. больш. форм. Полный переводъ (безъ сокращеній) М. Достоевскаго.* съ 36 рисунками художн. *Каульбаха.* Заграничное нѣмецкое изданіе стоило около 30 руб., русское—(А. Ф. Маркса)—12 руб.

МЫ ДАЕМЪ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **БЕЗПЛАТНО.**

Уплатившіе сполна подписную сумму получатъ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **НЕМЕДЛЕННО** (№ 1 журнала).

Подписавшіеся въ разсрочку—по уплатѣ послѣдняго взноса.

Допускается разсрочка: при подпискѣ *2* руб., къ 1 марта *1* руб., къ 1 мая *1* руб. и къ 1 іюля *2* руб. Безъ доставки въ СПБ. пять рублей.

Подписка принимается у издателя П. П. Сойкина СПБ. Стремянная, 12, собст. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1903** ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЫЙ МІРЪ"

Большой иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

въ 1903 г. каждый подписчикъ „Новаго Міра" получитъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія:

24 №№ интереснаго богато-иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «НОВЫЙ МІРЪ» въ форматѣ лучшихъ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.

24 №№ иллюстр. двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической, общественной, литературн. и художеств., п. н. «ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ»—въ форматѣ «Новаго Міра».

24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣт., п. н. «МОЗАИКА», съ хроникою самообразованія и справочнымъ отдѣломъ.

52 №№ еженедѣльн. журнала «ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ», иллюстриров. вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной. общественной и экономической жизни Россіи.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни п. н. «ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ». представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, п. н. «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА», и *ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ 12* изящно переплетенныхъ книгъ «БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ», въ составъ которыхъ войдутъ 6 томовъ сочиненій Д. И. СТАХѢЕВА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ, между прочимъ: 4 большіе романа, 3 большія повѣсти, нѣсколько разсказовъ и другихъ мелкихъ произведеній. 6 томовъ сочиненій С. СМАЙЛЬСА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ слѣдующія произведенія: «Характеръ», «Бережливость», «Самодѣятельность», «Долгъ», «Жизнь и трудъ» и «Вѣчный труженикъ». Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій и премій, гг. подписчики получатъ *безплатно* ДВА ЦѢННЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ, а именно:

1) Графъ Л. Н. Толстой

въ изображеніяхъ живописцевъ, скульпторовъ и граверовъ, русскихъ и иностранныхъ, фотографическихъ портретахъ, снятыхъ въ разныхъ періодахъ его жизни, картинахъ, медаляхъ, рисункахъ, автографахъ, предметахъ, связанныхъ съ его именемъ и пр. и пр., хранящихся въ общественныхъ музеяхъ, библіотекахъ и коллекціяхъ частныхъ собирателей, въ Россіи и за границею, съ приложеніемъ мыслей и изреченій великаго писателя.

2) Русскій Музей Императора Александра III

Роскошное изданіе, содерж. свыше *120 картинъ*, съ описательнымъ текстомъ Н. Корсакова.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на *веленевой* бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями, съ доставкой и пересылкою въ Россіи—*14 р.* Съ пересылкой за границу—*24 р.*

Гг. подписчики, желающіе получить «Новый Міръ» на *слоновой* бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14 р.—*18* руб.; съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—*28* руб.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Гг. подписчики, взамѣнъ сочиненій Д. И. Стахѣева и Самуила Смайльса, могутъ, по желанію, получить на выборъ *одно* изъ слѣдующихъ собраній сочиненій: или а) собраніе сочиненій *И. И. Лажечникова* въ *12* томахъ, или б) собраніе сочиненій *Архіепископа Иннокентія* въ *12* томахъ, или в) собраніе сочиненій *Генриха Гейне* въ *12* томахъ, или-же г) собраніе сочиненій *В. И. Даля* (Казака Луганскаго) въ *10* томахъ. Каждое изъ этихъ собраній будетъ выслано въ изящно *переплетенномъ* видѣ.—Интересующіеся-же сочиненіями *Д. И. Стахѣева* могутъ получить въ 1903 году *все собраніе сочиненій* этого писателя въ *12* изящно *переплетенныхъ* томахъ, при чемъ лишніе шесть томовъ будутъ высланы, взамѣнъ объявленныхъ шести томовъ сочиненій Смайльса.—О ВЫБОРѢ ПРЕМІИ просятъ гг. подписчиковъ заявлять *при самой подпискѣ.*

Подписка на «НОВЫЙ МІРЪ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.

комъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—**„Временникъ живописной Россіи"—является серьезной еженедѣльной газетой,** имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ" ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіи года:
52 №№ ИНТЕРЕСНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА и
52 №№ ВРЕМЕННИКА «ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи **5 р.**, за границу на годъ **8 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА, причемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей, остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Подписная цѣна «Живописной Россіи» совмѣстно съ двухнедѣльнымъ иллюстрированнымъ журналомъ *«Новый Міръ»* на веленевой бумагѣ съ безплатными къ нему приложеніями: 24 №№ *«Мозаики»*, 12 кн. *«Литературныхъ Вечеровъ»*, 24 №№ *«Всемірной Лѣтописи», двѣнадцатью изящно переплетенными* книгами *«Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей»*, въ составъ которыхъ въ 1903 г. входятъ: 6 томовъ сочиненій *Д. И. Стахѣева* и 6 томовъ сочиненій *С. Смайльса,* и двумя роскошными художественными изданіями-альбомами *«Гр. Л. Н. Толстой»* и *«Русскій музей Императора Александра III»*, съ доставкой и перес.: въ Россіи *14* руб., за границу *24* руб.—Желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ (вм. веленевой) уплачиваютъ за всѣ названныя изданія, съ дост. и перес.: въ Россіи, вм. 14 р.—*18* р., за границу вм. 24 р.—*28* р.— Разсрочка платежа допускается отъ 2 р. при подпискѣ и ежемѣс. не менѣе 1 р. съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплочена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

2—3

(химія), *В. Передольскій* (антропологія), проф. *Л. Петражицкій* (юрид. науки), проф. *С. Ф. Платоновъ* (исторія), *Э. Реклю* (географія), *Е. де-Роберти* (философія), *Н. Родзевичъ* (исторія права), прив.-доц. *Н. Рожковъ* (исторія и экономія), проф. *Л. Саккетти* (исторія искусства), прив.-доц. *В. Таліевъ* (ботаника), проф. *М. Тамамшевъ* (исторія), проф. *Ф. Трачевскій* (исторія), *В. Тотоміанцъ* (полит. экон.), *Ѳ. Е. Туръ* (физіологія), *М. Филиппов*ъ (философія и истор. литер.), *А. Финнъ* (полит. экон.), проф. *О. Хвольсонъ* (физика), проф. *Н. Холодковскій* (зоологія), проф. *В. Шимкевичъ* (зоологія) и мн. др.

Въ отдѣлѣ: «Народный Университетъ» (для САМООБРАЗОВАНІЯ) принимаютъ участіе учредители русской парижской школы Общественныхъ наукъ: проф. *Ю. Гамбаровъ*, проф. *Максимъ Ковалевскій*, проф. *М. Томашевъ, Е. де-Роберти*, члены одесскаго лекціоннаго комитета и другіе ученые.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны въ 1903 г., между прочимъ, слѣдующіе курсы и сочиненія: Проф. *Лассаръ-Конъ*. Химія обыденной жизни. (Съ рис.). Д-ръ *Гааке*. Строеніе и жизнь животнаго (Съ рис.).— *Тиндаль*. Теплота, какъ родъ движенія. (Съ рис.). *Б. Лангкафель*. Африканскія и американскія расы. Съ дополненіями В. Передольскаго. (Съ рис.). Проф. *М. Тамамшевъ*. Багдадскій халифатъ. Исторія арабовъ. *Летурно*. Психологія народовъ. Проф. *Е. Бемъ-Баверкъ*. Критика теорій эксплуатаціи и, въ частности, теоріи Маркса. *Тиндаль*. Звукъ (съ рис.). *Таръ*. Первобытное общество. (Съ предисл. *М. Ковалевскаго*. Систематика животныхъ: *Бау*. Руководство къ опредѣленію жуковъ, пер. под. ред. *Н. Холодковскаго*. (Съ рис.).— Кромѣ того:

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы.

Новое русское изданіе, переработанное и значительно дополненное относительно новѣйшей эпохи, подъ ред. *М. Филиппова*. Со многими *рисунками и портретами*. Въ 1903 году, изъ этого извѣстнаго труда будетъ помѣщенъ *первый томъ*, представляющій вполнѣ законченное цѣлое (литературы Востока, Эллады, Рима, французская, итальянская, испанская и др. романскія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки въ Спб. 7 р. Съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 8 р. Разсрочка по ДВА рубля за четверть года. За границей 10 р. Адресъ Главной Конторы: Спб., *Улица Жуковскаго (Малая Итальянская). д. 37.*

Допускается разсрочка отъ **2 руб**. (черезъ каждые 2 мѣсяца). За границу доплачивается **2 руб**. за пересылку. **Всѣ подписчики «Южныхъ Записокъ»** могутъ получить за **3 руб. 50 коп**. роскошное иллюстрированное изданіе (по мѣрѣ выхода въ свѣтъ въ теченіе года) ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ЗНАМЕНИТАГО НѢМЕЦКАГО ПОЭТА **ГЕНРИХА ГЕЙНЕ** въ *12 изящныхъ томахъ*, въ переводѣ извѣстныхъ русскихъ писателей, съ *500* превосходныхъ иллюстрацій, взятыхъ изъ рѣдкаго изданія Бензингера, стоющаго за границей *40 руб.* Подписавшіеся на соч. ГЕЙНЕ съ разсрочкой уплачиваютъ при подпискѣ *1 руб. 50 коп.* и черезъ каждые 2 мѣсяца по *1 руб.* Иногородніе доплачиваютъ 1 р. за пересылку книгъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ Одессѣ исключительно въ Главной Конторѣ Журнала, Ришельевская, д. № 6 (при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»). Въ другихъ городахъ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ—(скидка 50 к. съ годов. экз.).

Первый № «ЮЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ» выйдетъ въ серединѣ декабря.

Адресъ редакціи: г. Одесса, Почтовая 6.

Редакторъ-издатель д-ръ мед. **И. Ѳ. Сабанѣевъ.**

1—3

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб**. съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности 1 **руб. 50 коп** съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к., ц. VI-й —3 р. 50 к., ц. II, VII, IX, XIII—3 р., ц. VIII, X, XI—2 р., ц. XII—4 р., ц. XIV, вып. 1—1 р. 25 к., ц. 2 и 3 в.—1 р. 40 к., ц. XV кн. 1, 2, 3 и 4 в.—1 р. 50 к., ц. XVI кн. 1—3 в. (Гог. сб.)—4 р. 50 к., ц. XVI кн. вып. 4—1 р. 50 к.—Каждая съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

каго рода, званія и положенія, съ серьезными требованіями къ литературѣ.

Ежемѣсячное изданіе «НОВАГО ДѢЛА» представляетъ собою литературный журналъ съ критическимъ отдѣломъ, какъ-бы самостоятельное ежемѣсячное изданіе, посвященное тѣмъ сторонамъ жизни, которыя не входятъ въ область интересовъ дня. ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ, посвященные русской и иностранной журналистикѣ, даютъ читателю возможность слѣдить за движеніемъ мысли и литературы въ Россіи и за границей.

Еженедѣльная общественно-политическая газета „НОВОЕ ДѢЛО", вмѣстѣ съ книжками «НОВАГО ДѢЛА», охватываетъ всѣ вопросы и интересы текущей жизни. Кромѣ общихъ руководящихъ общественно-политическихъ статей, помѣщаются руководящія же статьи по очереднымъ практическимъ вопросамъ, тщательно обработанная хроника законодательной, земской и общественной дѣятельности, политическія извѣстія и обзоры текущей заграничной жизни; извѣстія обо всемъ новомъ, что дѣлается въ наукѣ; подробныя сообщенія о новыхъ книгахъ, обстоятельныя статьи общекультурнаго, бытового, общественно-жятейскаго и популярно-научнаго характера; корреспонденціи; замѣтки о живописи, музыкѣ и театрѣ. Особенное вниманіе удѣляется явленіямъ мѣстной русской такъ называемой «провинціальной» жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на ежемѣсячный журналъ или еженедѣльную газету *отдѣльно* на годъ—*7* руб., на 6 мѣс.—*3* руб. *50* коп., на 3 мѣс.—*1* руб. *75* коп., съ пересылкой. То же, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты на годъ—*10* руб., на 6 мѣс.—*5* руб., на 3 мѣс.—*2* руб. *50* коп., на 1 мѣс.—*85* коп. съ пересылкой. За границу на *3* руб. въ годъ дороже. *Книгопродавцамъ уступка.* Гг. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, С.-Петербургъ), гдѣ принимаются объявленія.

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ, Гончарная, 10.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: кромѣ конторы редакціи, также и въ отдѣленіи конторы „НОВАГО ДѢЛА", при книжныхъ магазинахъ „Новаго времени", Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина, въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.*

2—3

ныя свѣдѣнія. 13) Портреты, рисунки къ тексту. 14). Стороннія извѣстія (рекламы) 15) Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1903 годъ.

На годъ *7 р.,* на 9 мѣс. *6 р.* на 6 мѣс. *4 р.* на 3 мѣс. *2 р.* на 1 мѣс. *75 к.*

Подписка *на 1903 годъ* и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.

Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп.

За перемѣну адреса 40 коп., при чемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Плата за объявленія: впереди текста первый разъ по 40 коп., со строки, а послѣдующія по 20 к.; позади текста первый разъ 20 к. со строки, а послѣдующіе по 10 к. съ печатной строки.

Иногороднихъ просятъ адресоваться въ главную контору «Кіевской Газеты» Б.-Владим. ул. № 34.

Адресъ Главной конторы: Кіевъ, Б.-Владимірская ул. № 34. Телефонъ Главной Конторы: № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель.*
Редакторъ *А. Ф. Френкель.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ

на новый ежемѣсячный литературный, историческій и научный журналъ

„Всемірный Вѣстникъ"

Общее направленіе журнала остается тѣмъ же, что было въ «Вѣстникѣ всемірной исторіи» (т. е. общественно-прогрессивнымъ), полнымъ правопреемникомъ котораго явится «Всемірный Вѣстникъ». Литературно-историческія задачи изданія настолько выяснились за $2^1/_2$ годовой періодъ существованія журнала, что намъ, которые вели В. В. И. впродолженіе этого періода, нѣтъ необходимости повторять о нихъ.

Не рекламируя изданія и не указывая на его предполагаемое содержаніе, Редакція всегда стремилась къ тому, чтобы книги журнала представляли собой значительный литературный интересъ. *Мы не будемъ указывать на то, что дадимъ, напомнимъ лишь о томъ, что мы уже напечатали.* Изъ трудовъ, помѣщ. въ В. В. И., позволимъ себѣ, переименовать слѣд.: проф. *Максимъ Ковалевскій:* «Эволюція собственности», «Рабочій вопросъ въ средніе вѣка», Почитаніе предковъ у Кавказскихъ народовъ»; проф. *М. А. Рейснеръ:* «Языческій Римъ и христіанская совѣсть», «Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка»; проф. *А. С. Трачевскій:* «Наполеонъ I»—истор.-біогр. оч., «Міръ Ислама», «Французскіе интенданты»; проф. *Н. П. Лихачевъ:* «Антоній Поссевинъ и Истома Шевригинъ»; проф. *Н. М. Коркуновъ:* «Четыре проекта преобразованія Сената»; проф. *С. Ѳ. Платоновъ:* «О титулѣ «думный дьякъ»; проф. *Г. А. Комаровскій:* «Англія и Трансвааль»; проф. *П. И. Ковалевскій:* «Христина, королева Шведская»—ист.-психолог. оч.; проф. *Э. Марксъ:* «Королева Елисавета Англійская и ея время»; проф. *И. Н. Ждановъ:* «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ»; *В. М. Грибовскій:* «Алмазъ изъ рода Гиреевъ»—романъ, «Процессъ братьевъ Пушкиныхъ», «Деревенскій Грозный старыхъ временъ»; проф. *Ѳ. О. Зелинскій:* «Первое свѣтопреставленіе»; *Д. Л. Мордовцевъ:* «За всемірное владычество»—ист. ром.; *В. Я. Свѣтловъ:* «Даръ слезъ»—ром., «Венецейская лагуна», ром.; *Д. Ѳ. Кобеко:* «Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы»; *Н. К. Шильдеръ:* «Къ исторіи Шкловской командировки Г. Р. Державина въ 1799 г.»; *Э. Вестермаркъ:* «Матріархатъ»; *Л. Е. Оболенскій:* «Механизмъ идеала въ исторіи»; *А. А. Хахановъ* «Прошлое Грузіи»; *П. О. Пирлингъ:* «Сорбонна и Россія»; *Батуринскій:* «Герценъ и Тургеневъ» (переписка Г. съ Т.); *В. С. Соловьевъ:* «Воскресное письмо»; *Іосибуми Куроно:* «Принцъ Ммая-до»—оч. изъ ист. Японіи; *К. Каутскій:* «Очерки по исторіи культуры», «Парламентаризмъ и партіи въ Англіи», «Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка»; *І. І. Ясинскій:* «Очерки захолустной жизни»; *В. Смоленскій:* «Исторія польскаго народа»—и мн. др. Редакція главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на интересъ содержанія и художественность воспроизведенія беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ. Обѣщали свое участіе многіе выдающіеся писатели, ученые и другіе художественные и общественные дѣятели. Въ портфелѣ Редакціи имѣется нѣсколько интересныхъ произведеній, съ которыми она предполагаетъ ознакомить своихъ подписчиковъ, между ними рядъ статей: *К. И. Арабажина,* кн. *В. В. Барятинскаго, Батуринскаго, А. М. Бобрищева-Пушкина,*